

РОК ИНГИ

ПРОЛОГ

Их накрыл МУР в ночь на тринадцатое мая в пустой пятиэтажке неподалеку от Ваганьковского кладбища. Кто они были — сатанисты, староверы, или члены иной религиозной секты, сейчас сказать трудно, поскольку уголовного дела не сохранилось. Им вменялось в вину не столько пропаганда чужой идеологии, сколько похищение пятилетнего ребенка.

Юля Вишневская пропала одиннадцатого мая 1982 года около десяти часов утра. Слух об исчезновении девочки с Чистопрудного бульвара облетел всю Москву. Как потом рассказывала ее родительница, она только на минуту отвернулась к лотку, чтобы купить печенье, и дочь словно растаяла в воздухе. Вся милиция столицы была поднята на ноги. В последующие два дня у каждого милиционера имелась фотография исчезнувшей малышки.

Двенадцатого мая в половине двенадцатого вечера в дежурной части МУРа раздался звонок. Звонил сторож Ваганьковского кладбища. Он сообщил, что на огороженный участок пятиэтажного дома, который подготовили для сноса, проникли какие-то подозрительные граждане. Звонивший видел как со стороны Ходынской улицы несколько мужчин и женщин пролезли на запретную территорию через щель в заборе, а затем забились изнутри доской. Необычным было то, что нарушили ничем не напоминали ни бомжей, ни бродяг. Од-

нако что приличным людям делать в пустом доме, да еще с маленькой девочкой?

— С девочкой? — подпрыгнул на стуле дежурный. — Как выглядела девочка?

— Было темно. Не разглядел. На вид лет пять. В коротком платьице. Ее вели за руку, и у нее заплетались ножки.

— Ждите, сейчас подъедем!

Через двадцать минут к воротам Ваганьковского кладбища подкатило два милицейских «УАЗика». Выскочивший навстречу сторож без лишних слов отвел прибывший наряд к забору, через который на огороженную территорию просочились странные люди в цивильной одежде. Когда группа захвата через ту же щель проникла во двор, то к своему удивлению не узрела ни одного горящего окна. Из пустого дома, смотревшего на них черными глазницами окон, не доносилось ни единого звука. Бойцы бесшумно рассыпались по подъездам. Через две минуты выскочивший из третьего подъезда сержант побежал к командиру отделения и взволнованно доложил:

— Там на четвертом этаже жгут свечи и молятся.

— Девочку видел? — спросил капитан.

— Нет! — ответил милиционер. — Я в комнату не входил, чтобы не спугнуть...

— Правильно! — одобрил командир. — Все за мной!

В одной из квартир на четвертом этаже горело тринадцать свечей. Над ними тесным полукругом стояло тринадцать человек в глухих плащах с капюшонами, надвинутыми по самые подбородки. Посередине замерла испуганная девочка с распущенными волосами. Ее лицо было бледным, зрачки расширены. Она жалась к женщине, державшей ее за плечи. Женщина была похожа на сумасшедшую. После окончания молитвы она откинула капюшон, воздела руки к облупленному потолку и громко воскликнула:

— Вижу начало нового тысячелетия!

Ее глаза сделались безумными, нос изогнулся в крючок, худое и дряблое лицо побелело, седые волосы поднялись дыбом.

— Вижу рождение новой эпохи, — глухо прошептала она, и взгляд ее сделался мутным. — Это будет наша

эпоха! Тот, который станет владыкой мира и преобразит землю, появится на свет в две тысячи втором году. Он родится от семени титана, который в пятницу тринацатого июля две тысячи первого года спустится во плоти в этот мир. Та, что произведет на свет нашего владыку, сегодня в полночь огласит криком Преображенский роддом. Она уже рвется к нам! Да поможем ей в этом и облегчим ее страдания тем, что принесем в жертву непорочное дитя.

— Поможем! — хором воскликнули двенадцать человек и сделали шаг к девочке, которая испуганно вжалась в колени старухи.

— Я слышу, как бьется сердце младенца, и вижу, как тяжело ей дается вхождение в этот мир.

Ясновидящая, так четко видевшая сквозь время и на расстоянии, не видела и не слышала несущихся наверх милиционеров. Оперативники влетели в комнату в ту минуту, когда над головой малыши уже был занесен жертвенный нож. Капитан бросился на старуху, ловко выбил из дряблой руки лезвие и врезал ей в челюсть. Старушка отлетела в угол, ударилась головой о стену и потеряла сознание. Подчиненные бросились вязать остальных.

Через пару минут со всех членов секты были сорваны капюшоны и на руки надеты наручники. Девочка была спасена. Она действительно оказалась пропавшей Юлей Вишневской. Когда капитан поднес ко рту радио, чтобы вызвать дополнительные машины, в Москве пробило полночь. В эту минуту в Преображенском роддоме дежурный врач сделал скальпелем надрез на животе молодой женщины, которая не могла разродиться вторые сутки.

На последнем ударе курантов сумасшедшая ясновидящая пришла в себя. Она счастливо улыбнулась и прошептала:

— В пятницу тринацатого июля две тысячи первого года явится тот, от которого она родит.

Часть первая УДАВЛЕННИК В СПОРТИВНОМ КОСТЮМЕ

1

13 июля 2001

На вид она была типичной блудницей. Короткая юбка, обволакивающий взгляд, пухлые губы и упругая грудь, готовая в любую минуту вывалиться из открытой блузки. Несмотря на то, что ее зубы выбивали морзянку и по щекам текла тушь, взгляд девушки оставался томным. Даже пережитый утром ужас не затемнил ее кошачью натуру. «Девушки подобного рода блудницы по жизни. никакие потрясения и удары судьбы не изменят их природы», — подумал следователь следственного отдела милиции и нахмурил брови.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать, — всхлипнула она.

— Как вы оказались на месте происшествия?

— Случайно.

— Случайно проходили мимо?

Она метнула укоризненный взгляд на сидящего напротив мужчину (в первую очередь — на мужчину, а уж во вторую — на полковника милиции) и судорожно вздохнула:

— Я не хотела к нему идти. Мы с ним давно расстались. Но так получилось. Понимаете? Я осталась совсем одна. Меня все бросили, а тут еще... такое навалилось...

Подбородок ее задрожал, и в глазах мелькнула такая детская беспомощность, что следователю стала не по себе. Было видно, что помимо пережитого девушка напугана чем-то еще.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Батурин.

— Это так. Мое личное. К делу не относится.

— Понятно, — Анатолий Семенович нервно постучал ручкой по столу. — А что относится? Насколько я понял, вы были с ним близки?

— Духовная близость оказалась мнимой...

— Я спрашиваю не о духовной близости, — мягко перебил следователь. — Вы были его любовницей?

Девушка захлопала ресницами и едва заметно кивнула.

— Где и когда вы с ним познакомились?

— Я пришла к нему в журнал со стихами друга. Это было в позапрошлом году...

— Вы тогда еще были несовершеннолетней? Ну-ну. Продолжайте.

Ресницы девушки снова чувственно встрепенулись, и следователь ощутил на себе ее укоризненный взгляд.

— Продолжать нечего. Два года мы с ним встречались, а два месяца назад решили расстаться. Точнее, решила я. А он был против.

Допрашиваемая неожиданно расплакалась, и следователю ничего не оставалось, как налить из казенного графина воды. Она дрожащими руками приняла стакан и сделала несколько судорожных глотков.

— Успокоились? Прекрасно. Продолжайте!

— Это он из-за меня, — шмыгнула носом девушка. — Натан меня предупреждал, что наложит на себя руки, если я его брошу. Но я больше не могла с ним. Понимаете? Он всегда меня унижал...

— В чем это проявлялось? — оживился Батурина.

Девушка снова хлопнула ресницами и, стрельнув глазами, произнесла с опущенными ресницами:

— Извините, но это наше интимное. К делу не относится.

— Что ж, давайте по делу, — произнес Анатолий Семенович с металлом в голосе. — Он говорил вам открытым текстом, что повесится, если вы его бросите?

— Ну, что вы? Он такой деликатный, — надула губы девушка. — Прямо он, конечно, не говорил. Но намекал.

Батурина подавил улыбку и продолжил:

— Ну, а после того, как вы решили от него уйти, ваши встречи продолжались?

— Что вы? — распахнула глаза блудница. — С тех пор я его больше не видела. Правда, он пару раз звонил и один раз приезжал к моей подруге. В то время я жила у нее. Но встречаться — нет! Больше не встречалась.

Глаза следователя сделались хитрыми.

— Тогда почему он повесился именно сегодня утром, а не два месяца назад?

— Не знаю! — испуганно прошептала девушка. — Может потому, что сегодня пятница тринадцатое? — девушка вытаращила глаза и прошептала. — Это ужасно. Я захожу к нему в кабинет, а он висит... И лицо у него такое грустное, грустное. А вокруг никого...

— Согласен. Зрелище не из приятных, — нетерпеливо перебил Анатолий Семенович, опуская мистическую подоплеку происшествия. — Но зачем вы пошли к нему? И почему именно сегодня? Вы почувствовали, что ему плохо?

— Нет, ничего я не почувствовала, — заморгала глазами девушка. — Я же вам сказала, что это получилось случайно. Я просто осталась совсем одна. Я к нему не хотела. Я сразу с вокзала поехала к моей подружке, а у нее там такое! Боже, спаси и сохрани! — испуганно перекрестилась свидетельница. — Тогда я поехала к Наташу Сигизмундовичу. Чтобы увидеть живого человека...

— Увидеть живого? — машинально переспросил следователь и снова подавил улыбку. — Так, значит, вы только сегодня приехали в Москву? Откуда, если не секрет?

— Из Самары.

— Что вы там делали?

По телу девушки прокатилась дрожь, и Батурин догадался, что задержанная напугана именно тем, что произошло в Самаре.

— Я ездила к одному парню, — произнесла она по мертвевшими губами. — Из-за этого парня я бросила Вороновича. Но он оказался не тот, за кого себя выдавал.

Девушка испуганно заглянула в глаза мужчине и закусила нижнюю губу.

— Поясните! — нахмурился Батурин.

— Его там не оказалось. Вернее он там оказался, но оказался совсем другим. А тот, который встретился мне на Чистопрудном бульваре, оказался вообще не тот. Поэтому что его, ну, который мне встретился, вообще не существует в природе. Понимаете?

Зрачки следователя чуть не выползли на переносицу. Он зажмурил глаза и сильно тряхнул головой, чтобы снова расправить извилины.

— Не понимаю! — произнес он сурово. — Еще раз поясните! Что значит: не существует в природе?

— Ну, чего тут непонятного? — занервничала девушка. — Он из другого мира. Неужели не ясно?

Девушка втянула голову в плечи и испугано зыркнула по сторонам. В глазах у Батурина мелькнула тревога. Он внимательно вглядился в задержанную и отметил нездоровую испарину на лбу и шальной блеск в глазах. «Ей не мешало бы показаться врачу», — подумал он.

— Теперь понятно... — кивнул полковник милиции и потянулся к листку, чтобы подписать пропуск.

— Вы думаете, я брежу? — распахнула глаза девушка, чутко уловив, что ей не верят. — Он знал обо мне все, даже то, чего я не знала. Даже про Ирландию. Даже про родинку на животе, которой у меня не было. Он умел управлять погодой. Не верите? В тот день, когда мы встретились с ним на Чистых прудах, небо было ясным...

Девушка вдруг умолкла и пронзила следователя таким осмысленным взглядом, что тот усомнился по поводу ее природного блуда.

— И что? — спросил он как можно мягче. — Причем здесь небо?

— А при том, что в этой жизни я не заслужила ясного неба...

2

8 мая 2001
За 66 дней до этого

С тех пор, как отец ее голой выволок из постели одноклассника и отстегал солдатским ремнем, небо для нее померкло. Это произошло в восьмом классе. С тех пор Инга не помнит ни одного солнечного дня, словно солнце навсегда прекратило свое существование. Но в то майское утро (за два месяца до этого происшествия) небо было ясным. За это Инга может отдать зуб, хотя и проснулась с головной болью и тошнотворной помойкой во рту. Она встала с кровати, подошла к окну и первое, что произнесла, взглянув сквозь пыльное стекло на

грязное шоссе, свою ежедневную бессмысленную фразу: «Боже, как гнусно!»

Гнусно, гнусно! Если бы ее воля, она вообще бы не открывала глаза, чтобы не видеть эти серые улочки, неухоженные девятиэтажки, пыльные киоски, немытые витрины, поломанные лавочки, ободранные кусты, а главное — рожи. Эти сонные, скучные, небритые, озабоченные рожи под вечно свинцовым, вечно беспрозрачным московским небом. А ведь ей только что снилась солнечная высь и море. Она барабанщикала в волнах и видела берег с красивой романтичной скалой. Ей всегда снится эта скала, и то, как она барабанщается в море.

Но пора бы и поторопиться. Воронович капризный, как баба. Старый козел! Похотливый пес! Вонючая, трухлявая обезьяна, которая не имеет привычки ждать, и сразу давит на газ, если не видит ее на месте.

Юлька уже упорхнула на работу, оставив гору немытой посуды. Значит кроме душа, косметики и утюжи юбки, нужно будет еще приготовить завтрак. «Ненавижу готовить завтраки», — второе, что произнесла Инга в то утро и тихо простонала. «Нет, правда, закрыть бы глаза и навсегда провалиться куда-нибудь под землю в царство абсолютного небытия или в царство крохотных фей, где туч не существует вообще», — подумала девушка, потому что в ту минуту в комнате снова потемнело. Но когда он заговорил с ней на Чистопрудном бульваре, то вовсю сияло солнце. Это Инга помнит точно, потому что подумала: «Сколько же много в жизни (черт бы ее побрал!) зависит от того, что над головой».

Она летела, неслась, опаздывала, цокая каблучками и проклиная на своем пути все, потому что яичница подгорела и пришлось отскребать сковородку, затем юбка прилипла к утюгу в самом пикантном месте и пришлось уксусом отпаривать утюг. Наконец, уже за самым порогом оборвался ремешок босоножки. Пришлось влезть в Юлькины туфли, которые тут же начали натирать пятку и свертывать в трубочку пальцы, но главное — туфли совсем не подходили к юбке. Вдобавок, голова гудела после вчерашнего «розового крепкого», внутри что-то нехорошо булькало, и все это вызывало такое раздражение, что она готова была вцепиться в рожу первому встречному за один похотливый взгляд.

Но тот тип не возмутил внутри ничего, потому что в его глазах не было похоти, а была рассеянность. И когда девушка пронеслась мимо, то почувствовала, что он ог-лянулся.

А почему бы нет? Она хороша, длиннонога, голубоглаза и, наконец, натуральная блондинка. К молодым людям, беспардонно плящимся на нее, она привыкла, но далеко не всех фиксировала в своем сознании. Откуда-то пришла привычка подмечать холеных мужчин в дорогих костюмах, разъезжающих на «порше» и «мерсах». Замечала Инга и мужиков на «маздах», но уж никак не меньше, потому что со своими данными она тянет именно на иномарку. Разумеется, Воронович со своим потасканным «москвичонком» был исключением.

Итак, попавшийся навстречу молодой человек не вызвал у нее тошноты, хотя и относился к тому типу парней, к которым она не испытывала благосклонности. Поэтому через пару минут он по вполне банальной причине вылетел из ее головы.

Пруды были не первой свежести, с зеленою густой водой, в которой плавали доски, ящики и бумажные коробки. Ресторан над прудами также был запущен, а нижние стекла выбиты распоясавшимися подростками. Грязными были и скверик, и сидевшие на лавочке кавказцы, кричавшие ей что-то неприятное. И подобная эстетика тоже не способствовала безоблачному настроению, а туфелька, натиравшая пятку, формировалась лавину первобытной ярости. Было уже восемь минут первого, когда она подлетела к памятнику Грибоедову, перед которым простиралась небольшая площадь, превращенная в рынок. Слева обычно стояли машины, но колымаги Вороновича не было.

Это в его стиле! И чего было рваться? Когда-нибудь она сберется с духом и выскажет в его потную физиономию все. И тогда уже уйдет навсегда. Навсегда, навсегда! Ведь должно же это когда-нибудь кончиться?

Девушка повертела головой и с удивлением заметила, что симпатичный молодой человек все это время неотступно следовал за ней. Неужели начнет клеить?

Она сделала вид, что ей безразлично, перекинув внимание на выплыvавший из-за угла машинный поток. Воронович наглел. Сейчас бы развернуться и уйти.

И не просто уйти, а уйти насовсем. Но нельзя же так сразу: без слез, без ненависти, не высказав в глаза все, что она о нем думает. Незнакомец подошел сзади и беспардонно заглянул в лицо. Девушка не отвернула головы. Пусть убедится, что зрение его не обманывает. Пусть, наконец, смутится и пройдет мимо, не решившись не только обронить словечко, но даже улыбнуться. Только у самого входа в метро он тоскливо оглядывается, вздохнет и канет в лабиринтах движущихся лестниц навсегда. Так уже было тысячу раз.

Однако вопреки всему этот сумасшедший поздоровался с ней подозрительно вежливо. Инга подняла глаза и, вглядевшись в его добродушную физиономию, подумала, что парень, должно быть, ее давнишний знакомый. Но что за чертовщина? Всех своих знакомых она знает наперечет, и срок давности значения не имеет.

Девушка напустила на себя недоумение и демонстративно осмотрела субъекта с головы до ног. По всем канонам мужчина положительный, лет тридцати, с приятной сединой, умными глазами и, кажется, без вредных привычек. На ее надменность он весело расхохотался и вдруг спросил:

— Вы меня не узнали? А ведь мы с вами встречались...

3

13 июля 2001

После того, как девушка ушла, следователь долго скреб висок и сердито хмурил брови. На первый взгляд дело было несложным. Повесился сотрудник литературного журнала. Из-за невостребованности, беспросвета, нищеты. А, может, просто перепил. Мало ли из-за чего вешаются литераторы? Как известно, они народ неуравновешенный, поэтому и пытаются уравновесить себя посредством намыленной веревки. Дело не в этом. Удивительно другое, что, во-первых, заведующий отделом поэзии явился для этого на работу, а, во-вторых, облачился в спортивный костюм и кроссовки. За все время службы Батурину ни разу не приходилось встречаться с самоубийцами в спортивных костюмах. Это

какой-то идиотизм: сначала совершить оздоровительную прогулку, а потом свести счеты с жизнью. Интересно, для чего? Чтобы лучше выглядеть в гробу, или чтобы бодрым быть на том свете? Одно из двух, либо самоубийца полный идиот, либо решение повеситься пришло ему уже после того, как он выбежал из дома. В таком случае, где он раздобыл веревку и мыло?

Батурин дважды клал руку на телефон и дважды отдергивал. Интуиция подсказывала, что это дело не настолько простое, чтобы отдать его практиканту. Максим Игошин, конечно, парень толковый, но утверждение свидетельницы, что литератор повесился из-за неразделенной любви к ней без сомнения примет за чистую монету. Только где это видано, чтобы российские литераторы вешались из-за любви? Кстати, с этой нимфой еще нужно разобраться. Но это уже после резюме психолога. Она явно чего-то не договаривает и выдает себя не за ту, какова на самом деле. Еще одну деталь уловил следователь при разговоре. Самоубийство любовника не особо потрясло девушки. Ее потрясло что-то другое. Скорее всего, поездка в Самару. Хотя не исключено, что свой испуг она активно симулировала. Но зачем? Обычно это делают для того, чтобы отвести подозрения. Она же наоборот — пытается взять вину на себя. Одним словом, пусть с ней сначала разберется психолог.

В это время секретарь внесла в кабинет протокол осмотра места происшествия. Следователь быстро пребежал по нему глазами и сразу обратил внимание на некие странности в показаниях вахтера. По его уверению, заведующий отделом поэзии явился в журнал в восемь утра в спортивном костюме налегке. У него не было не только сумки, но и даже ключа от собственного кабинета. Если бы в руках он держал капроновую веревку и кусок мыла, вахтер бы обратил внимание. Но поскольку не обратил, значит, эти предметы были присенены заранее.

Итак, если верить показаниям вахтера, около восьми утра самоубийца постучал в дверь редакции и первым делом осведомился, не спрашивал ли его кто-нибудь? (В такой час? Странно). После чего литератор взял у вахтера запасной ключ и поднялся к себе на второй этаж, предупредив охранника, что к нему должны прийти с

минуту на минуту. Именно так понял его слова вахтер и поэтому оставил входную дверь открытой. Однако прошло около двух часов, прежде чем в редакцию позвонили.

Вахтер впустил в помещение молодую девушку, которая сразу проследовала в кабинет заведующего отделом. Через две минуты она тихо пронеслась мимо каптерки и выбежала на улицу, не произнеся ни слова. Возможно, вахтер не обратил бы внимания на ее бегство, если бы не сильно хлопнувшая дверь. Обеспокоенный сторож выглянул в окно и увидел, что девушка в панике улепетывает в сторону автобусной остановки. Ее вид был настолько испуганным, что вахтер, заподозрив неладное, поднялся на второй этаж. Вот тут он и обнаружил, что сотрудник журнала, которого он впустил два часа назад, повесился в своем кабинете на крючке для люстры.

«Смерть наступила между восемью и восемью тридцати», — прочел Батурин заключение врача и, бросив протокол на стол, поднял глаза на секретаршу, высокую, тонкую женщину в строгих очках. Она с готовностью хлопнула ресницами и деловито осведомилась:

— Дело передать в прокуратуру?

— Пока не надо. Я сам проведу проверку. Несите мне все документы и пригласите оперуполномоченного Сапрыкина.

Через минуту в кабинет вошел усатый мужчина лет двадцати пяти. Он выразил удивление тому, что проверку заурядного самоубийства поручили не дознавателю, а старшему следователю следственного отдела.

— Не такое уж оно и заурядное, — сощурился полковник Батурин. — Я дважды прочитал ваш отчет и ни черта из него не понял. Например, где лежало мыло?

— Какое мыло? — удивился опер.

— Которым самоубийца натер веревку. Ведь вы написали в протоколе, что веревка была натерта белым мылом «Дуру».

— А-а! Вот, оно что! — сообразил Сапрыкин. — Мыла на месте происшествия обнаружено не было. А то, что веревка была натерта именно этим мылом, это я определил по запаху. Моя жена помешана на этом мыле, так что с запахом я ошибиться не мог.

Батурин насмешливо вгляделся в подчиненного и сожурил глаза:

— В карманах у трупа смотрели?

— Обижаете, Анатолий Семенович! Неужели вы думаете, что если бы мыло лежало в кармане, мы его не нашли? И потом, в спортивном костюме жертвы не было никаких карманов.

— Хорошо. С мылом проехали! — тряхнул головой Батурин. — В протоколе ничего не сказано про стремянку.

— Про какую стремянку? — поднял брови опер.

— Про ту, при помощи которой самоубийца накинул на крюк веревку. Ведь вы же пишите, что высота в кабинете более четырех метров, а веревка была привязана к тому же крюку, что и люстра. До него можно добраться либо при помощи стремянки, либо при помощи стола и стула. Но как я понял из вашего протокола, стол не двигали.

— Насчет того, что не двигали, я не писал, — неуверенно пробормотал Сапрыкин.

— Но если стол, согласно вашему отчету, завален пачками с рукописями, на которых лежала пыль, то вряд ли могли его двигать. Или все-таки двигали?

— Вообще-то не похоже, — задумался оперуполномоченный. — Для того чтобы сдвинуть, нужно было бы все бумаги сбросить на пол. Но тогда бы на папках не было пыли... Странно... Я как-то об этом не подумал. Но могу сказать твердо: стремянки в кабинете не было.

— Может быть, стремянка была в коридоре?

Лоб Сапрыкина превратился в гармошку, глаза остекленели. Было видно, что это истинное мучение — вспоминать полутемные коридоры редакции, к тому же — мучение неблагодарное.

— Черт с ней, со стремянкой, — махнул рукой начальник. — Как насчет посторонних следов?

— Это к криминалистам, — коротко ответил Сапрыкин.

— А говорите, заурядное самоубийство. Надеюсь, не все следы затоптаны.

— Обижаете, Анатолий Семенович, — выпятил губы опер. — Опечатали, как полагается. Мы ничего не тро-

нули. Можно сказать, даже не входили... Только труп сняли...

— Это заметно, что не входили. Когда вы прибыли на место?

— Сразу же после звонка охранника. Звонок поступил в отдел в десять двадцать, а в десять пятьдесят мы уже были на месте происшествия.

— Где задержали девушку?

— Ее выдернули из дома. Сторож случайно знал ее домашний телефон.

— Случайно? Хм. Странно... Что она говорила? Отpirалась?

— Нет. Сразу во всем призналась. Но, по-моему, девица была не в себе. Сначала говорила, что она здесь ни при чем, а потом стала уверять, что Вороновича довел до самоубийства один ее знакомый, которого милиции никогда не найти. После этого начала нести какую-то околесицу, что якобы этот ее знакомый выдавал себя за Владимира Новосельского, агента Самарской компьютерной фирмы «Интел электроник», а на самом деле был английским моряком, и что, якобы, девушка познакомилась с ним в Ирландии в 1628 году. Прикиньте, Анатолий Семенович!

— Действительно, какой-то бред, — согласился следователь.

4

8 мая 2001
За 66 дней до этого

«Мы с вами встречались», — звенело в ушах, когда колымагу Вороновича заносило на поворотах, и Инга, отчаянно труся, вжималась в продавленные сиденья. От него опять несло перегаром, но он плевать хотел на ГИБДД. А ГИБДД плевать хотело на него, и по странному стечению обстоятельств их пути никогда не пересекались.

«Встречались, ой встречались!» — дребезжало в расшатанных окнах, когда Воронович ударял по тормозам перед очередным светофором, и пассажирка готова бы-

ла провалиться от стыда при виде автоинспектора, косившегося в их сторону.

Но дудки! Не так уж и много Инга прожила, чтобы не помнить всех тех, с кем она действительно встречалась. А прожила она всего девятнадцать. Неужели только девятнадцать? Царица небесная! А ведь кажется целую жизнь. Инга давно себя чувствует пятидесятилетней старухой. Она все познала, все изведала, все вкусила. Кое-чем успела даже пресытиться, и теперь свое прошлое не может вспоминать не отплевываясь. Будущее также не сулило ничего светлого, и от этого в груди змеились два извечных неразлучных спутника: уныние и тоска. А ведь у нее под глазами уже наметились первые морщинки, а в глазах — при пристальном взгляде — уже можно заметить преждевременную усталость. И виновник тому — это обрюзглое и вечно пьяное животное, выворачивающее сейчас руль своего разболтанного «Москвича».

«Мы с вами встречались. Это было в Ирландии в 1628 году!» — проносилось в голове, а за окном проносились замызганные московские улочки.

На явного сумасшедшего мужчина не походил. Видимо, с юмором у него было все в порядке. Глаза его смеялись, шевелюру колыхал ветерок, но, когда он обмолвился об Ирландии, у нее, у бедной Инги, простой московской девчонки, перехватило дыхание. Ведь не позднее, чем вчера они с Юлькой после двух бокалов «розового крепкого» раскрыли бульварную брошюроку про судьбы и прошлые жизни и, суммировав числа из дат рождения, выяснили, что в прошлой жизни она обитала именно в Ирландии и занималась либо торговлей, либо каботажным плаванием.

И кто только такую чушь сочиняет? И какой идиот издает этот бред, тратя время и бесценную бумагу. А еще есть армия распространителей, которая на этом делает деньги. Но главное, что это читают. Неужели люди так отупели, что разучились элементарно шевелить извилинами. Выходит, все ее ровесники в прошлом выходцы из Ирландии, которые непременно либо торговали, либо плавали в северных широтах.

Юлька смеялась и признавала, что по большому счету это чушь, однако себе вычитала великолепную жизнь

в образе египетской жрицы. Юльке всегда везет: будь-то в личной жизни, в деньгах, или в картах. Даже в такой пустейшей ерунде она никогда не уронит себя и не опустится до каботажного плавания. Кстати, и муж ее, врожденный интеллигент, тоже ни коим боком не приобщался к торговле. В прошлой жизни он был японцем и занимался ядами. Сынок же их в прошлой жизни был индейцем и тоже занимался ядами. Словом, семейка подобралась что надо, — давились от смеха девушки, разливая по бокалам остатки розового.

Ну и гадость приходится пить! На испанские вина в темно-синих бутылках вечно не хватает денег. Но Юльку отсутствие денег никогда не угнетало. Деньги ей с лихвой заменяли любящий муж и шестилетний сынишка, похожий на купидончика. Да она и не нуждается в деньгах! Зачем счастливым людям эти жалкие бумажки? Стремление к деньгам — это плебейская потребность несчастных. Именно таким образом они компенсируют свое врожденное убожество. Юлькина душа не нуждается в компенсации. Она единственная на весь белый свет. В ней можно купаться, как в море, греться, оттаивать и прятаться от серого быта, словно в бетонном подземелье. Особенно после бездушия Вороновича.

Воронович, крутя баранку, имеет привычку честить жидов. Он и на смертном одре будет крыть их последними словами, тем более что до одра осталось совсем немного. Потом он перекидывается на сотрудников своего журнала, на Литфонд, на Союз Писателей и опять на жидов. И все начинается сначала. Боже, как скучно!

Другое дело Ирландия, семнадцатый век. Определенно с тем молодым человеком не соскучишься. Ведь это уму непостижимо, как у него ловко подвешен язык. У нее, у королевы двора, может, впервые в жизни рассудок помутился не от спиртного, а именно от языка. И было еще не поздно послать его подальше, но что-то удерживало Ингу от такого обращения.

Внезапно она поняла, что море, которое снилось ей с детства, плещется у берегов Ирландии, и что она барахталась именно в тех волнах, которые знала давно. Давно она знала и ту обветренную скалу, позеленевшую от волн, и каменистый берег, видимый со стороны бу-

шующего моря. В ту минуту девушка была уверена, что поднеси ей сейчас карту Ирландии, и она с точностью до сантиметра укажет место, где находилась та бухта, которая была ей роднее Москвы.

И как бы в подтверждение незнакомец не сводил с нее глаз и все плел и плел о ее прошлой жизни.

Оказывается, в прошлой жизни она была дочкой какого-то ирландского кабатчика. А он простым английским моряком. Как говорится, скромно, но со вкусом. Осенью в сезон штормов они втайне от ее родителей встречались в какой-то пещере, находящейся под высокой скалой. При упоминании о скале Инга вздрогнула. Подробности этих встреч мужчина деликатно опустил, зато скрупулезно описал ее прежнюю внешность. В принципе, она была такой же, как сейчас, только волосы посветлей, и глаза поголубей. А так — ни больше, ни меньше. Врет, конечно. Хотя, такая внешность ее тоже вполне устраивала. Ну, да черт с ним! Самое интересное, что его, просоленного морского волка, из всего облика девушки доводила до сумасшествия только одна небольшая деталь: круглая кофейная родинка у нее на животе слева от пупка.

И это все? Вот придурак! Что помешало Инге после этих слов отвернуться и демонстративно отойти в сторону? Не знаком с приличной девушкой и минуты, а уже ведет речь о каких-то родинках на интимных частях тела. И Вороновича все не было.

Но вместо того, чтобы сделать круглые глаза и ужаснуться, она легкомысленно рассмеялась, и при этом не испытала ни капли смущения.

— Но у меня нет никакой родинки!

— Вам виднее, — потупился он.

И это ей понравилось. Конечно, он играл и был далек от смущения (ну, еще бы, такой лось!), но играл очень мило, почти как профессиональный актер. Последнее, что он успел сорвать, — что судьба обещала их столкнуться.

У входа в редакцию Батурин столкнулся с вахтером. Вахтер, по всей видимости, намылился домой. Полковник тормознул его на крыльце и попросил вернуться, чтобы внести некоторые ясности в показаниях.

— Я уже вносил ясности, — недовольно произнес охранник.

— Ничего. Я вас долго не задержу, — ответил следователь.

Они зашли в крохотную калитерку под лестницей, которая находилась в четырех метрах от входной двери, и расположились напротив друг друга: охранник на топчане, а следователь на табурете. Каморка была тесной. В ней помещались только ученический стол, узкий топчан и шкаф. На лице охранника читалось откровенное недовольство.

— Часто сотрудники журнала приходят в восемь утра? — спросил следователь.

— Вообще никогда, — покрутил головой вахтер. — Раньше двух никто никогда не появлялся. Бывало, до восьми утра задерживались, но чтобы прийти в такую рань — не припомню.

— Задерживались до восьми? — переспросил следователь. — В журнале много работы?

Вахтер едва заметно усмехнулся.

— Это не моего ума дело, сколько в журнале работы. Но бывало, что задерживались и до утра. Тот же покойный частенько засиживался на работе. Особенно, когда пьяный. Однажды он четыре дня не выходил из кабинета. Когда же, наконец, вышел, уборщица у него из-под стола выгребла шестнадцать бутылок из-под водки.

— Понятно, — улыбнулся следователь. — А сегодня, когда вы ему открыли, заметили что-нибудь необычное на его лице, или в облике?

— Совершенно ничего не заметил! — хмыкнул вахтер. — Он был трезвый. Вид деловой. Выглядел вполне здоровым. Даже странно... — вахтер пожал плечами и задумался. — Нет-нет, абсолютно ничего не заметил. У меня вообще сложилось впечатление, что он забежал на минуту.

— Зачем? Не сказал?

— Нет, не сказал. Сказал только, что к нему должны подойти и чтобы я пропустил. В десять подошла Инга. Я ее и пропустил, как он велел.

— Вы ее знали?

— Видел несколько раз. А знать не знал. Он ее частенько приводил в редакцию... ближе к ночи. Но в последние полгода она здесь не появлялась. Я даже подумал, что Инга его бросила. Оказывается, нет. Честно говоря, я сегодня даже удивился, когда она пришла. Кстати, раньше он водил девиц через день. Но после того как его жена узнала и учинила здесь скандал, он стал водить девиц реже.

— Понятно. Как выглядела девушка, когда пришла?

— На ней лица не было. Глаза шальные, ничего не видят. Мне даже показалось, что она была под наркотиком. Я еще подумал, совсем опустилась милая. А была такой светлой.

— Вы с ней разговаривали?

— Можно сказать, нет. Перекинулись парой слов. Она спросила: «Воронович у себя?» Я ответил: «Уже два часа, как тебя ждет». И все. Она сразу побежала наверх. Ну, а как выбежала, я даже не заметил. Услышал только, как хлопнула входная дверь. Выглядываю в окно и вижу: бежит вся бледная, только туфельки сверкают...

— Ясно. Откуда у вас ее домашний телефон?

— Случайно сохранился, — отвел глаза охранник. — Как-то раз она приходила к Наташу Сигизмудовичу, а его не было. Вот она и оставила свой домашний телефон для него...

— Почему домашний, а не мобильный?

— Не знаю! Может, у нее и нет мобильного телефона.

— Но почему она именно вам оставила телефон? Ведь могла же оставить в секретариате?

— Да откуда же я знаю? — ответил сторож и снова отвел глаза.

Полковник едва заметно покачал головой и отпустил его домой.

Дверь кабинета завотделом была опечатана. Прежде, чем сорвать пломбу и войти, следователь обошел весь этаж. Корridor тянулся по всей длине здания, загибаясь и дробясь на всевозможные закутки. Он был почти полностью захламлен старой мебелью и списанной оргтех-

никой. Однако ни стремянки, ни лестницы среди этого мебельного хлама обнаружено не было. Впрочем, внимание Батурина привлек легкий столик, стоящий неподалеку от кабинета литератора.

Когда кабинет Вороновича открыли, следователь, еще не войдя в него, почувствовал, что следов уже не найти. И невооруженным взглядом было видно, что опера прошлись табуном, затоптав полы и смахнув со стеллажей пожелтевшие листы, когда вынимали из петли тело. Полковник внимательно осмотрел отдел. Теоретически он был просторным, однако на две трети завален кипами бумаг и папками. Рукописи лежали на обоих стеллажах, на полу, на подоконнике и на столе. Многие из них покоились в нераспечатанных конвертах, и не было никакой гарантии, что их когда-нибудь вскроют. Девяносто процентов стихов в этом помещении находилось под внушительным слоем пыли. В целом этот отдел больше напоминал склеп.

Следователь пристально осмотрел потолки. Они действительно были высокими. На железном крюке в потолке висела пожелтевшая от времени люстра с тремя рожками. С нее свисала тонкая капроновая петля. Веревка была накинута на крюк, а конец ее привязан к медной ручке двери. В принципе, можно было обойтись без стремянки. Если на стол поставить стул, то вполне можно накинуть веревку на крюк в потолке и со стула.

Полковник подошел к громоздкому столу с зеленым сукном и впился глазами в резные ножки. То, что его не двигали лет тридцать, мог увидеть и слепой. За это время паркет на полу дважды покрывали лаком, а стол оставался на месте. Он уже почти врос в полы кабинета. Нет, его точно не трогали. Да одному человеку это и не под силу.

Пришлось позвонить завхозу и спросить про стремянку. Завхоз ответил, что таковая имеется, но в кладовке на четвертом этаже. Кладовку он не открывал полгода, но если у гражданина следователя есть желание в нее заглянуть, то он откроет и охотно покажет стремянку. Батурин ответил, что желание взглянуть на стремянку у него есть, но это он сделает позже.

На полу под петлей лежал перевернутый стул. Опера остались его на месте. Батурин присел на корточки и

принялся сантиметр за сантиметром изучать полы. Должны же на паркете остаться черные пятна от резиновой подошвы стремянки. Нет. Ничего подобного не осталось. Стремянкой тут не пахло.

После чего все внимание было перекинуто на веревку. Петля действительно была обильно натерта мылом и издавала своеобразный запах, хотя не настолько сильный, чтобы определить разновидность мыла. «Что-то здесь не так», — подумал Батурин и вышел вон.

6

8 мая 2001
За 66 дней до этого

Только столкнуть и ничего более. Что бы это значило? В это мгновение из-за угла вырулил «Москвич» Вороновича. Девушка, больше не произнеся ни звука, направилась к машине, и молодой человек осекся на полуслова. Может, не нужно было так высокомерно? Может, нужно было улыбнуться или подмигнуть. А лучше, поблагодарить за приятную беседу, извиниться и вежливо удалиться. Так, наверное, было бы правильнее.

Впрочем, переживет. Пусть не думает, что ей так легко заговорить зубы. А то распушил хвост и вообразил себя черт знает кем. Как говорится, хорошего понемногу!

Но едва Инга сделала пару шагов, снова проклятая тяжесть вползла в ее сердце, и девушка подумала, что зря она так надменна, что нужно было хотя бы обернуться. Но обернуться не дала гордость. Да и честно говоря, стыд за автомобиль, к которому она направилась.

Воронович не удосужился даже открыть дверцу, и не успела юная гёл после позорных дверных потуг эффектно опуститься на переднее сиденье, как он тут же начал громыхать о собрании в своем пришибленном журнале.

Характер у Вороновича не подарок. Свою угрюмую тяжесть он распространяет на всех. Рядом с ним находится очень и очень непросто. Когда Инга расстается с ним, то словно сбрасывает с себя сорокакилограммовый рюкзак. Это обычно случается по утрам, но к вечеру ее

опять начинает тянуть к нему словно магнитом. Под сердцем ноет, и на душе неспокойно. Что это, болезнь или любовь? Но любовь — это когда с человеком хорошо. А Инге с ним плохо. И все равно она не может без него.

Интересно, это так только у нее, или у всех? Есть ли на свете человек, которому было бы уютно рядом с Вороновичем? Наверное, нет. Единственный Чекушкин находит с ним общий язык, и то за бутылкой.

Этот щупленький, очкастенъкий, с потными руками и поросячими глазками мужичонка вызывает у Инги дикое омерзение. Чекушкин никогда не был женат, и свою убогую двухкомнатную «хрущевку» щедро предоставляет собратьям по литературе для стихийных оргий. В нее-то в основном и привозит своих молоденьких любовниц это грубое животное Воронович.

Инга ненавидела эту квартиру. В ней даже воняло развратом. Но кроме как у Чекушкина ей с Вороновичем встречаться было негде. Что касается хозяина, то он относился к самой низкой из четырех категорий, на которые девушка подразделяла всю сильную половину человечества. Это самая бесцветная, самая пожилая и самая животная категория. Ее представители хотят все сразу и бесплатно. Во всякую удобную минуту Чекушкин стремится ее облапить, а Воронович относится к этому с постыдным равнодушием.

Третья категория не столь отвратительна, как четвертая. Ее мужчины также немолоды и похотливы, но они хотя бы внешне пытаются соблюсти какие-то условности: сводить в ресторан, или, на худой конец, в театр.

Ко второй категории относятся уже более молодые и некоторые пожилые мэнзы, чья похоть замаскирована потоком словесной чепухи: рассуждениями о превратностях судьбы, об одиночестве возвышенных душ, о сердцах, уставших без любви и, наконец, о женской красоте. Это те самые, которые отвешивают комплименты и которых глупые женщины готовы любить одними ушами. Такие поначалу могут показаться культурными и интеллигентными, но внутренности их также гнилы, как и представителей последних двух кате-

горий. К ним с некоторой натяжкой Инга относила и Вороновича.

Первая категория — наивысшая: чуваки в ней молодые, красивые, богатые, благородные, обожающие окружать себя эффектными дамами. Эта категория начинаяющих олигархов еще толком не была познана Ингой, но у нее все впереди. В конечном итоге, раскатывающие на дорогих джипах господа также ограничены и похотливы, но они, по крайней мере, молоды. Хотя нельзя сказать, что Инга не имела из этой категорией мужчин. Имела. Но она об этом не любит вспоминать. И никому никогда не рассказывала, даже лучшей подруге Юльке.

В квартире Чекушкина было крепко накурено. На журнальном столике стояло несколько пустых бутылок. Соус из консервных банок отвратительно заливал и без того несвежую скатерту на столе. На полу валялись вилки и раздавленные куски хлеба. Грязный палас усыпан пеплом. Было нетрудно догадаться, что споры о жидах велись здесь со вчерашнего вечера. Они уже трижды подрались, дважды помирились, проспались, опохмелились, и теперь этим ублюдкам захотелось женского общества.

При виде Ингиных ног глаза Чекушкина блудливо засоснились, а их обладательница с тоской подумала, что зря она надела такую короткую юбку. Чекушкин неуклюже поднялся и смахнул локтем последние стаканы. Это его не смущило. Он подошел к гостью неприлично близко и, разя козлом и перегаром, принял сладко лобызать ручку. Воронович молча тряхнул головой и указал Инге на кресло. Чекушкин тут же налил в немытый стакан фальшивого коньяку.

Гостья заколебалась. Во-первых, стакан с подтеками. Вдруг из него пил Чекушкин? Во-вторых, как это с пылу с жару и без закуски? Последнее время эта журнальная братия стала забывать, что она хрупкая красивая женщина. Действительно, пора с ними кончать. И чем скорее, тем лучше!

Девушка подняла шикарные глаза на их багровые физиономии и снова вспомнила молодого человека. Зря она так с ним поступила. Нужно было хотя бы сделать ручкой.

Бежать! Бежать от этих рож, от этих бутылок, от этих липких взглядов, потных рук и безобразно пахнущих кроватей... Боже, за что она любит Вороновича? Любовь зла, любовь болезнь... Да и любовь ли это? Ведь Инга не перенесет, когда его заколотят в гроб...

7

13 июля 2001

Можно было и не подниматься на четвертый этаж в кладовку. Анатолий Семенович пошел взглянуть на стремянку сугубо для очистки совести. Когда завхоз открыл свое хранилище для инструментов, следователь уже по спертуму воздуху определил, что в нее не входили год, а не полгода. Помещение не имело окон, было крохотным и до потолка завалено ведрами, лейками и лопатами. Чтобы добраться до стремянки, прислоненной к противоположной стене, понадобились усилия. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что стремянку не трогали несколько лет. На ней было четыре слоя пыли.

— А другой у вас нет? — спросил Батурин.

— Откуда! — развел руками завхоз.

Следователь спустился на второй этаж и снова внимательно осмотрел стоящую в коридоре мебель. Особенно скрупулезно он обнюхал бесстумбовый столик у кабинета. Только его мог использовать самоубийца в качестве стремянки, поскольку больше ничего подходящего не было. Только как после самоубийства столик оказался опять в коридоре? «Самое время вызывать экспертов», — подумал следователь и отправился к вахтеру звонить.

После этого Батурин снова позвонил Сопрыкину уточнить про мыло «Дуру». Лейтенант поклялся, что с мылом он ошибиться не мог. Его запах был настолько сильным, что даже чувствовался в коридоре. Складывалось ощущение, что мыло несколько минут назад извлекли из обертки.

— Вы намекаете на то, что самоубийца натер им ве-ревку непосредственно в кабинете?

— А где же еще?

— В таком случае, где мыло?

На этом вопросе Сопрыкин снова запнулся, и следователь, так и не дождавшись ответа, положил трубку. Получалась какая-то ерунда. Самоубийца перед тем, как повеситься, совершают оздоровительную пробежку. После чего прибегает на работу, берет на вахте ключ, отыскивает где-то веревку, натирает ее мылом, которое потом исчезает, непонятно, как перекидывает ее через крюк на потолке, конец привязывает к дверной ручке, затем ставит под петлю стул, надевает петлю на шею и опрокидывает стул...

Внезапно следователь обратил внимание на длину висящей петли и на то, как был повален стул. Пришлось снова звонить в отдел и уточнять по поводу стула:

— Его точно не трогали?

— Оставили, как есть.

— И веревку не укорачивали?

— Для чего? Аккуратно сняли тело и на цыпочках вынесли в коридор...

В ожидании экспертов следователь поднялся на третий этаж к главному редактору. Тот был угрем и растяян. Его седые волосы в беспорядке рассыпались по плечам, под глазами зияли фиолетовые мешки. По всей видимости, самоубийство сотрудника редактор журнала принял близко к сердцу. Он указал следователю на стоящее у стола кожаное кресло и тяжело вздохнул.

— Вот ведь как бывает, — хрипло произнес он, играя желваками. — Сколько это проклятое время унесло талантливых людей. Я Наташа понимаю...

— Что это был за человек? — осторожно спросил следователь.

Редактор сердито взглянул на следователя.

— Это был человек бесконечно преданный литературе. Можно сказать, что у него кроме литературы ничего больше не было. И ему ничего не нужно было, кроме литературы. Но, посмотрите, какое сейчас время! Оно отнимает последнее: у нищих — лохмотья, у голодных крохи, у литераторов — надежду. Кто не принимает этого, тот уходит.

Редактор гневно сверкнул глазами и потянулся в карман за носовым платком. Промокнув вспотевший лоб, он сокрушенно покачал головой:

— Вот так...

— То есть, по-вашему, Воронович свел счеты с жизнью из-за невостребованности? — уточнил следователь.

— А из-за чего же еще? — горько усмехнулся редактор. — Натан был человеком честным. Он не пропустил в журнал ни одного непрофессионального стихотворения. А ведь мог. Сейчас богатых графоманов развелось как собак. Но для Наташа поэтическая школа — первооснова всего. За десять лет реформ поэтическую школу разрушили до основания. Но старые мастера еще живы. Вот за ними уже не будет никого. Понимаете? Начинается эра литературного любительства. Читатель уже разучился отличать профессиональную литературу от любительской. Точнее сказать, читателя искусственно приучили к презренной любительщине. И кто? Редакторы частных издательств, которые всегда были далеки от литературы, но обожали деньги. Натан это остро чувствовал и сильно переживал. Он потому и пришел расстаться с жизнью в редакцию, поскольку она была для него единственным островком, смыслом жизни в высоком понимании этого слова.

Редактор остановился и угрюмо уставился в стол. Следователь тоже не решался нарушить молчание. Наконец, выдержав приличную паузу, произнес как можно осторожнее:

— Говорят, он пил.

Редактор поднял на следователя тяжелый взгляд.

— Ну, пил. А что же еще остается делать, когда такая беспроблемность, такая ненужность, такое безденежье? Либо принимать это мерзкое время таким, какое оно есть, либо выражать протест. Да, бывало, что Натан впадал в запой. Раза два в год впадал непременно. Но потом он всегда брал себя в руки, начинал заниматься физкультурой, ходить в бассейн, на лыжах. Даже бросал курить. А через полгода опять срывался. Два месяца назад он взял себя в руки, но, видимо, стало уже невмоготу. Хотя он человек удивительного мужества. Но когда рак печени, редко кто может быть работоспособным.

— У него был рак печени? — удивился следователь.

— Вы разве не знали? — укоризненно покачал головой редактор. — Уже более двух лет. А он так и не лег в

больницу. Натан говорил, лучше год полноценной жизни, чем пять лет на больничной койке. Так что, его добровольный уход в лучший мир лично меня не удивил. Такое сломает кого угодно. Да еще жена у него, знаете, не подарок...

— Я слышал, что жена его учинила здесь скандал из-за какой-то девушки.

Редактор метнул в правоохранителя сердитый взгляд и произнес:

— Натан — мужчина симпатичный и обаятельный. Он нравится многим девушкам, несмотря на свой возраст. Хотя, что для мужчины пятьдесят два года? Самый расцвет. Не вижу здесь никакого криминала. А что касается его жены, то ее я знаю давно. Она у него всегда была стервозной...

8

8 мая 2001
За 66 дней до этого

Девушка схватила стакан и с ненавистью взглянула Вороновичу в глаза. Сейчас бы взять и выплеснуть коњяк ему в рожу. Ведь он даже не вспомнил, что у нее сегодня день рождения. Ему абсолютно наплевать на ее чувства. Стоит Инге сейчас пригубить, как он тут же потащит ее в спальню, тяжело дыша и расстегивая на ходу юбку. Воронович даже не удосужится плотно прикрыть дверь, и Чекушкин будет все слышать и похотливо ловить каждый звук.

Девушка перевела яростный взгляд на критика, и тот, не на шутку встревожившись, энергично зашевелился в кресле.

— Что же ты поишь гостью из грязного стакана, да еще без закуски? — заботливо произнес он. — Нужно достать бокалы и открыть консервы. А это убрать к чертовой матери!

— Пардон, пардон, — забормотал Воронович, неловко натыкаясь на стул. — Одну минуту. Сейчас все будет чики-пики, как говорят девочки.

Он по-медвежьи сгреб в кучу грязную посуду и понес на кухню, на ходу рассыпая пустые банки.

— Я помогу! — вскочила с места Инга, чтобы не оставаться наедине с Чекушкиным.

— Пожалуйста, пожалуйста! — встрепенулся тот. — А я поставлю музыку.

Она услышала за спиной, как Чекушкин позорно сливает коньяк обратно в бутылку, и почувствовала, каким сладострастным взглядом он обжигает ее ослепительные ноги.

Кухня была омерзительной. Немытые кастрюли со сковородками свалены в кучу. В них пушились остатки заплесневелой пищи. Стол сплошь заставлен ковшами, банками, горшками, из которых торчали окурки. Ведро с мусором переполнено, и часть отходов валялось на полу. Гостья вздрогнула от мысли, что все это сейчас ей предстоит отмывать. Но сегодня дудки! Сегодня у нее день рождения.

Она брезгливо открыла воду и забрала у Вороновича стаканы. Воронович сальными руками тут же заграбастал ее сзади и, когда нашупал грудь, дыхание его сделалось хриплым.

— Не здесь же, — прошептала она, и по щекам потекла тушь.

— Пардон, пардон, — пробормотал Воронович, тяжело вздыхая и опуская руки.

А мог и не отпустить. Хозяин бы точно не отпустил и полез бы еще под юбку рвать колготки. Не зря же Чекушкин относится к самой мерзкой, четвертой категории. А у Вороновича крепко сидит в мозгах, что перед шурами-мурами он обязан заставить даму опрокинуть хотя бы рюмку. И еще поговорить о жидах.

А вот интересно, о чем говорят мужчины первой категории? Может, читают стихи или рассказывают о внепланетных цивилизациях? А может, разлагольствуют о европейском образе жизни, о курсе доллара, наконец, о политике. Как это скучно! В прошлом веке считалось признаком дурного тона говорить при дамах о политике.

Стол был накрыт заново. Заново разлит по бокалам коньяк и открыты шпроты в масле. Персонально для Инги были насыпаны в вазу конфеты и откупорена пачка ананасового сока. Не очень-то шикуют совре-

менные литераторы. И главное не понимают, насколько они жалки. А может, понимают, но прикидываются.

Комната уже была проветрена, и из кассетника доносился рок-н-ролл, который Инга терпеть не могла. Держа в одной руке бокал, а в другой вилку с рыбой, бедняжка думала, что стоит ей сейчас сделать глоток и все опять покатится по кругу, и то, с чем столкнулась она сегодня под памятником Грибоедову, уже навсегда провалится в тартарары.

А над душой могильным камнем завис Воронович и терпеливо ждал. Он ждал, когда же гостья опустошит свой бокал и они, наконец, будут на равных. Хозяин дома не сводил с девушки глаз. Он раздевал и пожирал ее глазами и, должно быть, стонал от вожделения. Хоть на секунду провалиться бы под землю и забыть о них.

Инга подняла бокал и одним махом выпила все до единой капли. Так оно легче. Мужики повеселели и грязнули «ура!» Теперь она с ними в одной упряжке: два жеребца и трепетная лань.

И снова началось как всегда: пьяные разговоры о жидах, провалы в табачные туманы, новые бокалы коньяка, окурки, падающие под ноги, заплетающиеся языки, наконец, мат, проскальзывающий между слов, и откровенное хамство обоих. Воронович, уже не стесняясь, водил шершавой ладонью по ее колготкам. А когда он отлучался в туалет, Чекушкин брал ее белую кисть своими потными руками и гнусно чмокал слюнявым ртом.

За окном уже стемнело, когда Воронович на грани отруба поволок ее в соседнюю комнату и как обычно не захлопнул дверь. В эту минуту Инга ощутила себя маленькой девочкой, которую тащит куда-то морская волна, и она не в силах не только сопротивляться, но даже заплакать, или позвать на помощь. Но так уже было: огромное серое небо над головой и суровая обветренная скала в маленькой бухте. А небо по-прежнему хмурое и недоброе. И девушка внезапно поняла, что не заслужила ясного неба не только в этой московской жизни, но и в той, Ирландской.

Почему она ни в чем не может отказать Вороновичу? Почему не сопротивляется? Почему не кричит, не зовет на помощь, не грозит, наконец, милицией?

Он, астматически дыша, навалился на нее своей свиноподобной плотью, впечатав ее тоненькое тельце во влажные покрывала. Воронович уже ничего не соображал и был не в силах расстегнуть даже молнии. И вот он нетерпеливо лезет под юбку и грубо стаскивает колготки с ажурными трусиками. И куда-то проваливается Ирландия, но волна, холодная и тоскливая, продолжает тащить в открытое море. Там, где уже не донырнуть до дна, есть едва заметный риф, за который можно уцепиться и обождать, когда пройдет основной вал.

— Подожди, подожди... Порвешь колготки... Я сама...

А в соседней комнате курил и кашлял Чекушкин. Слышишность просто космическая. Несвежие простыни отвратительно впитываются в лопатки. Чекушкин шумно втягивает дым и пьяно вздыхает.

— Подожди же! Закрой дверь! Я сама!

9

13 июля 2001

Приехавшие в редакцию криминалисты не скрывали изумления. Выскочивший из машины начальник экспертного отдела, подошел к следователю и хмуро поглядел в глаза.

— Это какой-то классик, лауреат государственной премии?

— Увы, Анатолий Ефимович! Был бы классиком, наверно бы этим делом занималась ФСБ, — развел руками Батурина. — Лично я, никогда не слышал его фамилии. Короче, кроме комнаты, мне нужно дополнительно обработать стол в коридоре.

Криминалисты облепили бестумбовый стол, стоящий в двух метрах от кабинета, нанесли на него порошок и принялись рассматривать через увеличительные стекла края и углы. Через несколько минут эксперт поднял глаза на полковника:

— С обоих концов стола стерта пыль и имеются свежие отпечатки ладоней. Пыль также стерта с середины поверхности. По всей видимости, человек, поднимавший этот стол, прижал его к животу.

— Следы обуви на столе есть? — спросил Батурина.

— Следы не проявились, но на краю стола обнаружены свежие частички земли. По всей видимости, на стол вставали ногами. Впрочем, точно утверждать можно только после лабораторного анализа.

— Нельзя ли определить, ставили на этот стол стул?

— К сожалению, нет, поскольку середина стола обтерлась об одежду.

После чего внимательно обследовав полы кабинета, мебель и ручки двери эксперт произнес:

— На стуле частички той же уличной грязи

— Той же? — подозрительно сощурился следователь.

— А какой же еще? — удивился эксперт. — Хотя об этом наверняка можно говорить только после лабораторного анализа, но, по-моему, в поле зрения больше нет ничего такого, с чего бы самоубийца мог дотянуться до крючка. Свой письменный стол он сдвинуть не рискнул, поэтому и воспользовался легким столиком в коридоре. Больше по близости, как видите, столов нет. Так что грязь та же. Не сомневайтесь! Он втащил этот столик, поставил на него стул, взобрался, накинул веревку на крючок, спрыгнул и привязал конец веревки к ручке двери. После чего, вынес стол обратно в коридор, взобрался на стул, затянул на шее петлю и спрыгнул со стула.

— Стоп! — предостерегающе поднял палец Батурин.
— Допустим, что на его месте вы. Стали бы вы за минуту до смерти выносить столик в коридор? По-моему, смертнику все равно как после его смерти будет стоять мебель.

— Ну, знаете ли! — развел руками Анатолий Ефимович. — Может, это вам все равно. Ну, мне, может быть, безразлично. А вот ему, видимо, нет. Может, он был таким педантом, что машинально отнес столик на прежнее место. Может, он арийской крови и у него страсть к порядку заложена с рождения.

— Э, нет! — хитро улыбнулся следователь. — Никакой страсти к порядку у него не заложено. Скорее, наоборот. Посмотрите, какой бардак в кабинете! Это первое. Второе: обратите внимание, как лежит под ним стул. Вы видели когда-нибудь висельника, который бы вставал вперед ногами к спинке стула? Как с него прыгать? Назад? Обычно прыгают вперед.

— Но, может быть, он подпрыгнул и в прыжке, пнул спинку стула, чтобы наверняка. Кто его знает, чем он руководствовался? Каждый самоубийца имеет право на собственные причуды.

— Я тоже сначала так подумал, — покачал головой Батурина. — Но если бы он пнул спинку, стул бы отлетел вперед. Но, посмотрите, стул лежит строго под петлей. Более того, поставьте его и увидите, что петля и спинка стула находятся почти на одной прямой: то есть, колени повешенного почти вплотную упирались в спинку стула. Можно ли в таком стесненном состоянии, да еще будучи в петле, подпрыгнуть и пнуть тяжелый стул с такой силой, чтобы он упал?

Эксперт вытащил из кармана платок и двумя пальцами поднял стул. Спинка действительно находилась строго под петлей. Эксперт сначала недоуменно почесал затылок, но потом его осенило:

— Я понял, как все произошло! Одну ногу он поставил на стул, другую на спинку стула.

— Зачем? — пожал плечами следователь.

— А затем, что петля оказалась слишком высокой. Ведь он заранее привязал ее к ручке двери. И, видимо, немного не рассчитал. Поэтому ему пришлось одной ногой встать на носок, а другой на спинку стула, чтобы влезть в петлю. Далее самоубийца переместил сиду тяжести на спинку стула, и стул аккуратно упал на пол.

— В таком случае, на спинке стула должны быть частички той же уличной грязи. Вы их обнаружили?

— Сейчас обнаружим. В чем проблема?

Эксперты занялись стулом, а следователь с начальником экспертной группы принялись искать мыло. Они перерыли весь кабинет и не нашли даже обертки.

— А ведь его распаковали только сегодня утром, — задумчиво произнес Батурина. — Так, во всяком случае, уверяет опер.

Но мыла, увы, не было, как и не было частичек уличной грязи на спинке стула. Эксперту ничего не оставалось, как широко развести руками.

— Я понял! Самоубийца обладал левитацией, а мыло спёр вахтер.

Такой вывод не понравился Батурину. Он нахмурился, дав понять, что шуток не принимает, и потребовал

внести стол в кабинет, а веревку отвязать от ручки двери. После чего лично установил редакторский стул на середине стола и, взгромоздившись на сооружение, поднял руки кверху. До потолка оставалось более полуметра. Закинуть веревку на крючок Батурину удалось только с четвертой попытки.

— У меня метр восемьдесят два, — произнес он сверху. — А у самоубийцы около метра семидесяти. Вы правы, он обладал левитацией.

Следователь слегка присел и снова принял закидывать веревку на крючок. Попытка удалась только с восьмого раза. Батурин спрыгнул на пол и деловито спросил:

— Отпечатки есть?

— Навалом. По-моему, отпечатки на телефонной трубке и на столе в коридоре совпадают. Хотя это не точно. Точно скажу, после лабораторного анализа. Ну что, теперь займемся окном? Вы его осматривали?

— Нет! Ждал вас.

— Думаете, на нем самые важные следы? — скептически улыбнулся эксперт и начал осторожно двигаться к окну.

Добраться до него было непросто. Нужно было перелезть через стол, затем перешагнуть через два завала из рукописей. Дойдя до окна и откинув тяжелую штору, Анатолий Ефимович неожиданно воскликнул:

— Опс! А шпингалеты открыты!

Батурин кинулся к окну, свалив по дороге несколько стопок с папками. Он вытащил из кармана платок, схватился за ручку окна и потянул на себя. Все четыре створки распахнулись без малейшего труда. Следователь выглянул в окно и увидел внизу шиферную крышу какого-то подвала. Взобраться с него на подоконник не представляло большого труда даже для человека среднего роста.

— Вот и ответ, — произнес сдержанно Батурин. — Обрабатывайте раму и подоконник. На карнизе должны быть отпечатки ладоней.

Вот он, риф. Главное, не проморгать и не проплыть мимо. Нужно успеть во время набегающей волны нащупать ветви и, широко раскинув руки, упереться в них ступнями. Если волна слишком высокая — следует поднырнуть под гребешки, отыскать огромную шершавую ракушку, сросшуюся с ветвистым кораллом, и переждать раскат под водой. Если волна не очень свирепая, то в эту ракушку лучше вцепиться пятками. Но сегодня волны не очень злы и вряд ли унесут в открытое море, однако ракушку ни в коем случае нельзя упускать из виду. Это последняя точка, определяющая границу бухты. Дальше плыть нельзя. Дальше океан, бескрайний, чужой и безжалостный, который может подхватить и унести черт знает куда. Когда на море волнение, за эту черту не рискуют уплывать даже на лодках, а вплавь и подавно.

Однако вот, наконец, и она, морская ушная прелесть, стоящая всегда на посту, и не исчезающая ни при каком штурме. А вот и следующая волна, коварно несущаяся от берега. Ее пловчиха уже не опасалась. Вторая волна всегда слабее первой. Поднырнув под нее можно плыть назад. Или подождать следующего вала и броситься в кипящие гребешки. Через несколько минут они сами выбросят твое гибкое тело на прибрежные камни. Но лучше плыть самой. Штурм стихает, а значит, следующий вал будет не скоро. А тело, между тем, уже начинает коченеть.

Но внезапно на скале появился силуэт высокого мужчины в широкополой шляпе. Как мило! Да это же тот чудак с Чистопрудного бульвара, который говорил, что чакры памяти открываются только после тридцати лет. Но ведь она еще совсем девочка, а, тем не менее, прекрасно помнит все свои предыдущие жизни. Особенно врезалась в память солнечная Греция. Кстати, сейчас он и сам лишится памяти, когда увидит ее выскочившей из морской пучины чистой Афродитой.

Ей всего четырнадцать, а у нее уже такая фигура. О ее фигуре в поселке судачат все, кому не лень. Нужно будет изобразить девичью стыдливость. Но это для

формальности. Самой же ей будет чертовски приятно прodefилировать перед ним нагой.

Но тьфу, какая досада! Кажется, это не он. Кажется, это ее родной брат. Вот уж перед кем-кем, а перед ним она хотела бы меньше всего демонстрировать свои прелести.

— Немедленно вылезай! — подал голос брат, неторопливо спускаясь со скалы. — Как ты можешь купаться в такой ледяной воде?

«Пошел вон!» — хотела крикнуть она, но ушла с головой под воду. А когда вынырнула, то с раздражением отметила, что ненавистный брательник остановился над ее одеждой. Ходить перед ним голой она стеснялась с детства, несмотря на то, что он нянчился с ней больше матери. Вот сейчас она выберется на берег, а брат будет смотреть насмешливо и нечисто. Так оно и случилось. Родич изdevательски наступил на юбку, и ей стоило огромных усилий выдернуть ее из-под его сапога. Потом, когда она отвернулась и начала торопливо напяливать кофточку, брат подошел сзади и произошло то, чего она так боялась: он страстно обнял ее, больно стиснув грудь.

— Ты с ума сошел! — воскликнула купальщица, но брат не услышал.

Ладони его были грубыми и потными. Дыхание смрадным, зубы гнилые, как у Чекушкина. Да это есть Чекушкин! Инга вскрикнула. За окном светало.

Она была совершенно голой, Чекушкин раздет наполовину. Как отвратительно тряслась его дряблая грудь. Как невыносимы были его лихорадочные глаза, слипшиеся волосы, смрад изо рта, но главное — омерзительные потные руки, которым не было сил сопротивляться.

— Воронович! — крикнула она в открытую дверь, тщетно пытаясь оторвать от себя эту скользкую гнусность.

— Нет его, — жарко прошептал Чекушкин. — Будь умницей!

Неужели придется принять в себя еще и эту мерзость? Голова раскальвалась, руки не слушались. Она собрала все силы и с визгом вцепилась зубами в его ладонь.

— Сумасшедшая! — отпрянул Чекушкин. — Соседи спят.

Теперь ей было известно, чего Чекушкин боится больше всего. Скандалов с соседями! Инга оттолкнула его и прошлепала к своей одежде.

— Только тише... Еще очень рано.

Чекушкин сделал попытку подступиться сзади, но тут же получил острой туфлей по физиономии. Бедняге ничего не оставалось, как ойкнуть и отвернуться к окну.

— Только учти, он на тебе не женится. Из-за таких как ты, семьи не бросают.

Чекушкин плюнул на пол и тяжело вздохнул. Девушка стремительно одевалась и щелкала зубами от страха. Блузка мятая, колготки порванные, юбка до безобразия коротка. И какой дьявол помешал ей надеть джинсы?

— Где этот ублюдок?

— Наташ давно дома. Где же еще быть, семейному человеку? — ехидно захихикал насильник.

Инге захотелось тут же выбежать из комнаты, но Чекушкин преградил дорогу.

— Не спеши. Давай похмелимся!

— Убери руки!

— Все равно из квартиры не выйдешь до одиннадцати. Воронович нас запер.

Инга едва устояла на ногах.

— Вот козел! Он меня подарил тебе?

— Почему подарил? Продал! За пятьдесят долларов.

Чекушкин не смог выдержать ее взгляда и посторонился.

В ванной девушка долго вглядывалась в зеркало и все никак не могла понять, кто это смотрит на нее из-за мутного стекла. Да неужели это она, блестательная королева двора? До чего дожила, до чего докатилась: глаза провалились, под глазами чернота. Лицо перекошено, подбородок дрожит. А ведь ей всего девятнадцать.

Она опустила веки и стала сползать под рукомойник. «Как я устала», — прошептала королева и, ощущив под собой холод кафеля, подумала, что сейчас самое время провалиться под землю в безоблачное царство фей... Но нет! Сейчас ни в коем случае нельзя расслабляться. Того и гляди ворвется этот... богом обиженный. Но какая

все-таки скотина, Воронович! Неужели вправду явится только в одиннадцать?

11

13 июля 2001

Неожиданно для всех в редакцию явилась жена самоубийцы. Когда об этом доложили следователю, лицо его вытянулось.

— Кто ей сообщил? — спросил он у редактора.

— Вообще-то сообщил я, — ответил Главный и нахмурился. — Но я не звонил. Она сама позвонила вскоре после нашего разговора и спросила, что случилось с мужем? Даже странно.

— Почему странно? — удивился Батурина.

— Потому, что она никогда не интересовалась Наташой.

— Но этот случай стоит того, чтобы, наконец, заинтересоваться, — иронично произнес следователь.

— Да нет, вы не поняли! О самоубийстве мужа она не знала. Потому-то и странно, что позвонила...

Вдова оказалась интересной, ухоженной женщиной с печальными глазами. Вглядываясь в нее, полковник никак не мог уловить признаков стервозности, о которой упоминал редактор. Несмотря на то, что лицо женщины было бледным, держалась она с чрезвычайным достоинством. Ее выдержанность не была напускной. Скорее всего, это привито с детства. Однако ее английское спокойствие не могло не удивить следователя.

— От кого вы узнали, что произошло вашим с мужем? — строго спросил Батурина.

— От Бориса Евгеньевича, главного редактора.

— Но он мне сказал, что вы сами позвонили и спросили, что случилось с вашим мужем?

Женщина внимательно вглядилась в глаза и сдержанно произнесла:

— Он вышел из дома на полчаса, но после этого прошло четыре.

— Но почему вы решили, что с ним случилось что-то на работе, а не на улице?

Женщина снова пронзила следователя черными глазами и коротко пояснила:

— Я знала, что он хотел заглянуть на работу.

— Зачем?

— Не знаю. Я слышала, как ему позвонили, и он назначил встречу в редакции.

— Кто ему позвонил?

— Понятия не имею. Я спала. Насколько я поняла сквозь полусон, звонил один из его авторов. Но возможно, что я и ошибаюсь. Допускаю, что это звонила одна из его поклонниц.

В глазах женщины мелькнул презрительный огонек, и тонкие губы едва заметно исказились в усмешке. В ту минуту следователю показалось, что для супруги Вороновича смерть мужа была не такой уж и неожиданностью.

— У него было много поклонниц? — поинтересовался Анатолий Семенович.

— Прорва! — выдохнула женщина. — И что они только в нем нашли? Он, конечно, умел быть обаятельным, когда это требовалось, а во всем остальном он был далеко не Ален Делон. Внешность — так себе. Рост — метр шестьдесят восемь. Деньги зарабатывать не умел. К тому же, безбожно пил.

В интонации женщины проступало явное пренебрежение. «А ведь она не видела даже трупа», — неприятно удивило следователя.

Можно сказать, это был единственный случай, когда супруга на слово поверила в смерть родного человека. Обычно, в это не верят даже после морга.

— Извините, конечно, но у меня сложилось впечатление, что вас не особо удивило самоубийство мужа? — спросил полковник.

Женщина спокойно взглянула офицеру в глаза и откровенно ответила:

— Это правда. Самоубийством он грозил уже двадцать лет. Сначала меня это пугало, а потом я привыкла. Даже, знаете, смирилась с мыслью, что в один прекрасный день приду домой и найду его на диване со скрещенными руками. У него это, как ритуал: раз в месяц он обязательно прощается со мной и божится, что вечером в квартире появится труп.

Вдова тяжело вздохнула и опустила глаза. Затем со стоном затрясла головой и поднесла ко лбу ладони. Это был единственный эмоциональный выплеск, связанный со смертью мужа, который следователь увидел воочию. Но проявление скорби было недолгим. Вдова тут же собралась, и полковник милиции снова почувствовал ее сдержаненный взгляд. Женщина отняла от лица руки, опустила их на колени и произнесла:

— Извините.

— Ничего-ничего, — понимающе пробормотал Батурин, догадавшись, что муж этой женщины был редкой птицей, если воспитал в ней такое железное самообладание.

— А сегодня он тоже прощался с вами?

— Нет. Сегодня, не прощался, — ответила с тревогой в глазах вдова. — В том-то и странность, что он повесился именно сегодня. Иногда он брал себя в руки. Бросал пить, курить, начинал снова писать стихи, бегал по утрам на стадион, словом, вел нормальный образ жизни. Обычно этого хватало на полгода. Самое большое — на год. Точнее, до того, как не обзаведется очередной любовницей. Самое странное, что он никогда их не искал. Они сами его находили. Ну и, как правило, его романы всегда сопровождались ежедневными пьянками и какими-то ублюдочными падениями на дно. Порой он опускался до уровня бомжа. Но после того как любовница ему надоедала, у него снова начинался подъем. С последней своей пассией он рас прощался в начале мая. После этого прошло два месяца. Представьте, наблюдался самый пик его здорового образа жизни. И вдруг — такая неожиданность...

Женщина умолкла и задумчиво потупила взор. Следователь тоже задумался. После недолгого молчания он спросил:

— Вы заметили что-нибудь странное в его поведение накануне?

Вдова удивленно подняла глаза:

— Вы хотите спросить, не задумал ли он самоубийство заранее? Ни в коем случае! Он относился к тем, кто руководствуются порывами. Вчера он ничего подобного не планировал. В этом я уверена. Повеситься ему стрельнуло в голову только сегодня утром.

— До, или после телефонного звонка? — спросил следователь.

Взгляд женщины стал необычайно серьезным. Прежде чем ответить, она долго морщила лоб.

— Вы связываете самоубийство с телефонным звонком? Я не думаю. Мой муж очень взрывной. Я бы почувствовала перемену в его настроении. Звонок здесь ни при чем. С ним произошло что-то на улице. Это человек стихии.

— То есть, вы считаете, что он заранее не готовился к самоубийству?

— Ни в коем случае.

— Тогда где он взял веревку и мыло? Судя по всему, и то, и другое уже лежало в его кабинете.

Глаза женщины выразили изумление:

— Этого не может быть. Вчера вечером он явился с работы вовремя. У него было прекрасное настроение. Я не заметила в его лице ни озабоченности, ни тревоги. Уверяю вас: с ним было все в порядке. Или, я не знала своего мужа...

12

9 мая 2001
За 65 дней до этого

Воронович явился в девять. За это время полуодолелый критик домогался до Инги еще четыре раза, обещая поджечь дверь ванной. А до этого он жег свои рукописи. До такого дегенератства не опускался даже Воронович.

— Все равно ты будешь моей, — подмигнул Чекушкин, похмелившись какой-то политурой. — Будешь, будешь! Никуда не денешься...

Полстакана синей мерзости, которую он хлопнул залпом, придали ему храбрости. Он все ближе подступал к Инге, и раскрасневшаяся его физиономия лоснилась от похоти. Изнутри дверь, как и снаружи, отпиралась ключом. Но ключа не было. И отступать дальше было некуда.

— Не подходи, козел — убью! — сквозь зубы прошипела Инга, вжимаясь в дверь.

Чекушкин был невменяем. Его свинячье глазки скользили по ее прелестям и разгорались все ярче...

— Учи, начну кричать!

— Кричи! — разрешил Чекушкин, не сводя с нее взгляда.

Внезапно Инга сообразила, что совершила ошибку, выскочив в коридор. Из комнаты лучше слышны крики. Девушка несколько раз ударила каблуком в дверь, но на хозяина это не произвело впечатления.

— Кричи, стучи — никто сейчас не выйдет. Кто мог выйти, те ушли на работу. В доме остались старики и дети.

В ту же секунду он бросился на Ингу и сбил ее с ног. На этот раз он был настроен более решительно. Пуговица от юбки с треском отлетела в сторону, блузка затрещала по швам.

— Уйди, кому говорят...

— А я говорю, куда ты денешься?

Инга изловчилась и пнула ему коленкой в пах. Пока он стонал в скрюченной позе, девушка вскочила и побежала обратно в комнату. Ей удалось открыть окно и взобраться на подоконник, прежде чем Чекушкин с перекошенной физиономией появился на пороге комнаты.

— Еще шаг, и я прыгаю вниз.

— Прыгай! Здесь шестой этаж, — произнес Чекушкин и сделал шаг, однако не в сторону Инги, а в бок, в сторону стола.

Он оперся на кресло, отдохнул и снова оскалил свои гнилые зубы.

— Ты думаешь, что нужна Натану? Таких у него тысячи. Он сам мне тебя предложил. Не веришь? Придет, спроси!

— Пошел вон, козел!

Чекушкин немного отдохнул, пришел в себя, однако тронуться с места не решился. Но внезапно его глаза наполнились слезами, и лицо сделалось неправдоподобно жалким.

— Ты меня презираешь, я знаю, — произнес он тихо.

— А мне за тебя умереть не страшно. Ты думаешь, я не вижу, как с тобой обращается Натан? Как с последней сукой! А я за тебя готов в ад гореть.

Он дернулся по направлению к Инге, но она предосстерегающе прохрипела:

— Не подходи, выпрыгну!

С минуту Чекушкин молчал, грустно глядя на нее, затем неожиданно смахнул со стола стопку бумаг и с недоброй улыбкой вытащил из кармана зажигалку. Он опустился на корточки, со вздохом поднял один из листов и щелкнул зажигалкой.

— Это весь смысл моей жизни. Это все мои труды. Смотри! Ради тебя мне не жалко спалить все.

Через минуту пламя весело выплясывало на паркетном полу, пожирая рассыпанные листы. Инга не долго смотрела на огонь. Она с визгом спрыгнула с подоконника и бросилась затаптывать костер. Затем дважды сбежала в ванную и вылила на пол два ведра воды. Чекушкин все это время без движения сидел на корточках и с умоляющим лицом наблюдал за девушкой.

— Что? Еще жить хочется? — подмигнул он, когда пожар был затушен.

— Идиот! — воскликнула Инга и выбежала из комнаты, чтобы снова запереться в ванной.

Чекушкин подошел к дверям и сказал:

— Или ты сейчас выйдешь, или я подожгу дверь. К полудню вынесут два обугленных трупа.

Инга не ответила, но на всякий случай, набрала в таз воды. Чекушкин постоял под дверью, сокрушенно покусываясь, после чего выпил стакан коньяку и отрубился на диване. Девушка ни на секунду не сомкнула глаз и все это время, пока он спал, нахохлившаяся сидела под раковиной, держась обеими руками за таз с водой.

Когда Воронович, астматически дыша, вошел в квартиру, было уже немоготу. Инга вышла из ванной и, не взглянув на него, прошлепала в спальню. Литератор замер, ошалело уставившись на обугленные паркет с кучей обгоревшей бумаги. Он ничего не спросил, присел на диван и принял тормозить Чекушкина. Чекушкин жалобно стонал и сквозь пьяный полусон требовал заслуженного покоя. Наконец, после звонкой пощечины, прорвал один глаз и радостно загоготал.

Они удалились на кухню, плотно прикрыв за собой дверь, и долго о чем-то толковали. Инга не могла не догадаться, что речь шла о ней, но слов не было слышно, и

только чувствовалось, как возмущенно напирал Чекушкин, а Воронович виновато отнекивался.

В эту минуту бедняжка вспомнила, что закадычный друг задолжал поганцу энную сумму денег. Неужели вправду он продал ее за пятьдесят долларов? Но это же бред! Не может Воронович докатиться до такого скотства.

Когда Наташ возвратился в спальню, и Инга взглянула ему в глаза, то вдруг поняла, что никакой это не бред, что так оно и было, а она — наивная романтичная дура.

— Я хочу домой! — всхлипнула девушка.

— Да подожди ты, — махнул рукой Воронович и дремуче задумался.

Он долго молчал, шумно сопя и дико вращая зрачками. Наконец, молодецки тряхнул головой и неуверенно произнес:

— Ты зря так относишься к Арнольду Евсеевичу... Он талантливый критик. Ты поняла все не так.

— Короче! — процедила Инга.

Воронович поднял глаза и внимательно вгляделся в девушку. Сегодня творилось что-то невообразимое. Она впервые показала характер.

— Я же предупреждал, что буду знакомить тебя с пакостными людьми. И вот один из них! — через силу усмехнулся литератор, кивая на дверь спальни.

— Еще короче!

— Видишь ли, человек он неплохой... Живой все-таки человек... Ты бы с ним полюбезней... У него серьезные чувства.

— В отличие от твоих?

Воронович беспокойно заерзal и, не выдержав ее взгляда, опустил голову.

— Почему же, в отличие? Хотя... черт его знает. Это все не так просто. Кто же здесь может что-то сказать?

— Ты сволочь, Воронович, — перебила Инга, недослушав эту невнятницу.

— А! Это? — рассмеялся он, замахав обеими руками.

— Это мне не ново. Как сказал поэт: «Все мы сукины дети и... только поэтому братья!»

— Немедленно открой дверь, или я начну кричать...

После разговора с Риммой Герасимовной следователь неожиданно подумал, что дело не стоит выведенного яйца. Это подтвердил и вахтер, заверив по поводу незапертого окна, что летом половина окон редакции не закрывается вообще. Литераторы — народ не дисциплинированный и частенько, запирая кабинеты, не только не удосуживаются защелкивать шпингалеты на окнах, но и даже элементарно закрывать их. По этой причине большинство окон редакции отключены от сигнализации, в том числе и окно отдела поэзии.

— А что у нас воровать? — развел руками вахтер. — Рукописи? Кому они нужны?

Словом, причин для самоубийства у завотделом было достаточно, и обосновать их документально дело пяти минут. «И чего я так всполошился?» — удивлялся сам себе Батурин.

И все равно в этом происшествии было много странностей. Например, стул. Хотя стул могли сдвинуть и оперативники при извлечении тела из петли. Что касается мыла, то веревка могла быть намылена и заранее. Но все это детали. Главное, в поступках самоубийцы отсутствовала психологическая логика.

Хотя у творческих работников логика, как известно, не подчиняется никакому здравому смыслу. С ними всех трудней. Их психика неуравновешенна, душа легкоранима...

Ведь, казалось бы, чего проще: человек двадцать лет думает о смерти. В конце концов, он кончает жизнь в петле. С этим понятно. Любой психиатр подтвердит, что внутренняя патология рано или поздно вырывается наружу и заканчивается кризисом. Иными словами, каждому воздается по его устремлениям. Но с другой стороны кризис настал в самое не кризисное время.

И далее: пострадавший — человек стихии. Его поступки определяются порывами. Именно такая категория людей больше всего склонна к самоубийствам. Но с другой стороны, человек стихии тщательно готовится к самоубийству: заранее приобретает веревку, тщательно

натирает ее мылом. Предположение, что и то, и другое он приобрел по пути, вряд ли соответствует действительности.

По пути он не мог приобрести веревки с мылом по трем причинам: первая — он выбежал из дома без копейки денег, вторая — парфюмерные и хозяйственные магазины начинают работать с десяти, третье — у него на это не было времени. Согласно показаниям жены, из дома он выбежал в семь тридцать, а на работу прибыл ровно в восемь. От улицы Подвойского, где он жил, до Волкова переулка, где находится журнал, как раз тридцать минут легким бегом. И, наконец, четвертое: вахтер утверждает, что не видел в руках у сотрудника никакой веревки.

Далее, если исходить из логики, получалась совершившаяся белиберда, никак не согласующаяся с категорией индивидуума, которым движут порывы: бедняга явился на работу только для того, чтобы повеситься. Даже удивительно, как он в семь тридцать в бодром и приподнятом настроении выбежал из дома, а восемь пятнадцать уже висел в петле. А ведь нужно еще затащить из коридора стол, натереть веревку мылом, сделать петлю, накинуть веревку на крючок, привязать конец к ручке двери, затем вынести стол обратно... И все это за десять-пятнадцать минут?

Следователь ходил по редакции, беседовал с сотрудниками, и никого не удивляло, что заведующий отделом поэзии закончил свой земной путь именно в петле. Этому способствовало все: его профессиональная невостребованность, нищета, неизлечимая болезнь и как следствие — беспутная жизнь с бесконечными пьянками. А тут еще полное непонимание жены. Куда деваться? Только в петлю.

С невостребованностью и нищетой было понятно. Порывы души и болезненную ранимость сотрудники тоже не отрицали. Но была полная неясность с женой. Про нее литераторы и редактор журнала явно чего-то не договаривали. Да и Батурину супруга Вороновича показалась несколько равнодушной к самоубийству мужа. Вот это равнодушие и сбивало с толку.

Если бы она чувствовала себя виноватой, то ее реакция была бы ровно противоположной. Глаз у следовате-

ля наметан. Истерику во время разговора она бы закатила. Но Римма Герасимовна не обронила даже слезинки. «Здесь что-то не так», — чувствовал Анатолий Семенович, и никак не мог уловить логику прошедшего.

Еще одну вещь заметил следователь. Сотрудники без особого тепла отзывались о своем рано ушедшем товарище. Конечно, все были полны гневного сочувствия и ругали ныне действующий режим, враждебный к мастерам художественного слова, но истинной жалости к Вороновичу не исходило ни от кого, если не считать заведующего отделом критики Арнольда Чекушкина. Самоубийство друга его действительно потрясло.

— Так я и знал. Я это предчувствовал, — утирал красные глаза критик. — Вы знаете, он был человеком чести, поэтому и покончил жизнь самоубийством. Не мог он смириться с этой мерзостью, которая окружает нашу жизнь. Не такой он человек.

— Поясните, Арнольд Евсеевич, — попросил следователь, отметив некоторую дрожь в голосе собеседника.

Критик посмотрел следователю прямо в глаза и, снизив голос до полуслепоты, произнес:

— Я вам скажу всю правду. Но это не для протокола, а для общего понимания.

Прежде, чем начать, критик несколько раз оглянулся на дверь и трусливо втянул голову в плечи.

— Только я один знаю, почему повесился Наташа. Мы были с ним больше чем друзья. Никого не слушайте, особенно его жену, которая его в грош не ставила, и которая, наверное, говорила, что у Наташи был пьяный заход. Это ложь! — Глаза критика брызнули злостью. — Два месяца назад, он мне сказал, что зарекся не пить до конца жизни. И все потому, что он совершил подлость по отношению к одной девушке. Когда он это понял, то не мог себе простить.

— К какой девушке? — подозрительно сдвинул брови следователь. — И что за подлость?

— Этого я вам сказать не могу, — замахал руками критик и снова оглянулся на дверь. — Это не моя тайна. Тут замешана честь дамы.

Выцветшие глаза критика блеснули благородным блеском и внезапно наполнились слезами. Он со свистом вздохнул и расстроено покачал головой.

— Это был последний человек, для которого благородство что-то значило...

— Нет, Арнольд Евсеевич, — строго перебил Батурин. — Уж если начали — договаривайтесь. Что это была за девушка, и какую подлость совершил ваш друг. Понимаю, речь идет об Инге Калининой?

Критик взглянул на следователя совершенно сумасшедшими глазами. «Типичный идиот, а не критик», — мелькнуло в голове у полковника милиции.

— Откуда вы узнали? — выдавил из себя Чекушкин.

— Она первая увидела его в петле.

— Инга все-таки пришла! — восхитился критик. — Боже мой! Почему он ее не дождался? Ведь она, несмотря ни на что, пришла.

Арнольд Евсеевич шлепнул ладонью по виску и страшно простонал. Следователь недовольно заерзал на стуле.

— Вы говорите загадками. Объясните, наконец, в чем дело?

— Хорошо. Я все расскажу, — со вздохом произнес Чекушкин и поднял грустные глаза на следователя. — Но не для протокола, естественно, а для общего понимания. Если очень коротко, то у Наташа с Ингой был роман. Инга в него влюбилась, как кошка. Ну, знаете, как это бывает у юных девушек. Наташа же к ней относился прохладно. Их роман длился около двух лет. Для увлекающейся натуры Наташи это очень много. Душа поэта требует вечного обновления. Таков закон! И вот Наташу она порядком надоела, и он решил ее продать своему приятелю. Не спрашивайте, кому? Все равно не скажу. Это дело чести.

— Что, значит, продать? — удивился следователь. — Как породистую собаку?

— Почему как собаку? — оскорбился критик. — Я может быть, не так выразился. Продать — это, конечно, резко сказано. Скажем мягче, уступить.

— За деньги?

— За символические.

— За сколько, если не секрет?

— Это не столь важно. Но если вас интересует... За пятьдесят долларов.

— Вдвое меньше, чем самая дешевая проститутка с Ленинградского проспекта, — понимающе кивнул следователь. — Продолжайте!

— Ну, вы немножко не так поняли, — смущаясь критик. — Дело в том, что у этого приятеля были к девушке весьма серьезные чувства. Поэтому, Натан решил деликатно уйти с дороги.

— И при этом взять пятьдесят долларов?

Критик надулся и умолк. С минуту он обиженно смотрел себе под ноги, затем поднял умоляющие глаза на следователя.

— Да! Это гнусно. Воронович это понял после того, как оставил девушку в запертой квартире наедине с тем приятелем. Но она ему не далась, потому что была предана Натану. В конце концов, такого отношения к себе Инга не простила. Натан мне потом сказал, что после всего этого чувствует себя последней мразью и что он сделает все возможное, чтобы вернуть девушку. Он мне сказал, что если она его не простит, то он повесится. Натан бросил пить, курить, начал вести праведную жизнь. И все ради нее. Но она не простила... Натан не смог этого пережить.

Критик умолк и угрюмо уставился в пол. По его дряблым щекам покатились желтые слезы. Этого еще не хватало, — подумал Батуриин и закусил губу.

— С тех пор они больше не виделись? — спросил он.

— Нет, — вздохнул Чекушкин. — Но могли бы увидеться сегодня, если бы Натан подождал еще полтора часа. Тогда бы он остался жив.

— Значит, сегодня утром по телефону Воронович разговаривал с Калининой?

— А с кем же еще?

14

9 мая 2001
За 65 дней до этого

Когда после той ночи Инга выбежала из квартиры Чекушкина, то действительно больше не встречалась с Вороновичем. В этом критик не солгал. Чекушкин чувствовал себя виноватым перед девушкой, и это было

единственный раз в жизни, когда он чувствовал себя виноватым перед кем-то. Да, Воронович продал тело своей возлюбленной, но он много страдал и искренне раскаивался в содеянном — это тоже было чистой правдой. А Инга безумно любила заведующего отделом поэзии, и когда поняла, что она ему безразлична, ведь он готов был уступить ее первому встречному, то чуть не бросилась под поезд по примеру Анны Карениной.

Однако с примером литературной героини девушка решила повременить. Не добежав до перехода метров двадцати, Инга зашла за киоск, присела на корточки и принялась рыдать. Ни продавец киоска, ни проходившие мимо прохожие не поинтересовались, что случилось с этой красивой девушкой? «За что мне такой крест — любить Вороновича? — изумлялась сквозь слезы страдалица. — Как теперь я буду жить без него?»

Жизнь без этого человека действительно потеряла всякий смысл. С Вороновичем было тяжело, но с ним не было этой ледянящей пустоты. Без него стало никак. Полное небытие! И не было никого, кто бы мог его заменить.

«Сейчас приеду к Юльке и наглотаюсь таблеток, — мелькнула спасительная мысль. — Конечно, Юльке будет хлопотно с трупом, но что делать? Она поймет». Эта мысль заставила Ингу подняться с корточек и спуститься в метро. Перед входом в вагон она отерла ладонями слезы и одернула юбку с оторванной пуговицей. Зачем она это сделала, и сама не поняла. Ведь теперь ей все по фигу.

В летящем поезде она вглядывалась в черное стекло и думала, что, в сущности, она еще очень молодая, а вокруг пустота. А что ждет ее впереди — представить страшно: бесцветная, однообразная жизнь. Неужели так много для нее значил Воронович? Девушка вспомнила, что теперь его нет, и едва не разрыдалась на весь вагон. Может, правильнее было подчиниться и не сопротивляться Чекушкину? Может, в груди у Вороновича тогда бы что-нибудь екнуло?

Инга вздрогнула, вспомнив ледяные руки Чекушкина, и слезливо подумала, что хорошо бы поскорее добраться до Юлькиной квартиры и залечь в ванну. Нужно смыть поскорее с себя все эти нечистоты и облачиться в

чистенький махровый халатик, а потом уже со спокойной душой наглотаться снотворных таблеток. Хотя перед ними можно будет в последний раз сварить кофе и с полотенцем на голове развалиться на уютном Юлькином диванчике. И тогда уже всласть отдаться воспоминаниям о солнечной Ирландии. Хотя, конечно, не всласть, а до пяти часов. В пять приходит с работы Юлька.

Но, кстати, почему именно солнечной? Ведь когда волны тащили ее в море, затылок просто ломило от давивших на него туч. Однако когда она плыла обратно, то вовсю сияло солнце. И здесь не могло быть никакой ошибки, потому что в глазах плясали зайчики. Именно из-за них Инга сразу не смогла разглядеть лица появившегося на скале мужчины.

Однако сегодня она определенно не доберется до Чистых прудов. Голова раскалывалась еще невыносимее, чем вчера, и пассажиров набилось будто сардин в консервную банку. И вдруг в черном окне среди этой заспанной консервной массы бедняжка увидела его. «Только не это!» — сверкнуло в большой голове, и девушки со стоном зажмурилась.

Должно быть, показалось. Не может же судьба быть такой жестокой! Инга украдкой принялась изучать отражавшихся в стекле людей и чем внимательней всматривалась, тем больше приходила в ужас. Определенно он! Та же шевелюра с проседью и тот же грустный взгляд, обращенный в пустоту. Инга непроизвольно попятилась назад, но наткнулась на угрюмое непонимание пассажиров.

— Девушка, успокойтесь! Выходит полвагона.

Через минуту на станции действительно склынуло полвагона, и теперь в такой визжащей юбке ее мог не увидеть только слепой. Он подошел сзади и вежливо тронул за локоть. Пришлось угрюмо поднять глаза и разыграть изумление. Инга еще не решила, как вести себя с ним: узнать, или разыграть дурочку? Ведь от нее разит перегаром, табачищем и козлячьим чекушинским духом. В конце концов, она без косметики, и на блузке масляные пятна от рыбы.

— Вот видите, — произнес он без всякого приветствия, как будто они только что расстались, — если судь-

ба нас свела опять, значит, мы что-то не досказали друг другу.

Девушка скрестила на груди руки, чтобы замаскировать жирные следы от пальцев, и с тоской подумала, что ехать еще целых пять остановок.

— Я не верю в судьбу, — произнесла Инга и тут же мысленно простонала.

Кажется, она совершила ошибку. Сейчас он ринется в свои блистательные рассуждения о судьбах и станет о чем-то высматривать. А это самое ужасное, поскольку от нее исходит аромат далеко не девичьей свежести. Ни к чему было вообще открывать рот.

Однако симпатичный незнакомец ничего не спросил, а только деликатно кашлянул:

— Я тоже не верил в судьбу, а сейчас понимаю, что от судьбы не убежишь и чему быть, того не миновать, и что от нашей воли практически не зависит ничего.

После этих слов он замолчал надолго, должно быть, сам осмысливая суть только что «прогнанной телеги». Но, видимо, так и не осмыслив, внезапно встрепенулся и произнес с натянутой улыбкой:

— Ну что ж, мне пора выходить. До свидания. Я вам еще позвоню!

Молодой человек стремительно направился к выходу, и громкий вздох облегчения вырвался из полной груди девушки. Кажется, он что-то уловил. Впрочем, плевать она хотела: он ей не сват, не брат, а тем более — не муж. Но было бы замечательно, если бы он действительно позвонил. Только куда?

Словно подслушав ее мысли, незнакомец обернулся и крикнул на весь вагон:

— Но у меня нет вашего телефона!

Инга растерялась. Внутренний голос тут же забормотал цифры, но губы и не подумали пошевелиться. Не кричать же через головы пассажиров. К тому же она еще не решила, стоит ли ему давать свой номер. Точнее, домашний Юлькин. Поскольку собственным сотовым она еще не обзавелась.

Поезд остановился, двери распахнулись, но у дверей образовалась пробка. Пассажиры сзади нервничали и не совсем тактично пихали парня в спину. Наконец, после некоторой возни им удалось выдавить его нару-

жу, и он, махнув рукой отъезжающему вагону, громко прокричал:

— Ладно, я найду!

15

13 июля 2001

После беседы с Чекушкиным следователя взяла досада. «Нужно было поручить проверку практиканту Игошину, — подумал он и подавил зевоту. — Какого черта начальство отдали дело ему, старшему следователю? Подозревало, что это убийство? Ха!»

Разумеется, Батурин был не столь наивен, чтобы слово в слово поверить критику. Где это видано, чтобы российские литераторы вешались из-за угрызений совести? К тому же из опыта сорокапятилетний следователь знал, что тем, кто уступает своим возлюбленных братьям во хмелю, неведомы муки совести. Странно, что коллега покойного уверовал в эту белиберду. «Литературные работники всегда были оторваны от жизни, — с раздражением подумал следователь. — Скорее всего, самоубийство связано с болезнью».

Анатолий Семенович спустился на второй этаж к экспертам и спросил:

— Ну, как окно? Отпечатки есть?

— А как же! — улыбнулся Анатолий Ефимович. — По-моему, ладонь та же, что на столе и на телефонной трубке.

— Рука самоубийцы?

— Точно об этом сказать могу только после заключения.

— Ясненько! — устало махнул рукой Батурин. — Частички грязи на спинке стула обнаружить удалось?

— Увы! Не вставал он на спинку стула.

— Значит, опера сдвинули стул, — покачал головой Батурин.

Собственно, проверку уже можно считать завершенной. Осталось сравнить отпечатки пальцев. Если отпечатки принадлежат хозяину кабинета, то доказываться до истинны больше не имело смысла. С мотивацией прояснится после вскрытия. Если болезнь на последней

стадии — мотивом будет рак, если нет, то несчастная любовь. Хотя с любовью слишком надумано. Что касается мыла и прочих нестыковок — это лучше опустить.

Батурин вернулся домой в прескверном настроении. Осталось чувство чего-то недовершенного, хотя сегодня он отработал по полной программе. Анатолий Семенович сварил кофе и включил телевизор. Жена еще не пришла с работы, поэтому ничего не оставалось, как закурить с чашкой кофе на коленях и угрюмо уставиться в ящик. Жена ругалась, когда он курил в квартире, но было лень тащиться на лоджию, к тому же по телевизору начались новости из раздела происшествий. Пожар в каретном переулке. «Вольво» на улице Маши Порываевой столкнулось с трактором «Беларусь». Водитель «Вольвы» и двое его пассажиров доставлены в больницу с серьезными травмами. Тракторист не пострадал. Далее: взрослый мужчина и ребенок скончались от отравления грибами. Вот и все происшествия на сегодняшний день. «Не густо, и не любопытно», — вздохнул Батурин и переключил на футбол.

Но даже футбол не вывятерил досаду от сегодняшнего дня. Через полчаса домой вернулась жена и несколько развеяла уныние. Первым делом она отчитала мужа за курение в комнате, затем отчитала за обувь, брошенную под ногами, после чего поинтересовалась счетом и, наконец, принялась рассказывать о происшествии на Малой Бронной, свидетельницей которого она оказалась.

— Представляешь, на моих глазах неподалеку от театра на Бронной пытались похитить девушку. Трое каких-то дегенератов едут со стороны Макдональдса на «Вольво», а молоденькая блондиночка спокойно идет по тротуару. Вдруг эти идиоты останавливаются, выходят из машины, ни слова не говоря, хватают девушку за руки и тащат в машину на глазах у всего народа. Как тебе это нравится?

— Никак не нравится. А что народ?

— Народ безмолвствует и делает вид, что не видит. Рядом ни одного милиционера. На Тверском бульваре их — как грязи, а на Малой Бронной — ни одного!

— Ну, и чем все закончилось?

— А тем, что не перевелись на Руси еще настоящие мужики. Так вот, какой-то мужчина респектабельного вида наблюдал за этой катафасией, а потом, видимо, ему надоело. Он подошел к этим подонкам и так спокойненько достал из кармана нож и, ни слова не говоря, подставил одному из гадов к горлу.

— Респектабельный мужчина с ножом в кармане? Оригинально! — усмехнулся Анатолий Семенович.

— Ничего смешного, — обиделась жена. — Как говорил товарищ Кропоткин: «До тех пор пока государство не сможет обеспечивать личную безопасность граждан, граждане должны быть вооружены». От себя добавлю: «Не только должны, но и обязаны!» Не окажись у того джентльмена в кармане лезвия, девушку бы завтра нашли в канализационном люке. А ведь если этого мужчину задержат и обнаружат при нем нож, так его посадят!

— Никто за нож не посадит, если это, конечно, не табельное оружие, — поморщился Батурин. — Ножи в свободной продаже. Ну, и чем все закончилось? Девушку, в конце концов, отбили?

— Те на «Вольво» струсили и уехали, хотя и махали арматурой. А мужчина, как истинный рыцарь, отправился провожать девушку, хотя до этого, кажется, собирался в театр.

— Откуда ты знаешь, что в театр? — нахмурился муж.

— От верблюда! Потому что он стоял на крыльце театра.

Глаза Анатолия Семеновича подозрительно сузились.

— А, кстати, что ты сама делала на Бронной?

— В банке была. Ты разве не знаешь, что именно там мы снимаем квартальные.

— Значит ты сегодня при деньгах? — подмигнул муж.

— Увы! — развела руками жена. — Денег не дали. У них в банке вышла из строя операционная машина. Сегодня весь день такой. Везде что-то выходит из строя. У нас, например, на работе полетело два компьютера, а этажом ниже задымился сканер. Представь! А у моей подруги на работе замкнула электропроводка. Просто

мистика какая-то. Не зря же сегодня пятница, тринадцатое.

16

9 мая 2001
За 65 дней до этого

Именно так завершилась пятница тринадцатого июня две тысячи первого года. А за два месяца до этого по Чистопрудному бульвару бежала молодая девушка весьма несвежего вида. Она неслась, ни на кого не обращая внимания, и словно сумасшедшая бормотала себе под нос:

— Чего он найдет? Мой номер телефона? Дурак что ли? Не зная ни имени, ни фамилии, ни адреса?

«Может, незнакомец имел в виду, что найдет ее саму? — недоумевала Инга. — Но каким образом? Найти в Москве человека так же невозможно, как иголку в стоге сена. Хотя иголку отыскать еще можно, а вот — человека в этой пыльной, большой деревне — ни за что на свете».

Так думала девушка на улице, в ванной и лежа на диванчике с полотенцем на голове. С этой мыслью она засыпала и досадовала на себя, что не прокричала ему свой номер. Точнее, Юлькин.

А было бы действительно здорово встретиться с ним под вечер в каком-нибудь чистеньком скверике в субботу, или воскресение, когда не нужно никуда спешить. И грациозно цокать с ним под ручку, благоухая самыми тонкими парфюмерными ароматами, в черных чулочках и разлетающейся юбочке. И все бы вокруг оглядывались, а красивая бы пара неторопливо брела между скамеек в тихое уютное кафе. И он бы трепетал и смущался, когда ее грудь ненароком касалась его руки. Но все это мечты. Она его больше не увидит. А жаль. Скорее бы Юлька, что ли, пришла с дежурства! Ведь это идиотство — работать по выходным.

Юлька пришла в семь вечера. Она молча выслушала слезную исповедь подруги и участливо разревелась. Около часа проплакали девушки, сидя одна против дру-

гой, и Юля, сморкаясь в платочек, с упрямой периодичностью восклицала:

— Козел! Подонок! Скотина! Носит же таких земля!

— Я не хочу с ним расставаться! Я его люблю! — захлебывалась Инга.

— За что же ты его любишь? — изумлялась сквозь слезы Юля.

— Разве любят за что-то? — пожимала плечами страдалица. — Любят ни за что, потому что это от Бога. Если любят в благодарность, то это от Лукавого, потому что в его власти обстоятельства, но сердца во власти Бога. Понимаешь?

И блудная дочь, перейдя на более спокойное всхлипывание, принялась повествовать подруге о том, как пришла она однажды со стихами одноклассника Жоры Гогина, в редакцию одного толстого серьезного журнала и как потом долго плутала по коридорам, пока не попала в полутемный кабинет, заваленный до самого потолка папками разной толщины. Сейчас она затрудняется сказать, зачем ей понадобилось хлопотать за этого несчастного Жору, которому весь двор пророчил блестящую славу стихотворца, но тогда она была полна решимости бороться за права своих друзей, за право молодости, за право двора на собственный голос. Она готова была высказать любому очкастому редактору, что именно Гогинские стихи близки ее поколению, за которым будущее, и что эти пронафтalinеные толстые журналы давно уже никто не читает, во всяком случае, из молодежи, а если кто и удосуживается пролистать, то исключительно ничтожная горстка пенсионеров.

Вот тогда в отделе критики Инга и увидела его, этого усталого, седого и несколько рыхловатого человека с проницательным взглядом. На вид ему было около пятидесяти, и он вызывал уважение. Не отрываясь от стопки машинописных листов, редактор кивнул на стул и долго еще что-то вычеркивал ручкой в аккуратно отпечатанной рукописи. Потом он взял у нее измятые листы со стихами Гогина и небрежно пролистал. Инге показалось, что редактор не прочел и четверти, но, видимо, в этом не было необходимости. Он со вздохом сцепил листы скрепкой и сказал:

— Я бы посоветовал молодому человеку для начала прошпаргальть теорию стихосложения. Кстати, почему он не пришел сам? Тут и рифмы весьма примитивные, и слова едва умещаются в размеры. Бульварные сленги весьма нелепо перемешаны с фразеологией высокого штиля. И вообще, милая девушка, знаете ли вы, из чего состоят стихи? Как минимум из метафор, эпитетов, гипербол. А здесь что? Существительные, глаголы и междометия. А какая неистовая погоня за аллитерациями? Но аллитерация только приправа, а где ж, извините, само меню?

Сотрудник журнала говорил еще что-то умное, но Инге уже ничего не нужно было объяснять. Она внезапно поняла, насколько ничтожен и бездарен этот дворовый писака Гогин и насколько мелки его подзаборные почитатели. Но главное, как нелепо выглядела она, королева двора, пришедшая в чужой монастырь со своим уставом. А этот умный человек тратит свое бесценное время на нее и на эту Гогинскую чушь.

Редактор вернул девушке рукопись и взглянул в глаза.

— И еще я советую не хлопотать за них. Поэзия не нуждается ни в чьих хлопотах. Что касается графоманов, у них и без вас железные пробивные способности.

Девушка пробормотала в ответ что-то невнятное и стала суетливо засовывать рукопись в пакет. Боже, как стыдно. И рукопись никак не хотела укладываться между историей и орфографией. Главное, сейчас не выказать своей растерянности. Главное, изобразить, что ей все безразлично, а тем более — эти лысые критики литературных журналов. Редактор, словно подслушав ее мысли, тонко улыбнулся и вдруг спросил:

— А, кстати, что больше вами движет: порыв или меркантильность?

— Только не меркантильность, — пожала плечами девушка, показывая всем видом, что не теряется ни перед какими сукиными сынами, знающими, что такая аллитерация.

— Тогда пойдемте пить коньяк, — предложил он с улыбкой.

И у нее закружилась голова. То ли коньяк сразу ударили в голову несчастной абитуриентки театрального, то

ли сам факт того, что этот умный интеллигентный мужчина запросто приглашает в кафе, сдвинул мозги на бекрень, но юная газель без всяких раздумий с тем же равнодушным видом (мол, до фени мне и вы и ваш коньяк) неприлично громко выдохнула:

— Что ж, пойдемте.

И когда он поднялся со стула и галантно взял под локоток, девушка поняла, что теперь пойдет за ним на край света. И это новое ощущение собачьего послушания не было лишено прелести.

В тот день новый знакомый много рассуждал о поэзии и в своем «Москвиче», и в темной забегаловке, именуемой кафе. Он был галантным кавалером. Он был очаровательным и при этом несколько небрежным. Но эта небрежность добавляла особую привлекательность.

— Я вас научу, — шептал он на ухо, — отличать профессиональные стихи от любительских. Я вас научу видеть за словом жизнь, а за жизнью нечто большее, чем эту вечную суэту.

И девушка кивала, и в глубине души догадывалась, что теперь будет предана ему до гроба.

— А впрочем, — усмехнулся он, и в его глазах сверкнуло что-то сатанинское, — вы скоро узнаете, какой я мерзавец.

И она от души смеялась, зажевывая коньяк бутербродом с заветренной ветчиной.

— А кто в наше время не мерзавец? Бытие определяет мерзавцев, а время определяет бытие. Что делать? И через время мерзавцев мы должны переступить, как через навозную кучу...

Редактор снова наклонялся к ее уху и, уже изрядно обмякший и неприлично раскрасневшийся от коньяка, интимно шептал:

— Я тебя буду возить по таким заходульствям и буду знакомить с такими пакостными людьми, что ты взовешь... И я буду тебя трахать прямо на столе в моем кабинете...

Девушка спокойно перенесла последние слова, только сердце провалилось куда-то ниже пояса. Но поднимавшийся из-под ложечки страх, она тут же изгнала из себя и осталась в той же роли отчаянной пофигистки.

И вечером того же дня в пустой редакции на столе среди папок и пыльных бумаг он сделал то, что обещал.

Часть вторая ПОСЛАННЫЙ ВЫБИТЬ КЛИН

1

16 июля 2001

В понедельник следователя ждал сюрприз. Впрочем, о нем он в глубине души догадывался. Нужно быть очень наивным, чтобы предполагать, что расследование столь странного происшествия может закончиться благополучно. Не успел Анатолий Семенович переступить порог кабинета, как раздался телефонный звонок. Звонил Сводников, старший эксперт.

— Результаты экспертизы готовы, — доложил он деловым тоном. — Заключение мы уже вам отослали.

— Отпечатки совпали? — поинтересовался следователь, насторожившись официальным тоном.

— Нет! — коротко ответил эксперт. — Ладонь на столе не покойного. На телефонной трубке, окне и ручке двери — тоже.

— Они все разные?

— Нет. Одного человека.

— Очень интересно, — пробормотал Батурин, сообщая, что зацепали либо опера, либо вахтер. — А частицы уличной пыли на столе?

— Тоже не совпадают. На стол вставали в других ботинках.

— Понятно, — устало выдохнул следователь. — Значит, стол не тот. Вот геморрой-то...

— Не тешьте себя иллюзиями, Анатолий Семенович, — иронично произнес Сводников. — Стол как раз тот. Частицы уличной пыли на столе и стуле идентичны.

— Да? — изобразил удивление следователь. — Хотите сказать, что самоубийца вообще не касался ногами стула?

— Именно это я и хочу сказать.

— Вот, собака!

Через десять минут секретарь внесла заключение экспертов, и Батурин жадно впился в него глазами. Пречитав его дважды, он раздраженно поднялся с места и подошел к окну. За окном было хмуро. Накрапывал дождь, лица людей после выходных были сонными и озабоченными.

После прочтения протокола молниеносно всплыли все нестыковки этого дела: спортивный вид самоубийцы, заранее приготовленная веревка, исчезнение мыла, неестественное положение стула под ногами повешенного и, наконец, сама петля. Батурину с самого начала показалось, что она была несколько высоковата для заведующего отделом. Теперь, когда появилась ясность в том, что его ноги не касались стула, стало понятно, что это отнюдь не самоубийство.

«Так вот почему проверку поручили мне, а не дознавателю, — осенило Батурина. — Ну и нюх у нашего генерала!»

Следователь резко развернулся и бросился к телефону. Набрав номер бюро судебной экспертизы, он первым делом осведомился, опознала ли жена тело мужа?

— Разумеется! — удивились в бюро. — Если бы не опознала, мы бы вас выдернули в выходные.

— Протокол вскрытия уже готов?

— Готов! Сейчас пришлем.

— Что-нибудь необычное обнаружено? Следы борьбы, пуля в животе, яд?

— Все в норме! — успокоили на том конце провода.

— Смерть наступила от асфиксии. Самоубийца перед смертью был спокоен как танк, не дергался, не нервничал, даже не выпил ни грамма. Кстати, никакого рака у него не было. Печень как у быка.

— Здоровая? — переспросил следователь. — Тело уже вернули вдове?

— Еще вчера.

Батурин швырнул трубку и задумался. Ничего не оставалось, как сделать запрос в прокуратуру с просьбой разрешить продолжить расследование и переквалифицировать уголовную статью с факта «самоубийства» на «убийство». Прокуратура дала разрешение и даже не

прислала своего следователя. Батурин вызвал практиканта Игошина.

— Ознакомьтесь с делом. Будете его вести. Под моим руководством, разумеется. Первым делом выясните, в котором часу сегодня похороны Вороновича, а вторым делом отыщите поликлинику, к которой был приписан самоубийца.

Практикант сработал оперативно. Через полчаса Батурин уже разговаривал по телефону с терапевтом, который был хорошо осведомлен о здоровье Вороновича.

— Действительно два года назад Наташа Сигизмундович обращалася ко мне с жалобой на печень. Она была увеличена от чрезмерного употребления алкоголя, но не о каком злокачественном образовании речи не шло.

— Почему же все в один голос утверждали, что у него рак, но он добровольно отказался от госпитализации?

— Понятия не имею? — ответил врач. — Печень я привел ему в норму, причем без госпитализации. В ней, собственно, не было необходимости. Но возможно я предлагал ему лечь в больницу на обследование. Сейчас уже точно не помню.

— И с тех пор он больше не жаловался на печень?

— На печень нет. Но жаловался на бронхи. Это было полгода назад. Вообще, здоровье у него было неплохое. Сердце, как у молодого, давление сто двадцать на семьдесят. И это при том, что водку он хлебал ведрами.

— Но возможно после вас он с печенью обращался в какую-нибудь частную клинику?

— Возможно. Но мне об этом ничего не известно.

Не успел следователь положить трубку, как Игошин сообщил, что похороны литератора назначены на четырнадцать часов на Новогиреевском кладбище. Следователь посмотрел на часы и озабоченно произнес:

— Сейчас поедем. Но сначала нужно прояснить, имеются ли обнаруженные пальчики в картотеке?

— Уже прояснил, — ответил Игошин. — Не имеются.

— Я так и думал, — пробормотал Батурин.

Если это действительно убийство, то убийца изобретателен и осторожен. Повесить быстро, без шума и пыли такую тушу в восемьдесят два килограмма и при этом не засветиться — тут надо суметь. Если это dilettant, то он весьма талантливый.

Без всякого сомнения, литератору накинули петлю на шею, а потом вздернули вверх, — соображал следователь. — После чего убийца привязал конец веревки к ручке двери и подложил к ногам подвешенного стул. Единственно, что смущало в этой версии, это то, что жертва не оказала ни малейшего сопротивления.

Итак, теперь можно предположить, что убийца был один. Он высокого роста, молодой, сильный, осторожный. Пытается неистовой злобой к Вороновичу, ибо обять путь это дело так ловко, мог только человек с мстительным складом ума. И если это так, то сегодня он непременно будет на похоронах, чтобы напоследок насладиться плодами своей победы.

На кладбище следователя ждал еще один сюрприз. Среди пришедших проводить в последний путь присутствовала Инга. Она была очень красива в черном платке и шелковом платье. На лице ее читалась неподдельная скорбь.

Следователь подошел к девушке и участливо поинтересовался:

— Покойника уже отпели?

— Самоубийц не отпевает, — печально ответила она, укоризненно взглянув на следователя.

Батурин наклонился к ней и с нажимом прошептал:

— Кому, как не вам известно, что он не самоубийца. Инга колыхнула ресницами и потупила взор.

— Да, я знаю, что его убили.

— И знаете, кто? — поднял брови следователь.

Девушка неторопливо обвела взглядом присутствующих, судорожно вздохнула и тихо произнесла:

— Его фамилия Новосельский. Он под метр девяносто, шатен, волосы волнистые, глаза серые. Вид интеллигентный, взгляд проницательный. У него необычайные способности. Он может назвать номер телефона, только взглянув на человека.

2

9 мая 2001
За 65 дней до этого

Внезапно молодые женщины прекратили плакать и, взглянув друг на друга, светло улыбнулись. Молодости не свойственны затяжные дожди.

— Бухнем? — предложила Юля. — Как-никак у тебя день рождения. А у меня муж с ребенком в Карпатах.

— У меня день рождения был вчера.

— Вчера был формальный день рождения, а сегодня настоящий. Ведь ты родилась в первые минуты тринацатого мая.

— Откуда ты знаешь? Вообще-то, я родилась ровно в полночь.

— Ошибаешься. Ровно в полночь врач начал операцию. Впрочем, это неважно! Я иду за бутылкой. Олежка где-то спрятал бутылку рябиновой настойки. Думает, не найду. Какая наивность!

Хозяйка долго гремела на кухне посудой и скрипела дверцами антресолей. После чего издала радостный визг и появилась с бутылкой рябины на конъяке. Пока Юлька сервировала столик, Инга допытывалась от подруги, откуда она знает подробности ее рождения?

— Я все знаю! — хитро подмигнула Юлька. — Я все-таки в прошлой жизни была египетской жрицей... Так что, от меня ничего не скроешь. — Юлька коварно рассмеялась и добавила: — Шучу! Ты мне об этом сама рассказывала. Не помнишь?

Инга, разумеется, не помнила. Ей было не до этого. Она то сокрушенно вздыхала, то впадала в прострацию. После того, как дамы чокнулись, выпили по полной рюмке и грациозно закурили, Юля деловито произнесла:

— Тебе нужно влюбиться! Поняла? Влюбиться в нормального молодого парня! Клин вышибают клином. Что это за любовь к обрюзгому, старому и больному? По моему, ты сама больна. А может, тебя к нему приворожили?

— Мне никто не нужен, кроме него, — грустно улыбнулась Инга.

Дамы выпили по второй и слезное настроение развеялось окончательно. Юля даже стала подтрунивать:

— Любопытно, отойдет тебе его «Москвич», если ты выйдешь за него замуж?

— Типун тебя за язык.

— Почему нет? Имеешь полное право. Хотя уж если выходить замуж, то лучше за «Бентли». Правда, в придачу получишь байзерованного ублудка, но что делать? Везде свои недостатки. Зато какой эффект произведешь на Вороновича! Зауважает! Кстати, дай левую руку! Давно я тебе не гадала. Что у нас там? Боже, какой бардак! В общем, слушай: любить ты будешь одного, ребенка родишь от другого, а замуж выйдешь за третьего. Хотя с замужеством, как-то нечетко. Но самое интересное, что все это произойдет очень скоро...

Инга отдернула руку и рассмеялась.

— Ты каждый раз гадаешь по-разному.

— Я не виновата, что у тебя каждый день меняются линии.

Все это немыслимые глупости. Замуж она не собирается ни сейчас, ни в обозримом будущем, а рожать ребенка — тем более. И Вороновича она не любит. Разве это любовь? Это черт знает что такое, только не любовь...

Вот именно в эту минуту, когда Инга пыталась обосновать свои чувства к Вороновичу, и зазвонил телефон.

— Муж! — подпрыгнула Юлька. — Муж объелся груш! — завизжала хозяйка вне себя от радости и помчалась в прихожую, хотя параллельный телефон стоял здесь же на тумбочке.

Инга с завистью посмотрела вслед. Вот оно, настоящее счастье. И муж в ней души не чает, и она от него без ума. Почему так по-разному судьба одаривает людей? Юлька плотно захлопнула за собой дверь и навела Ингу на грустную мысль, что в самые сокровенные сферы египетская жрица не пускает даже ее.

— Алло! Я слушаю! — донеслось из прихожей, и в Юлькиной интонации слышалась бесконечная нежность. — Алло! Плохо слышно. Можешь, погромче? Кого позвать?

Юлькин голос изменился и стал приобретать оттенки изумления. До Инги донеслось, как подруга разочарованно вздохнула и положила трубку на зеркало. После чего пнула дверь зала и насмешливо произнесла:

— Это тебя. Приятный баритон.

Инга рассеянно пожала плечами и с унынием подумала, что из молодых людей, обладающих приятным

баритоном, она знала только одного — Юлькиного мужа.

— Я слушаю. Кто это?

Узнав голос того самого чудака с Чистопрудного бульвара, девушка вздрогнула.

— Откуда вы знаете этот номер?

— Ваша мама дала, — рассмеялся он.

— Так сразу и дала?

— Не совсем сразу. Потому, что перед этим она рассказывала о том какая вы умная и талантливая, и что вы готовитесь в театральный институт, а живете у подруги, чтобы предки не мешали заниматься. И еще она говорила, что вы для лучшего вхождения в образ перед сном читаете Сенеку...

— Но откуда вы узнали мамин телефон?

— Высчитал по таблице Пифагора! Пифагор говорил, что миром правят числа, и поскольку каждая вещь имеет свою цифру, я суммировал ваш рост, глаза, цвет волос, интонацию голоса и получил номер вашего телефона.

Чудак опять засмеялся и добавил, что при встрече объяснит подробней, как это делается, что он потому и звонит, чтобы уточнить, где и когда они встретятся завтра.

— Не знаю. Но завтра я не могу, — растерялась Инга, соображая, что разговорить маму по телефону может только Сатана. — И вообще я не понимаю, для чего нам надо встречаться?

— Я тоже завтра занят, — произнес он, как ни в чем не бывало, опуская ее раздражение по поводу занятости. — Может, встретимся в субботу?

Сердце Инги радостно отびло «да». До субботы еще пять дней. За это время можно поправить свихнувшиеся мозги и спихнуть большую часть проблем.

— Не знаю, может быть...

— Прекрасно! Тогда давайте встретимся там же, под памятником Грибоедову. А в какое время? Я предлагаю в семь, но если хотите, давайте в другое.

Нет-нет! В семь было самым подходящим временем. Можно прекрасно выспаться, даже если лечь на рассвете. Можно не торопясь принять ванну, наложить косме-

тику и примерить восемь юбок. Можно не спеша выпить кофе и светски побеседовать с Юлей.

— Хорошо, — произнесла Инга после некоторых раздумий и положила трубку.

Будто во сне вплыла она в зал и слепнулась в кресло. Ее губы вновь ощутили соленое море Ирландии, а мысли начали расплзаться по швам. Чтобы собрать их, девушка вытащила из пачки сигарету и рассеянно прикурила фильтром.

— Кто это? — спросила Юля.

— Один чувак, — неопределенно ответила она, не замечая как невыносимо несет жженой ватой.

Конечно, определение «чувак» никак не подходило к этому парню. Его можно было назвать «мэном», «интересным мужчиной», можно, скрепя сердце, назвать «клевым парнем», но никак не «чуваком». И хотя Юлю распирало от любопытства, о таинственном чуваке они больше не обмолвились ни словом.

Подруги пили чай, смотрели телевизор, болтали о каких-то пустяках, но истинное Ингино «я» блуждало где-то в смутных туманах Ирландии. И только перед самым сном в ванной под холодным душем ее мысли, наконец, начали выстраиваться в логическую последовательность. Инга снова увидела хмурое ирландское небо и маленькую неприветливую бухту. Она подошла к зеркалу и вдруг на животе слева от пупка заметила едва заметную точку. Девушка поскребла ее коготком и убедилась, что зрение не обманывает. Это действительно была родинка, которую юная леди никогда не замечала прежде. Она разглядывала эту крохотную прелесть, гладила, скребла ногтем и, как помешанная, бормотала себе под нос: «Невероятно! Просто фантастика! Боже!»

Со стучашими зубами бедняжка выскользнула из ванной и тут же нырнула под одеяло. Юля о чем-то спросила, она что-то ответила, но, едва коснувшись головой подушки, снова увидела ирландское небо, вслокоченное море и суровую обветренную скалу.

Батурин внимательно всматривался в хмурых людей на кладбище, отыскивая глазами предполагаемого убийцу, и в то же время ни на секунду не выпускал из поля зрения Ингу. Поговорить с ней толком не представлялось возможным, да и выглядела она не вполне здоровой. По этой причине серьезно нельзя было относиться к ее ориентировкам убийцы. В конце концов, Анатолий Семенович решил оставить девушку на потом, а пока перекинуть внимание на вдову.

Римма Герасимовна держалась с невероятным достоинством. Она не выказала никакого неудовольствия по поводу молодой любовницы мужа. Как заметил сыщик, не один он с интересом следил за развитием взаимоотношений между женой и любовницей. А народу, кстати, было много. В основном литераторы. В первую очередь редколлегия журнала в полном составе, плюс многочисленный состав авторов. Именно им принадлежали самые высокопарные и утомительные речи о безвозвратно ушедшем рыцаре литературы.

Полковник пристроился к главному редактору, и тот хоть и неохотно, но довольно подробно проинформировал о гостях. Большая часть пришедших — творческие работники, боевые товарищи по литературному цеху, одноклассники и однокурсники поэта. Меньшая часть — родственники со стороны жены. Они резко отличались от литераторов тем, что были более активными в практической части похорон. Кроме того, присутствовали еще какие-то люди невзрачного вида, робко жавшиеся к чужим могилам, которых главный редактор видел впервые. Они не примыкали ни к писателям, ни к родственникам. Должно быть, как определил сыщик, это местные обитатели кладбища, существовавшие за счет поминальных трапез, которые проходили здесь же, в только что выстроенном для этих целей кафе.

Но среди этих чужаков выделялась одна молодая пара. Красивая девушка с распущенными волосами, лет двадцати и высокий парень с голубыми глазами. Их лица были серьезными и угрюмыми, но нисколько не скорбными. Когда настал час прощания с усопшим, они единственные из подошедших к гробу, не склонились к покойнику, а только, сожуравшись, посмотрели в его лицо, после чего резко развернулись и пошли прочь.

— Кто это? — спросил следователь у главного редактора.

— Понятия не имею, — ответил он.

Инга тоже не знала, кто эти двое? А расспросить у вдовы о них в такой щемящий момент следователь не решился. Ничего не оставалось, как приказать Игошину проследить за ними. Но это далеко не все, что в ту минуту отметил зоркий глаз сыщика. Как только эта пара удалилась, тут же откуда-то из-за спин выполз полуодхлылый критик Чекушкин. Прежде, чем наклониться к гробу, он послал удаляющейся паре весьма настороженный взор. Однако критик недолго занимал внимание следователя. Сразу же после него к покойному подошла Инга. Присутствующие замерли. После прощания с покойником она должна была выразить соболезнование вдове. Сцена весьма щемящая. Но многих она разочаровала.

Инга, как и прочие, без всякого напряжения подошла к Римме Герасимовне, подняла на нее глаза и сочувственно коснулась пальцами ее рукава. Та в ответ вежливо кивнула. И на этом процедура закончилась. Все было естественно и благочестиво.

Когда в могилу полетели первые комья глины, следователь поднял глаза и внимательно обвел взглядом всех высоких парней. Среди присутствующих их было четверо. Двое со стороны литераторов, один со стороны родственников, и один из оркестра. Того, кто играл на трубе, можно было откинуть сразу. Так что из реально подозреваемых оставалось трое. Но один из них, самый колоритный и самый загадочный, удалился с красивой девушки.

После того, как могила приняла подобающий вид и толпа, не спеша, направилась в кафе, следователь выбрал момент и подошел к вдове. Вежливо выразив соболезнования, которые Римма Герасимовна приняла весьма сдержанно, полковник в первую очередь спросил о молодой паре, удалившейся после прощания.

— Я понятия не имею, кто они такие, — ответила Римма Герасимовна. — У Наташи было много друзей и знакомых. Я здесь и половины не знаю. Но разве сейчас это имеет значение?

— Это имеет большое значение, — произнес многозначительно следователь. — Дело в том, что у меня все

основания полагать, что ваш муж не покончил жизнь самоубийством.

Вдова остановилась и вытаращила глаза на явно спятившего мента.

— Что вы сказали? Не покончил? То есть, вы хотите сказать, что его убили? Боже мой! Какой вздор! Кому понадобилось его убивать?

Эта новость была настолько ошеломляющей, что со вдовой чуть не случилась истерика. «Ничего! Чем внезапнее, тем лучше», — подумал следователь.

— Исходя из заключения экспертов, с ним расправился высокий мужчина, обладающий недюжинной силой, — скороговоркой произнес полковник, покосившись на скорбящих, которые все, как по команде, начали оглядываться.

В глазах Риммы Герасимовны появилось отчаяние.

— Почему высокий? Откуда вы это взяли?

— Чтобы со стола и стула накинуть веревку на крючок в потолке требуется рост не меньше метр девяносто. У вашего мужа с его ростом на это бы ушло полчаса.

Вдова бросила растерянный взгляд на следователя, и подбородок ее задрожал. Для Анатолия Семеновича это было слаше нектара.

— Но почему вы решили, что убийца обладает могучей силой? — спросила вдова умирающим голосом.

Батурин невежливо хмыкнул.

— Он накинул ему петлю на шею, а потом вздернул руками. После чего привязал веревку к ручке двери, причем таким узлом, какой не завяжешь одной рукой.

— Значит, их было двое? — ужаснулась вдова.

— Нет. Он был один. Веревку убийца держал зубами, что говорит о его мощной шее и крепких зубах. Мне сразу бросились в глаза вмятины на веревке. Это могли быть только зубы.

От внимания Батурина не ускользнула внезапная бледность вдовы. Ноги ее стали заплетаться, а сама она начала заваливаться вперед. Батурин подхватил ее под руку.

— Вам нехорошо?

— Нет. Спасибо. Все нормально.

— Мне показалось, эта новость очень вас взволновала.

Вдова не ответила. В ту же минуту бедную женщину, готовую рухнуть без чувств, подхватили двое родственников. Один, судя по всему, был братом. Он как две капли воды походил на Римму Герасимовну. Другой, высоченный молодой человек, был тем самым фигурантом, которого сыщик включил в разряд подозреваемых. Высоченный молодой человек взглянул на офицера милиции весьма недружелюбно.

В это время следователь увидел, что Инга перекинулась словами со вторым подозреваемым из группы авторов. Пришлось ее догнать и деликатно вытеснить из толпы.

— Значит, говорите, фамилия убийцы Новосельский, рост метр девяносто, глаза серые? А он случайно здесь не присутствует?

— Он давно уже нигде не присутствует! — судорожно выдохнула Инга.

— А с кем вы только что разговаривали?

Девушка подняла на следователя свои заплаканные глаза и с раздражением ответила:

— Это поэт Гогин, мой бывший одноклассник.

4

10 мая 2001
За 64 дня до этого

Утром звонила мама. Она долго распылялась по поводу обаятельного молодого человека, который позвонил ей вчера, и интересовалась, правильно ли она сделала, что дала ему Юлькин телефон? Может, не следовало давать? Может, правильней было бы отчитать молодого человека и положить трубку? Но он с такой любовью расспрашивал о ее дочери, что мама не устояла. Да и какая мама может устоять, когда расхваливают ее единственное дитя.

— Никому больше не давай наш телефон, — произнесла Инга сухо. — Что еще?

А еще звонил он. Тут голос у мамы дрогнул, а у Инги перед глазами поплыли шары. Оказывается, Воронович

ее разыскивает. И разыскивает со вчерашнего вечера. Но суровая мама напрочь его отшила. Тем не менее, упрямец клятвенно пообещал, что приедет к ними домой, если Ингу немедленно не позовут к телефону. Что оставалось делать бедной родительнице? Пригрозить милицией?

— А если милиция не поможет, найду киллера. Я так ему и сказала, что не пожалею денег ради счастья единственной дочери. Я правильно сказала? Правильно! И я не шучу, я найду убийцу. Для праведного дела это не грех...

— Все? — раздраженно перебила Инга.

— Что значит все? — возмутилась мама. — Я надеюсь, что ты с ним порвала окончательно? Ведь он старше твоего отца на целых четыре года. Ему скоро на пенсию! Где это видано, чтобы юные девицы заводили шашни с пенсионерами? Ну, ладно бы он был богатый, тогда понятно. Но он же голь и нищета! К тому же, пьянь гидролизная.

— Все, мама, пока!

Инга водворила трубку на место и озорно повела глазами. Значит, Воронович ее ищет. Значит, любит! Значит, раскаивается и хочет попросить прощения за Чекушина? А то, что он продал ее этому козлу за пятьдесят долларов, все это выдумки. Не мог Воронович так поступить.

Сладкая истома разлилась по гибкому телу девушки. Какой кайф! Она ему, конечно, позвонит, но какнибудь потом. Пусть немного помучается.

А Юлька, между тем, опаздывала на работу. Она суетливо запихивала в сумочку губную помаду, ключи, платочек; на ходу дожевывала бутерброд и никак не могла отыскать проездной.

— Это твоя мама звонила? — рассеянно поинтересовалась она.

— А кто же еще, — скривила гримасу Инга.

— Ты слишком грубо с ней разговариваешь. Мне всегда неприятно слушать, как ты дерзко ей отвечаешь. Все-таки мама.

— А пусть не лезет не в свои дела! — сверкнула глазами Инга.

Юлька неодобрительно покачала головой.

— Ты не права. Мать зла дочери не пожелает. Тем более, единственной. Тем более, из-за которой чуть не умерла при родах...

— Что? — вытаращила глаза Инга. — Кто тебе сказал?

Юлька взглянула в глаза подруги и задумалась.

— Слушай, ты не брала мой проездной? Куда он делся, ума не приложу?

— На зеркале твой проездной, — ответила Инга, не сводя с подруги глаз.

— Слава тебе, господи! — обрадовалась Юлька. — Я сегодня сорвусь пораньше, и мы с тобой смотаемся в театр Ермоловой. Там студия МХАТа поставила что-то авангардное. Не помню, как называется, но говорят клево...

— Юлька, — строго перебила Инга. — Ты мне зубы не заговаривай. Откуда ты знаешь, что моя мать чуть не умерла при родах?

Юлька пожала плечами и затряслась головой:

— А разве не ты мне рассказывала? Странно! Значит, кто-то другой. Я уже не помню. Извини, у меня сегодня мозги набекрень. Я помчалась.

— Постой Юлька! — вспомнила Инга. — Я забыла тебе рассказать сон. Какой прекрасный сон мне приснился. Подожди, не спеши. Говорят, если до обеда не расскажешь хороший сон, то он после обеда забудется, и потом уже никогда не сбудется.

— Да нет! Все не так! — засмеялась Юлька. — Наоборот нужно до обеда рассказать плохой сон, чтобы не сбылся.

— Юлька, зачем ты меня перебила? — плаксиво простионала Инга. — Теперь я ничего не помню. Абсолютно ничего! Но сон был великолепный! Как я плясала, Юлька, прямо на столе! И где, ты думаешь? В какой-то таверне, стариной, красивой и такой до боли знакомой. Как я выплясывала, Юлька! У меня в ушах до сих пор звенит та удивительная музыка.

— Будь другом, — ответила Юлька, озабоченно расстегивая сумочку, — погладь мне юбку и сваргань чего-нибудь пожевать. Там, в морозилке котлеты. Разморозь их в микроволновке. Мука в столе, масло в шкафу...

— Да послушай, Юлька! Как они все восторженно на меня глядели, и особенно он. Его глаза сияли, как у волка. Морского волка! А я так давно хотела его завлечь! Но я была еще совсем девочкой, и он не обращал на меня внимания...

Юльке, наконец, удалось отыскать в сумочке ключи от отдела. Она торопливо чмокнула подругу в щеку и, уверив, что та бредит, хлопнула дверью.

Стало тихо и одиноко. Инга услышала за окном будничный шум машин и вздохнула. Да-да, музыка в таверне действительно была необыкновенной, но сейчас она не может ее воспроизвести. И сон совершенно не помнит, словно кто-то показал прекрасное кино, а затемshalovavivo стер его из памяти. Деталей ей действительно уже не вспомнить, но чувство восторга и радости, которое было во сне, осталось. И еще осталась его ослепительная улыбка. Боже ты мой! Какого-то родного человека. Но, конечно, не Вороновича.

5

16 июля 2001

В тот день Батурину больше не удалось поговорить с Риммой Герасимовной. Не удалось толком поговорить и с Ингой. На поминальную трапезу девушка не осталась и перед самыми дверьми кафе куда-то незаметно канула. Вскоре возвратился Игошин и доложил, что удалившаяся с кладбища пара села в белые «Жигули» с водителем и покатила в сторону Москвы. За ними поехали ребята из группы наружного наблюдения.

— Тебе нужно было поехать с ними, — угрюмо произнес патрон. — Ты здесь больше не нужен.

В это время Батурин очень внимательно наблюдал за вдовой. Ее бледность и волнение не могли не броситься в глаза. Следователь почувствовал, что данное проявление чувств не было связано с похоронами. От внимания сыщика также не ушло, что Римма Герасимовна ожила, украдкой обернулась и, убедившись, что следователь на порядочном расстоянии, принялась что-то резко выговаривать брату. Тот удивленно взглянул на сестру и тоже оглянулся. Затем нехотя отпустил ее руку.

После того, как брат отошел, вдова начала взволнованно распекать своего высокого родственника. Родственник горячо отнекивался и беспокойно оглядывался назад. Анатолий Семенович сделал вид, что совсем не интересуется этой парой. Он опять пристроился к главному редактору и, кивнув на вдову, спросил, кем приходится тот мужчина Римме Герасимовне.

— Понятия не имею, — ответил редактор раздраженно.

Его неприязнь к супруге усопшего была настолько очевидна, что следователь спросил прямо, почему он так враждебно настроен к этой милейшей Римме Герасимовне?

— Милейшей? — передернул плечами редактор. — У мужа рак. А она в это время открыто крутит роман с чужим мужем. А стоило Наташу один раз задержаться на работе с молодой поэтессой, она наутро пришла в журнал и поставила всех на уши.

— Римма Герасимовна ревнива? — удивился Батурин.

— Как Катерина Измайлова.

Подобное откровение не могло не удивить следователя. «Что-то здесь не так», — подумал он и спросил про высокого литератора, шагающего впереди.

— Это наш автор. Поэт Максим Скатов, — объяснил редактор. — У него вышло две подборки. Наташа готовил третью. Но, увы... — Редактор, понизив голос, подмигнул следователю. — Не сказать, что особенно талантливый. Даже можно сказать наоборот. Наташа практически переписывал за него стихи. Но что поделать? Его отец один из директоров частной авиакомпании. Он оказывает помощь нашему журналу.

Редактор вздохнул и интеллигентно развел руками.

— А этот кто? — спросил следователь, указав на Гогина.

— Об этом авторе я ничего не знаю, — поморщился редактор. — Его мы не публиковали. Видимо, Наташа только начал с ним работать. А раз начал, значит, видел какую-то перспективу.

В это время впереди разыгрывалась любопытная сцена. Римма Герасимовна нервно вырвала локоть из могучей ладони своего родственника, и он, обиженно

хмыкнув, развернулся и пошел прочь. Вот в это мгновение и подошел Игошин с сообщением, что удалившаяся пара села в белые «Жигули». Однако в ту минуту Батурину решительно было не до пары. Он внимательно осмотрел присутствующих и заметил, что за этой сценой впереди с большим интересом наблюдает критик Чекушкин. Полковник отстал от главного редактора и пристроился к нему. Тот лукаво подмигнул и, кивнув в сторону вдовы, ехидно прошептал:

— Что-то сегодня Герасимовна рассорилась со своим любовником.

— Любовником? — поднял брови Батурин. — Это же двоюродный брат.

— Можно сказать, что брат, — миролюбиво согласился Чекушкин, нечисто хихикнув. — Он у нее уже восемь лет. Наташа об этом знал. У нее своя жизнь, а у Наташи своя. Они вместе жили только ради детей. У них был такой договор, как выдадут замуж дочь, так сразу и разбегутся. Сын у них уже в институте, а дочь в этом году заканчивает школу. Так что Наташа немного не дожил до развода. Хотя, между нами говоря, он разводиться не хотел. Эта она настаивала.

— Значит, муж ей был безразличен?

— Ей — да! А ему нет. Он ее любил, и поэтому не давал развода. Хотя смирился с тем, что у нее любовник.

— Но я слышал, что Римма Герасимовна была очень ревнивой.

— Что вы! — засмеялся Чекушкин. — Абсолютно равнодушной женщиной.

— Мне главный редактор только что сказал, что она приходила в журнал и устраивала какие-то сцены.

Чекушкин метнул тревожный взгляд на следователя и почему-то стушевался.

— Да-да, кажется, было один раз, — пробормотал он бессвязно и торопливо покинул полковника милиции.

Новые логические нестыковки Батурина не принял во внимание, хотя подсознательно их отметил. В это время он не спускал взгляда с удаляющегося любовника Риммы Герасимовны. Вдова ни разу не повернула голову в его сторону, что свидетельствовало о весьма серьезной размолвке. После того, как любовник свернул на соседнюю аллею, Батурин шепнул Игошину:

— Уходим. Нам здесь больше делать нечего.

Они незаметно оторвались от толпы и завернули на ту же аллею, по которой только что вышагивал герой-любовник. Их исчезновение заметил только один человек, кстати, один из тех поэтов, о которых осведомлялся сыщик. Молодое дарование повернуло голову на покинувших процессию ментов и таинственно улыбнулось. Дойдя вместе со всеми до кафе, поэт вежливо пропустил сначала женщин, затем мужчин и, когда остался один, послал им вслед такую же странную улыбку. После чего развернулся и пошел прочь.

А между тем полковник с практикантом прилагали массу усилий, чтобы не упустить из виду улепетывающего друга Риммы Герасимовны. Выйдя за ворота, друг еще более увеличил темп, и работникам милиции пришлось перейти на галоп. Когда милиционеры прибежали на стоянку, неофициальный родственник вдовы уже впихивал свою «Тойоту» в машинный поток на трассе.

Но внезапно следователь увидел, что Инга садится в черную «Вольву». Ее поддерживал респектабельный мужчина весьма не хилого вида, которого не было на похоронах. Судя по тому, как трепетно он поддерживал ее за талию, кавалер для Инги был не совсем чужим. Все видящее подсознание Батурина зафиксировало и этот факт. Сам же следователь, едва скользнув по ним взглядом, велел водителю следовать за «Тойотой». Хозяин черной «Вольвы» напротив: усадив девушку, проводил милицейскую «Волгу» далеко не равнодушным взглядом. Когда она скрылась из виду, его глаза вспыхнули точно таким же насмешливым светом, как у поэта, который не остался на поминальную трапезу. Прежде чем сесть за руль, неизвестный мужчина наклонился к Инге и с улыбкой спросил:

— Ты рада, что мы встретились?

— Да! — еле слышно ответила девушка.

6

15 мая 2001
За 59 дней до этого

Они встретились в субботу в семь часов вечера под памятником Грибоедову. Парень с девушкой подошли друг к другу, насмешливо обменялись приветствиями и побрали по аллее мимо загаженного пруда, мимо театра «Современник», мимо ресторана с разбитыми окнами и дальше по трамвайной линии вдоль каких-то магазинчиков, киосков, кинотеатров. Было не важно куда идти, лишь бы идти рядом, чувствовать друг друга и все говорить, говорить и никак не наговориться.

— Значит, вы были ирландцем? — допытывалась она, заглядывая в глаза своему новому знакомому.

— Нет, вы не поняли! Я был англичанином, — отвечал он с напускной серьезностью. — Во всяком случае, говорил на английском.

— А я, значит, была ирландкой?

— Чистокровной.

— Серьезно?

— Даю зуб.

— Ну, и что дальше? Рассказывайте!

— Я уже вам все рассказал. Ваш отец держал таверну на берегу бухты, где укрывались от шторма наши корабли. Сезон штормов начинался в октябре и длился около месяца. Обычно, он настигал нас по возвращении в Ливерпуль, когда корабли и без того были перегружены товаром. Но вас больше интересует, чем занимались английские моряки в вашем поселке? Практически, ничем! Пили, да играли в кости. А вы танцевали перед ними на столе.

Инга вглядывалась в своего нового знакомого, назвавшегося Володей, и никак не могла определить, шутит он или говорит серьезно. Впрочем, в его голосе иногда проскальзывала ирония, но все равно, что-то давно забытое и до чертиков родное начинало шевелиться внутри.

— А брат у меня был? — неожиданно спросила Инга.

— Брат? — удивился незнакомец и остановился. — Кажется, да... — Глаза его сделались настолько серьезными, что Инга напугалось. Неужели не шутит? Боже ты мой!

— Знаете, начинаю припоминать, — произнес он с туманным взором. — Вот сейчас всплывает образ. Вижу этакого здоровенного, угрюмого верзилу, которому не

очень нравилось, что вы танцуете на столе перед моряками.

От этих слов Инга покрылась мурашками. Перед глазами тут же предстал детина, приснившийся ей во сне. «Да нет же, так не бывает», — подумала она и рассмеялась.

— Продолжайте! Значит, брату не нравились мои танцы на столе. Почему? Я плохо танцевала?

— Не в этом дело! — поморщился незнакомец. — Вашему брату многое не нравилось. Это знаете, от скверного характера. Есть такие люди вечно недовольные, молчаливые угрюмые, и они всегда носят с собой ножи. Ваш брат был из таких. Он всегда носил за поясом кривой нож. Кстати, — незнакомец таинственно наклонился к уху девушки, — этим ножом он собирался зарезать и меня.

— Вас! — театрально воскликнула Инга, деликатно отстраняясь от мужчины. — Но за что?

— Как за что? — удивился Володя. — За вас, конечно. Странно, что вы не помните.

Инга отвела глаза и трижды театрально кашлянула, дав понять, что продолжать дальше на эту тему не стоит. Он тоже замолчал и сделал вид, что смущился. Но это была игра.

В тот вечер было удивительно хорошо на улице и потрясающе легко на душе. Было приятно брести с этим незнакомым шизиком нелюдимыми закоулками и слушать весь этот бред. Игра была обусловлена и принята обоими.

— А сколько вам лет? — внезапно спросила Инга.

— Тридцать два? — ответил он растерянно.

— Понятно. Вы случайно не из ФБР? Скажите честно, откуда вы узнали мой номер телефона? Хотя нет! Сначала скажите, удалось моему брату зарезать вас кривым ножом?

— Увы! Пока он собирался, я успел утонуть. Он так вас любил, что ревновал даже к пивным кружкам.

— Родной брат? — вытаращила глаза Инга.

Молодой человек замялся, сообразив, что несколько переврал, однако на попятную не пошел.

— Да, родной брат! Не удивляйтесь! — произнес он с честными глазами. — Он любил вас не только любовью

брата. Дело в том, что в предшествующей жизни, кажется, в древней Элладе, а может и в Вавилоне, я точно не помню, этот товарищ упорно добивался вашей любви, но так и не добился, — не моргнув глазом, продолжал молодой человек. — И тогда Боги решили испытать его еще круче: воспроизвести на свет в одной семье с вами.

— Испытать? А зачем?

— Чтобы потом наградить. Так всегда делается...

На этих словах молодой человек замолчал и поморщил лоб. «Видно, совсем заврался, — подумала Инга. — Бывает. Сама такая».

— Вы случайно, не писатель фантаст? — спросила она деловито.

— Что вы! — скромно потупился рассказчик. — Но если говорить честно, то научную фантастику я еще терплю, но фэнтези ненавижу всей душой, хотя и понимаю, что человек слишком мелок, чтобы фантазировать. Он не фантазирует, он вспоминает. Если он рассказывает о чем-то невероятном, то он не сочиняет, он действительно это видел в других мирах. Об этом писал Платон.

«Боже мой! Платона еще зачем-то приплел, — недовольно подумала Инга. — С Платоном перебор. Лучше бы рассказал, сколько у него было жен. Наверняка не одна, если у него так ловко подвешен язык».

Самым приятным в этот вечер было то, что Воронович уже не так монументально давил на подкорку. Подобное Инга не могла не оценить. Хорошо, что она не позвонила ему ни вчера, ни сегодня. Это было нелегко, но в последние дни девушка почувствовала в себе перемену, и такая перемена удивляла ее. И еще удивляло, что этот типчик не пытался завладеть ее локотком.

И когда они прощались в двенадцатом часу, в совсем еще детское время, Инга спокойно заглянула ему в глаза и серьезно сказала:

— Только не считите меня за глупую, но брат, который хотел меня как женщину, у меня действительно был. В прошлой жизни.

Зачем Инга произнесла эту чушь, и сама не поняла. От такой неожиданной глупости Володя даже растерялся. Но в следующую секунду ирония снова овладела им:

— Даю второй зуб за то, что брата вы видели во сне! Кстати, во сне при желании можно увидеть все, что существует во вселенной. Можно увидеть грядущее нашего трехмерного мира, если взглянуть на него из четырехмерного. Но умоляю вас, будьте осторожны, когда будете проходить через низшие бесовские слои...

— Я буду осторожной, — перебила она с раздражением, потому что от этой галиматы уже уши стали квадратными.

После чего Инга мило улыбнулась и бабочкой впорхнула в подъезд.

7

17 июля 2001

— Неужели вы думаете, что это я его повесил? — возмущался развалившийся перед Батуриным мужчина. — Вы меня считаете за сумасшедшего? Вздернуть такую тушу — ну, подумайте сами, разве мне под силу?

На вид ему было не более сорока пяти, хотя по документам пятьдесят шесть. Это был высокий, смуглый черноволосый мужчина с едва пробивающейся на висках сединой. Несмотря на валяжную позу, в его черных глазах сквозила тревога, а с румянной шеи под байковую рубашку текли ручьи пота.

— Успокойтесь, Евгений Зиновьевич. Я всего лишь хочу вам задать несколько вопросов, — мягко произнес следователь.

— Ничего себе, вопросов! — дернулся мужчина. — А отпечатки пальцев зачем снимали?

— Так положено. Кстати, откуда вам известно, что покойника именно вздернули? — сощурился Батурин.

Евгений Зиновьевич вытаращил глаза и замолчал. Несколько секунд он пребывал в замешательстве, после чего зрачки его беспокойно забегали.

— Я и не знал, что его вздернули, — пробормотал он растерянно. — Ей богу, сказал первое, что пришло в голову. Не верите? Понимаю. В это трудно поверить. Но я не виновен! Что мне сделать, чтобы вы поверили?

— А откуда вы знаете, что ему помогли повеситься?

— Мне Римма сказала на кладбище, — ответил мужчина. — А она узнала от вас. Не верите? Спросите у нее.

— А почему вы ушли с кладбища?

Мужчина тяжело вздохнул и уставился в пол. Помолчав минуту, он поднял жалобный взгляд на следователя и простонал плачущим голосом:

— Да не убивал я Натана. Поймите! Все равно бы он дал ей развод. Он трус. Ему достаточно было пригрозить. А убивать решительно излишне...

— Вы не ответили на вопрос, — жестко перебил Батурин. — Почему вы ушли с кладбища. Я наблюдал, как вы беседовали с Риммой Герасимовной. Она вас в чем-то обвиняла...

— В том же, в чем и вы! — шумно засопел мужчина.
— Она тоже думает, что я удавил этого придурка. А на кой черт он мне нужен?

— Почему она так думает?

— Потому что из-за этого козла — извините! — по-крайности мы восемь лет не можем воссоединиться с Риммой. Он к ней присосался, как клещ: и сам не живет, и ей не дает. А два месяца назад, когда он расстался со своей очередной юнкоршой, заявил, что развода не даст. У нас был договор, что как только его дочь выйдет замуж, так он в тот же день отпустит супругу ко мне. С детьми — ни за что, а без детей — пожалуйста! Встречайтесь сколько хотите и где хотите. Но вместе жить — хрен! Он якобы боялся, что его дочь изнасилует отчим. Вот дермо! Ничего он не боялся! Ну, мы ладно! Приняли эти условия. Но вдруг в мае он заявляет — никакого развода! И предлагает Римме все начать сначала. Бросил пить, начал вовремя приходить с работы, ремонт затяял, дачу вспахал, всю сантехнику в доме починил. Но так уже было десять раз! А Римма, как дура, уши развесила...

— Ничего не понимаю, — затряс головой следователь. — Давайте по порядку, Евгений Зиновьевич. Когда и где вы познакомились с Риммой Герасимовной?

— Мы работаем с ней в одной конторе. Более пятнадцати лет! — обиженно выпятил губы мужчина. — Из них десять лет любим друг друга без памяти. Восемь лет назад, мы решили расстаться со своими прежними семьями и соединиться. У нее двое детей: мальчик две-

надцати лет, и девочка девяти. У меня только девочка тринадцати лет. Но с моей стороны никаких препятствий не было. Моя жена меня поняла и с Богом отпустила. Я честно развелся, а Римме ее муж воспрепятствовал. И вот восемь лет мы живем как в аду. Я продолжаю жить в одной квартире со своей женой и дочерью, а Римма со своим литератором, который не дает развода, якобы из боязни за детей.

— А на самом деле?

— А на самом деле ему за ее спиной жилось очень прекрасно и сытно. Римма хорошо зарабатывает, она прекрасная хозяйка, честная. Если даст слово, то держит его до конца. Вот ее мерзавец этим и пользовался.

Глаза допрашиваемого злобно блеснули, но тут же снова уныло потухли. Он сокрушенно вздохнул и пояснил:

— Мы думали, все! Нашим страданиям пришел конец. Сын ее женился, дочка весной закончила школу. В этом году она поступит в институт и переберется в общежитие. Сама, между прочим, изъявила желание жить в общежитии, чтобы не видеть ублюдка папеньку. А папенька всем нам заявляет, что никакой суд без его согласия не посмеет их развести. Тем более что он болен.

— Болен, вы сказали?

— Да. У него злокачественная опухоль. Как назло! Два года назад я снял квартиру и мы, наконец, селились. Но не прожили и двух недель, как выяснилось, что у мужа рак печени. Ну, она, как женщина долга, вернулась домой ухаживать за ним. А мне ничего не оставалось, как с позором вернуться домой.

— И тогда вы решили расправиться с ним! — сочувственно произнес следователь.

Глаза Евгения Зиновьевича сверкнули обиженно.

— Что вы такое говорите! Я в жизни мухи не обидел.

— Почему же Римма Герасимовна уверена, что убили вы? Ведь она вас знает. Вы с ней знакомы пятнадцать лет.

— Понимаете, — снова вспотел мужчина, — я иногда срывался. Ведь, сами подумайте, какие нужно иметь нервы, чтобы восемь лет болтаться вот так и зависеть от какого-то ничтожества. Ведь он как мужчина — полнейший слизняк. Конечно, я грозил его убить. Но это

просто слова. Эмоции, выплеснутые в состоянии аффекта.

— Может, в состоянии аффекта вы его и повесили?

— Ну, что вы! Одно дело грозить, а другое осуществить на практике. Скажу вам как психолог психологу: обычно, кто способен на второе, предпочитает действовать, а не прибегать к угрозам.

С этим Анатолий Семенович был согласен на сто процентов, однако сдвинул брови и строго спросил:

— Где вы были тринадцатого июля с половины восьмого утра до половины девятого?

— Дома был. Ровно в половине восьмого я еще лежал в собственной постели. Это может подтвердить моя жена. Она была со мной в той же постели.

Левая бровь полковника удивленно приподнялась.

— Та самая жена, с которой вы развелись восемь лет назад? — уточнил он, вглядываясь в собеседника.

— Она самая, — развел руками Евгений Зиновьевич.

— Понимаю, что не очень благородно любить одну, а спать с другой, Но что делать? Так сложились обстоятельства.

— Неужели? — задумался следователь. — А ваша Римма Герасимовна тоже спала с мужем в одной постели?

Евгений Зиновьевич нахмурился. Ироничный тон следователя пришелся ему не по нраву.

— Она — нет! — ответил он, спрятав глаза. — Это я гарантирую. Она женщина слова. Если она обещала быть мне верной, значит, так оно и было.

— Но, насколько мне известно, она устраивала какие-то скандалы у него на работе по поводу молодых поэтесс.

— Нет! — покачал головой Евгений Зиновьевич. — Это не сцена ревности. Тут совсем другие дела. Тут дела посерьезнее, чем ревность.

— Какие дела? — насторожился Батурин.

— А вот про это спросите у Риммы Герасимовны, — сверкнул глазами мужчина. — Поскольку об этом говорить я не имею никакого морального права...

16 мая 2001
За 58 дней до этого

В воскресенье звонил Воронович. Юлька трижды поднимала трубку и трижды сурово отвечала, что посторонние девицы тут не проживают. На четвертом звонке она заткнула уши и посоветовала подруге разбираться самой. Ингино сердце тут же отбыло в желудок.

— Да, — пролепетала гел умирающим лебедем.

— Прости меня, я мерзавец, — услышала она до боли родной голос с астматическим придоханием. — Я самый, что ни на есть, последний подлец. Сейчас я подъеду, и давай поговорим серьезно...

Трубка в руке как-то непроизвольно затряслась, и девушка, ничего не ответив, водворила ее на место.

— Юлка, он едет! — прошептала она с ужасом

Хозяйка вытаращила глаза и шепотом произнесла.

— Но откуда он знает мой адрес? Впрочем, если он разнюхал мой телефон, то адрес узнать элементарно. Главное, спокойствие! Дай сообразить. Хотя чего сообщать? Линять надо! Где мой бинокль?

Энергичность, с которой Юлька бросилась переодеваться, захватила и подругу. Умирающая утерла рукавом щеки и решительно скинула халат. Три минуты спустя они под недоуменные взгляды соседей уже неслись к девяностоэтажному дому напротив. Там, в чужом подъезде на четвертом этаже, беглянки долго давились от смеха, настраивая театральный бинокль.

Непрошеный гость не заставил себя долго ждать. Вскоре его «Москвич» вырумил из-за угла и остановился у подъезда. Девушки пригнули головы и притихли.

Литератор степенно вперся в подъезд и не появлялся так долго, что Юля стала опасаться за звонок. В последнее время он стал слишком часто перегорать! А вдруг примется пинать дверь? Она держится всего на одной петле. Однако волнения были напрасны. Через четверть часа Воронович, мрачнее смерти, выполз под козырек подъезда. Глаза Инги повлажнели, а Юлькины сверкнули издевательским светом. Она коварно рассмеялась и припала к биноклю.

— А мужчина симпатичный, и выглядит солидно, — произнесла она, затем вдруг добавила, как показалось Инге, ни к селу, ни к городу. — Но это не он.

— Кто не он? — не поняли Инга, тронув подругу за руки.

Юлька оторвалась от бинокля и, внимательно взглянув на подругу, без намека на юмор произнесла:

— Это не твой мужчина.

— Откуда ты знаешь, какой мой, а какой не мой, — насторожилась Инга.

— Я же видела твою руку, — с раздражением ответила Юлька и снова с заговорческим видом приложилась к биноклю. — Это не твой судьбоносный мужчина. Это случайный. Хотя возможно, он и есть один из трех, помеченных на твоей ладони.

Столь странные речи не могли не изумить Ингу. Удивительно было не то, что говорила Юлька (нечто подобное она несла всегда), а то, как она это выдавала — без тени иронии, самым что ни на есть серьезным голосом.

— Юлька, ты сама-то понимаешь, что плетешь?

— Разумеется! — ответила подруга, не отрываясь от бинокля. — Вообще-то, кое-что демоническое проглядывается. Кстати, не обидишься, если я у тебя спрошу кое-что интимное.

— Спроси!

Юлька отняла от глаз бинокль и пристально посмотрела в глаза.

— Скажи, ты с ним предохранялась?

Глаза у Инги сделались круглыми.

— У него все признаки СПИДа?

— Нет! Я имею в виду от залетов, — уточнила Юлька.

— Ах, в этом смысле? Нет. Мы не предохранялись. Я просто от него не залетаю.

— А когда-нибудь залетала?

— Нет! Никогда не залетала, — ответила Инга и задумалась. — А почему ты спрашиваешь?

— Просто так. Не бери в голову.

— Нет. Ты никогда не спрашиваешь просто так. Ты намекаешь на то, что я бездетная.

— Нет, не намекаю. А много у тебя было партнеров до Вороновича?

— Четверо, — нахмурилась Инга. — Первый был Лёлик. По-моему он даже не успел кончить. Успел только лишить меня невинности. Но тут ворвался отец, за волосы вытащил меня из-под него и отпорол ремнем.

— Тяжелый случай! — вздохнула Юлька. — Ну, а с остальными ты тоже не предохранялась?

Инга грустно покачала головой.

— Остальные были подонки. Три подонка на черной «Вольво». Они просто меня изнасиловали на заднем сиденье. Я не залетела потому, что у меня был безопасный период. Ну, а Воронович — он просто старый.

Глаза у Юльки сделались задумчивыми. Она зыркнула взглядом по груди подруги и снова приложилась к биноклю.

— Ну, задымил, задымил, как паровоз, — прокомментировала она.

— У тебя другое мнение, Юлька! — забеспокоилась Инга. — Ты хочешь сказать, что я бездетная? Да, оторвись же, наконец, от этой дряни!

— Я этого не говорила, — подала голос жрица, не отрываясь от бинокля. — Я тебе наоборот пообещала, что ты родишь ребенка. Но не от того, кого ты любишь.

— А я никого не люблю, — призналась Инга. — А Вороновича даже ненавижу.

И девушка, судорожно сглотнув, неожиданно вспомнила о чудаке с Чистопрудного бульвара. Почему-то именно сейчас ей захотелось рассказать о нем подруге. Ей захотелось рассказать про Ирландию, про сны, про скалистую бухту и про маленькую родинку на животе.

В эту же минуту Инга принялась излагать свою ирландскую эпопею с наивностью Марии Магдалины. А бывшая жрица вместо того, чтобы пощупать подруге лоб и напомнить, что для исповеди существуют церкви, распахнула свои зеленые глазищи и забыла обо всем на свете.

Воронович вскоре уехал, но девушки продолжали шептаться на четвертом этаже чужого дома, и черт знает, сколько бы они там проторчали, если бы их не спутнул какой-то субъект с полосатым пузом и бульдогом на поводке. Подруги выпорхнули из девятиэтажки и побежали домой. Но и дома на кухне перед кипящим чайником Инга продолжала повествовать о своих сер-

дечных делишках, а Юлька — заворожено слушать, ка-
чать головой и впадать в прострацию. А потом они дол-
го не замолкали в постели, крепко обнявшись и поту-
шив настольную лампу, и когда, наконец, угомонились,
Инге опять пригрезилась таверна.

9

19 июля 2001

Несмотря на то, что отпечатки пальцев не совпали, Батурин решил задержать Ягуткина в качестве подозреваемого. Генерал отнесся к этому весьма недоброжелательно.

— Вы действительно думаете, что убил он? — спросил начальник следственного управления.

— С уверенностью утверждать не могу, но не исключаю, — ответил Батурин. — Причина избавиться от мужа любовницы у Ягуткина довольно серьезная. Главное, вдова не исключает, что он мог расправиться с ее мужем. Правда, я с ней еще не говорил, но наблюдал за их взаимоотношениями на кладбище. Они меня насторожили.

— Однако следов нет.

— Это не важно. Ягуткин мог нанять и киллера.

Следователь лукавил. Чутье подсказывало, что в этом запутанном деле лучше сделать ложный ход, чем показать бездействие. Это поможет ослабить бдительность истинного убийцы. К тому же, полковник надеялся, что задержание Ягуткина выбьет из равновесия мадам Воронович. Следователь не ошибся. Пришедшая на допрос Римма Герасимовна выглядела напуганной. Прежнего самообладания у нее уже не было.

— В принципе, вы допускаете, что Ягуткин мог убить вашего мужа, — сходу начал напирать следователь, как только она расположилась напротив него за столом.

— С чего вы взяли? Я этого не говорила! — ответила она встревожено, пряча виноватый взор.

— Но он при свидетелях грозил, что убьет вашего мужа?

Глаза Риммы Герасимовны гневно вспыхнули:

— Одно дело грозить, а другое убить, — воскликнула она с дрожащим подбородком. — В запальчивости человек себя не контролирует.

— Почему же вас так взволновало сообщение об убийстве мужа? К его самоубийству вы отнеслись, как мне показалось, довольно прохладно.

Вдова подняла глаза и произнесла сквозь зубы:

— Натан мне действительно не был дорог. Конечно, не хорошо говорить о покойниках плохо, но он был из тех людей, чью смерть ждешь как освобождение. Мы с Женей устали от ожидания того дня, когда он нас, наконец, отпустит. Вы не знаете, что был за человек мой муж. Насколько он был изощрен в своих подлостях.

Римма Герасимовна шмыгнула и полезла в карман за платочком.

— Продолжайте! Я слушаю, — мягко подбодрил следователь.

— Сначала он говорил, что не может мне позволить жить с чужим человеком, потому что боится за дочь. По статистике, пятьдесят процентов отчимов насилиуют своих падчериц. Но это ложь! — Влажные глаза женщины сверкнули. — Ему, как потом выяснилось, было наплевать на собственную дочь. Два года назад он ее так подставил, что мало не покажется! Подставил родную дочь! Понимаете?

— Не совсем, Римма Герасимовна. Поясните! — сощурился Батурин.

— Я не знаю всех его дел, — вздохнула женщина, — но знаю только, что он несколько раз пробовал себя в качестве сутенера.

— Сутенера? — поднял брови следователь. — Час от часу не легче!

— Да-да, я не оговорилась, — горько усмехнулась женщина. — Именно сутенера. Обычно люди пера подрабатывают пиарством, журналистикой, открывают свои издательства. Он же подрабатывал тем, что поставлял молодых девушек сутенерам. Вокруг него всегда крутились какие-то молоденькие поэтессы. Я в подробности не вдавалась. В его жизнь старалась не лезть, хотя догадывалась, что деньги, которые иногда к нему прилипали, зарабатывались грязно. Он и не способен зарабатывать чистыми руками. Такой вот он человек...

— Так что с вашей дочерью? — мягко напомнил следователь.

Женщина изо всех сил зажмурилась и затряслась головой.

— Зря я вам об этом рассказала. Я до сих пор просыпаюсь в холодном поту. Собственно, это не имеет отношения к делу.

— Э, нет! Начали — продолжайте! — сдвинул брови следователь. — Мне сейчас важно все.

— Я не знала всех его дел, — повторила женщина. — Но, как после выяснилось: он продал одну поэтессу каким-то туркам, а она сбежала. С него потребовали деньги обратно, а он сказал, что их уже нет. Тогда ему поставили ультиматум: либо он возвращает деньги, либо увозят в Турцию его дочь. Он выбрал второе. — Щека женщины дернулась, и глаза налились слезами. — Представьте мое состояние! Вваливаются в квартиру трое крепких ребят, и на ваших глазах вяжут дочь. Я, естественно, понеслась к нему на работу, а он, как ни в чем не бывало, развлекается в кабинете с очередной поэтесской. Я закатываю скандал, учинаю разнос, начиная от главного редактора и кончая вахтером...

— Так значит, это была не сцена ревности?

— Что вы! — вытаращила глаза женщина. — Какая ревность? У меня к нему кроме ненависти больше не было никаких чувств...

— Понятно! — кивнул следователь. — Чем все это закончилось?

— Дочь мою оставили в покое. Как Наташан выкрутился, не знаю! Может, занял у кого-то денег, может, нашел другую девицу. Мне неизвестно. Я думаю, что он продал ту самую красавицу, с которой я его застукала в редакции. Но точно сказать не могу. Думаю, это сейчас не важно. Словом, в тот же вечер мы с дочерью ушли из дома. Женя снял двухкомнатную квартиру, и мы перебралиссы туда. Наконец-то я узнала, что такая жизнь с нормальным человеком. Но длилось это только две недели. Внезапно позвонил Наташан и сообщил ошеломляющую новость: у него рак печени.

Женщина тяжело вздохнула и умолкла, остановив взор на собственных руках.

— У него действительно был рак печени? — спросил следователь после некоторого молчания.

— В том-то и дело, что нет! — воскликнула женщина.

— Никакого рака у него не было в помине. Это его очередное вранье! Я об этом узнала только два месяца назад. И то случайно. Женя до сих пор не знает. Боюсь говорить. Ведь тогда бы он точно его убил...

Женщина осеклась и метнула тревожный взгляд. Батурин едва заметно усмехнулся.

— И каковы были ваши действия, после того, как узнали, что он вас обманывал?

— Я дала ему месяц на то, чтобы он устроил свою жизнь и навсегда убрался из моего дома. В это время у него была какая-то девица. Допускаю, что он даже был привязан к ней, поскольку их отношения длились довольно долго. Но жениться на ней он не собирался. Она — малоимущая. Ему нужна была такая женщина, которая могла бы его содержать. Сам он зарабатывать не умел. Так вот, после моего ультиматума, он с этой девицей прекратил всякие отношения. А мне начал гнать, что любит только меня. Бросил пить, развлекаться с девочками. Сделался примерным мужем. Но все это тоже было театром. Просто та девушка его бросила сама. Натан, насколько мне известно, пытался возобновить с ней отношения, но безуспешно.

10

17 мая 2001
За 57 дней до этого

Ах, эти пахнущие пивом столы! Ах, эти бородатые не первой свежести моряки, веселые и пьяные, гогочущие и грубые, горланящие хриплыми голосами свои разбойничьи песни. На море третий день бушует шторм, в таверне третий день идет гульба. Они пьют неаккуратно, развязно, орошая собственные куртки и обильно поливая столы. Но это ее, озорную сумасшедшую лань, только веселит. Там, в замызганном углу, за самым неухоженным столом сидит Чекушкин, пьяненький, зачуханный, с красными свинячьими глазками, которые сладко-растяжно скользят по ее налитой груди и круглым бед-

рам. А рядом с ним трясет головой Воронович, тоже в лоскуты, но при виде ее начинает сопеть, как необъезженный бык. От одного его вида захватывает дух и сладко сосет под ложечкой. Это он, известный на всю округу прелюбодей и гуляка, красавец и силач, имеющий в каждом поселке по жене и дюжине любовниц, лишил ее невинности. Но сегодня газель не смотрит в его сторону. Сегодня у нее другие планы.

На ней красивая бархатная юбка, привезенная из Ливерпуля, и белая батистовая блузка. Ее талия не нуждается ни в каких корсетах. Младшая дочка кабатчика гибко носится с кружками по кабаку, и все горящие взоры устремлены на нее. От этого и на душе весело и пиво в кружках хмельнее.

Но что это? Ба, знакомые все лица! Все, кого она знала в этой жизни, собрались за этими дубовыми столами. И только не было того, кто обещал увезти ее в Ливерпуль. Ведь в этой чертовой дыре она пропадет, зачахнет, затеряется, выйдет замуж за мужланом и превратится в грубую рыбачку. В двадцать лет поблекнут ее красота молодость, а в тридцать она будет горбатой ворчливой старухой.

Но сегодня вечером он будет ждать ее в пещере под зеленой скалой. И от этого лицо у Инги пылает румянцем. Брату еще вчера что-то нашептали соседи, и он с утра угрюм и неразговорчив. Он мрачно разливает по кружкам пиво и время от времени с усмешкой поглаживает свой любимый нож на поясе. Брат не сводит с сестрицы глаз, и ей ничего не остается, как послушно собирать со столов миски, да с хохотом отбиваться от мозолистых рук матросов. Она разносит пиво и только ждет момента, когда зазевается брат. Но вот встает с места Воронович, подходит к ней и берет за руку.

— Я соскучился! — страстно шепчет он на ухо.

Инга закрывает глаза и тяжело дышит.

— Нет-нет, между нами все кончено! Я выхожу замуж и уплываю в Ливерпуль.

— С тем англичанином? Не смеши! Он тебя обманет. Поиграет и бросит где-нибудь по пути, или продаст в веселый дом. Я знаю этих англичан. Они джентльмены только внешне.

— Нет, он не такой.

— Ты меня больше не любишь?

— Люблю.

— Тогда пойдем!

Воронович тащит ее в открытую дверь, но Инга вырывает руку.

— Нет. Все кончено. Я уже решила.

— Ты любишь его?

— Это не твое дело. Я упываю с англичанином, потому что больше не могу оставаться в этой дыре. Прощай.

— Я на тебе женюсь по-настоящему!

Инга грубо хохочет ему в лицо, и Воронович угрюмо отпускает руку. Он со злобой выпивает полную кружку пива и уходит. Инга смахивает слезу. За этой сценой очень внимательно наблюдает из-за бочки брат. К расстроенной Инге подходит Чекушкин.

— Потанцуем?

— Отстань!

— Зря ты так со мной, — обижается Чекушкин. — Я ради тебя готов на все. Хочешь, сожгу свою шхуну тебе на потеху?

— Да отстань же...

— А хочешь, сейчас сожгу этот кабак?

Он хватает со стены факел и подносит его к столу. Матросы гогочут и бьют в ладоши. Но из-за бочки выбегает брат, дает Чекушкину в морду и вешает факел на место.

Вот именно в этот момент Инга понимает, что время пришло и выскользывает в сени. До нее доносится хрюк разъяренного быка и язвительное улюлюканье моряков. Бык срывается с места, не заткнув даже бочки, но сегодня ее ухватить за косы не так просто: косы она предварительно заколола на макушке.

У ворот брат медвежьей хваткой вцепляется в юбку, но ей удается выскользнуть, и теперь тонконогая лань с хохотом летит дальше по скалистому склону вдоль бушующего моря.

— Куда? — слышит она сзади его могучий бас.

— Не твое дело! — кричит в ответ озорница и звонко хохочет.

Теперь сестрицу не догнать. Куда ему с таким животом, да кривым ножом за поясом. Какое вообще его со-

бачье дело? Она уже не маленькая девочка. Ей, дай Бог, уже все пятнадцать!

— Только приди домой! — потрясает кулаком брат.

Но последние слова она пропускает мимо ушей и краем глаза замечает, что зашторенный тучами закат уже дает нежно голубой просвет. Значит, к утру море успокоится.

За скалой можно перевести дух. Там, в темноте, ее уже не найти ни с какими фонарями. Лишь бы англичанин не обманул. Да нет же! Он не из тех, кто бросает слова на ветер.

И в тот же миг, как по волшебству, из-под скалы плавно выплыла высокая мужская фигура в широкополой английской шляпе. И вновь тревога охватывает девушку. Уж не брательник ли? Да нет же! Разве у брата такие сияющие глаза и такая ослепительная улыбка?

Англичанин обнимает ее, целует в губы, и сквозь ресницы девушка снова с тревогой всматривается в мужчину: черные кудри с легкой сединой, высокий обветренный лоб, накрахмаленный воротничок, выглядывающий из-под жесткой куртки. Он шепчет ей что-то по-английски, и она понимает. Он нежно стаскивает с нее батистовую кофточку, и это ей нравится. Он целует ей шею, грудь, живот: он осыпает ее поцелуями с головы до пят и снова шепчет что-то бесконечно нежное. Девушка понимает, что хочет сказать моряк, что не вдыхал более душистого запаха, чем от ее тела, что умирает от ее хмельных губ, солнечных плеч, сахарных бедер. Но особенно его сводит с ума эта восхитительная кофейная родинка на ее животе. Она перебирает пальцами его шевелюру и не отрывается взора от его сияющих глаз. Она давно желала этого, еще чумазой босоногой девчонкой. Она всеми ночами вымаливала у Господа-бога, чтобы англичанин не утонул до того, как она ему отдастся.

Именно на этом фрагменте Инга проснулась. Она еще была полна ночной истомы. Она еще чувствовала на теле огненные поцелуи англосакса, и вдруг такая грубая действительность — тяжелые мозги в голове, проклятые потолки над головой, а за окнами все те же непробиваемые никакими спутниками, тучи.

Чтобы продолжить видение, страдалица принялась поглаживать те места, в которые ее только что целовал англичанин, и вдруг нашупала слева от пупка мягкую мушку величиной с булавочную головку. Пинком отбросив одеяло, девушка взглянула на живот и испуганно воскликнула:

— Юлька! Родинка проявилась!

Юлька что-то недовольно проворчала с дивана и повернулась на другой бок. Потом за чаем, щелкая зубами, Инга все допытывалась от подруги, как от служительницы храма, мол, чем она объяснит такое явление, как появление никогда не существовавший родинки?

Юлька хмурилась, нехотя жевала бутерброд с сыром и отвечала, что если завтра не вернутся муж с сыном, то она, как бывшая жрица, имеет полное право сдохнуть от тоски.

11

23 июля 2001

После разговора с вдовой, следователь вызвал к себе задержанного Ягуткина. Ему Батурин задал единственный вопрос: знал ли он, что Воронович симулировал болезнь? Вместо ответа Евгений Зиновьевич вытаращил глаза. Было видно, что подозреваемый не только этого не знал, но и предположить не мог, что на свете может такое твориться.

— Почему же мне Римма ничего не сказала? — пробормотал он растерянно. — Тогда бы все могло быть по-другому...

Как именно могло быть по-другому, Анатолий Семенович уточнять не стал. Ему было достаточно того, что на задержанного эта новость произвела колоссальное впечатление.

Действительно, почему Римма Герасимовна утаила от любовника такой важный факт? — подумал следователь. — Только потому, что Ягуткин мог убить Вороновича за такую подлость? Нет, это не ответ. Наоборот, Ягуткин мог убить его от отчаянья, видя, что болезнь не прогрессирует. Но Римма Герасимовна не только не успокаивает возлюбленного, а напротив — подогревает

его отчаяние. Она акцентирует на одном, что муж не собирается исполнять обещанное после того, как его дочь выйдет замуж. Однако с какой-то целью она умалчивает о его мнимой болезни.

Поразмыслив над этим, Батурин решил отправиться в редакцию. Прежде всего, нужно было разобраться с отпечатками. К этому времени Игошин уже снял «пальчики» почти со всех сотрудников журнала, включая главного редактора. Отпечатки в кабинете завотделом поэзии были явно посторонние.

Прибыв в журнал, полковник первым делом насыпал на вахтера. Охранник долго уходил от разговора, клянясь и божась, что в то утро, несмотря на открытую дверь, ни одна мышь не проскользнула мимо его калитерки.

— Откуда такая уверенность? — выгибал брови Батурин. — Вы же сами сказали, что не слышали шагов девушки, а слышали только, как хлопнула входная дверь.

— В ту минуту у меня закипал чайник, — пояснил вахтер, — поэтому я не слышал ее шагов. А вообще слух у меня стопроцентный. Я ощущаю малейший шорох...

Сторож неожиданно умолк и как-то очень глубоко задумался. Следователь почувствовал, что охраннику вспомнилось что-то чрезвычайно важное. И он не ошибся.

— Знаете, — произнес сторож с китайским прищуром, — я только сейчас сообразил... но я не уверен, что это мне не померещилось...

— Ну! — нетерпеливо подбодрил следователь.

— Около семи утра я проходил по второму этажу, и вдруг мне показалось, что в кабинете Натана Сигизмундовича кто-то набирает номер. Я подошел, дернул дверь. Она была запертой. Я прислушался — тихо. Ну, думаю, услышался. И пошел себе дальше.

Батурин переменился в лице.

— Что же вы об этом не сказали сразу? Эх... — покачал головой полковник. — Ключ от его кабинета пропадал?

— Откуда вы знаете? — вытаращил глаза вахтер. — Месяц назад с гвоздика действительно исчез ключ от его кабинета. А через два дня появился снова.

Следователь снял со стены бронзовый ключ с номером тринадцать и погрузился в его изучение. Вахтер затаил дыхание.

— Я слышал, что это не самоубийство, а убийство, — наконец произнес он полу值得一стом.

— От кого слышали? — сощурился полковник, сообщая, что информация могла исходить только от двух особ: либо от Риммы Герасимовны, либо от Инги.

Но Римма Герасимовна в редакции никого не знает, а у девушки вряд ли было время распространяться на эту тему. Впрочем, она перекинулась парой слов с Гогиным.

— Все говорят, — неопределенно ответил сторож.

В ту минуту Батурин мог поклясться, что сторож знает больше, чем говорит. Это отметило и подсознание. Однако его мысли в ту минуту были заняты другим. Через окно, только через окно мог проникнуть преступник. Он влез в его кабинет задолго до прихода Вороновича. Ключ у него уже был. Убийца отпер кабинет, втащил стол... Хотя нет! Сначала, наверное, позвонил...

— Вспомните: в то утро, когда вы подошли к кабинету Вороновича, стол стоял на месте?

— А где же ему еще стоять? — удивился вахтер. — Хотя... может быть, я не заметил. Да нет! Точно стоял. Иначе мой глаз бы отметил, что в коридоре что-то не так.

Так оно и есть! Убийца действительно звонил, потом дождавшись, когда сторож спустится к себе в каптерку, открыл изнутри дверь, втащил в кабинет стол и снова заперся на ключ.

— И еще такой вопрос: Воронич часто запирался изнутри?

— Раньше часто, — ответил вахтер. — Но в последние два года он перестал водить в редакцию поэтесс. Так что запираться больше не было необходимости. Вы думаете, преступник забрался через окно?

Полковник внимательно посмотрел на вахтера и не ответил. «Однако проницательные охранники работают в редакциях», — подумал он.

— Пойдемте, посмотрим, можно ли со двора забраться в кабинет завотделом поэзии.

— Да, запросто! У него под окном пристройка к подвалу...

В общем, эта поездка в журнал ничего принципиально нового следствию не принесла, если не считать предположения, что убийца не был штатным сотрудником журнала. Но, вероятно, он имел к нему какое-то косвенное отношение. Во всяком случае, был в нем частым гостем. Чужой бы не смог незаметно спрятать со стены ключ из каптерки вахтера, а затем повесить его на место. Однако по возвращении в контору водитель неожиданно брякнул своему засыпающему шефу:

— А вдова, видимо, не дура. И зря время не теряет.

— Что ты имеешь в виду, — пробормотал сквозь сон Батурин.

— Не успела похоронить мужа, а уже ее обхаживает молодой ухажер с иномаркой.

— Не понял, — поднял голову следователь.

— Когда сегодня утром она вышла из отдела, ее ждал в машине хахаль. И знаете, кто? Тот самый поэт — дылда, который был на кладбище.

12

17 мая 2001
За 57 дней до этого

Сладкое ощущение этого сна не проходило целый день. И вечером, когда они снова встретились под памятником Грибоедову, Инга неожиданно взяла Володю под руку и нежно взглянула в глаза. Он смущился.

— Значит, в этом году ты опять будешь поступать в ГИТИС, — спросил он не своим голосом.

— Что делать? — притворно вздохнула Инга. — Это мое призвание. Я с детства мечтала стать актрисой. И я буду актрисой. Я как увижу сцену, у меня внутри все переворачивается. Кстати, сценическая речь у меня давно поставлена и с дикцией полный о, кей! А про пластику и говорить нечего. Оказывается, там таких не любят. Я имею в виду, тех, кто уже многое умеет. А один престарелый типчик из приемной комиссии сказал, что мои данные его устраивают и, если я буду по-

слушной, то мое поступление в институт гарантировано. Разумеется, я отказалась от его услуг.

После недоуменной паузы Володя недоверчиво спросил:

— Что же, талант совсем не учитывается?

— Он никогда не учитывался, — ответила Инга с раздражением, удивляясь наивности Володи, и вдруг осеклась.

Кажется, девушку занесло. Это пацанам во дворе можно заливать про полное растление в театральных вузах. На самом деле Инга вылетела сразу после первого прослушивания. И уже на следующий день, когда она печально сидела на подоконнике стола желанного института в ожидании черт знает чего, к ней развязно подвалил прыщеватый второкурсник. Студент обласкал ее не вполне братским взором и стал нести ахинею про свои режиссерские способности. Он обещал за год так подготовить абитуриентку, что приемная комиссия будет рыдать и рвать на себе одежду по примеру библейских пророков. Абитуриентка смотрела на него и грустно думала, что вот такие сморчки учатся в лучших театральных ВУЗах страны, а она со своими голливудскими параметрами вынуждена утират слезы на подоконнике.

Не повезло. Ой, как дико не повезло Инге в прошлом году, как и, впрочем, многим длинноногим девчонкам, которые свои провалы на актерские факультеты объясняют нежеланием отдаваться похотливым старикишкам из приемной комиссии.

Кажется, парень догадался, что девушка несколько преувеличила свои артистические способности. Чтобы замять казус Инга спросила:

— Чем ты занимаешься? Кроме ясновидения, разумеется?

Его работой девушка поинтересовалась исключительно для того, чтобы заговорить зубы, и очень была удивлена, когда молодого человека смущил ее вопрос. Впрочем, на смущение она обратила внимание потом, а в данную минуту Инга думала про то, какая она дура, что наврала ему про приемную комиссию.

— Я работаю в одной компьютерной фирме, — ответил он после некоторого замешательства.

Его замешательство в тот вечер не бросилось в глаза. Это потом уже девушка вспомнила о нем.

— Ты программист? — выгнула бровь красотка, не имея представления, что это такос, но краем уха слышала, что у компьютерщиков есть такая специальность.

— Да нет! — тихо засмеялся он. — У нас посредническая фирма. Мы только торгуем компьютерами. В данный момент я закупаю в столице большую партию. Мне приходится тестировать каждую машину, а это очень занудно и долго.

— Так ты не москвич? — вытаращила глаза Инга, и даже остановилась, сраженная ужасной догадкой.

— Я из Самары, — произнес он со смущенной улыбкой.

— Так ты командировочный! — присвистнула Инга.

— Ну... да, — ответил он.

— И живешь в гостинице «Колос»?

— Почему в «Колос»? Я живу в гостинице «Космос!» А это плохо?

Что же тут хорошего? Можно сказать, девушка докатилась: связалась с командировочным лохом из Самары, хотя и остановившимся в «Космосе». А ведь Самара — это глушь, провинция, почти Саратов, где, кажется, очень сварливые тетки.

Неистовая досада на судьбу снова раскинула свои проклятые щупальца, и королева подумала, что если не везет, то это уже болезнь. Он скоро укатит в свою Самару, этот командировочный, потому что командировки имеют свойства кончаться, а она опять останется одна, как в дешевом водевиле. Ведь наверняка парень женат, и наверняка в своей жене души не чает.

Чтобы скрыть уныние Инга принялась подробно спрашивать про его фирму и про модели компьютеров, хотя и первое, и второе ей было до фени. Почему так по-дуряцки устроена жизнь? Ровесники ее сплошь дебилы. Пацаны набираются ума только к тридцати, но к тридцати они уже все женаты, а которые не женаты, те алкоголики. Только этого я не упущу, — неожиданно подумала Инга и удивилась своим мыслям.

— Постой минуточку, — перебила она его и бабочкой полетела к таксофону.

Как она потом будет раскаиваться в своем порыве и уверять Юльку, что это бес попутал. А ведь могла бы просто уйти и больше никогда не с ним встретиться. У нее был сначала такой порыв, так нет — она сделала кардинально противоположное.

Инга набрала Юлькин номер и попросила разрешения привести в гости ее нового друга. Вот тут произошла вторая странность. Юлька — девушка строгих правил, дорожащая своей честью и репутацией своего дома. Однако она без всяких раздумий позволила подруге явиться в дом с посторонним мужчиной.

13

23 июля 2001

Вернувшись в контору Батурина еще раз перечитал заключение экспертов. Крышу подвала под окном они, конечно, не обработали. Впрочем, в этом не было необходимости. На подоконнике не обнаружено следов обуви. Но возможно, убийца вставал на подоконник коленкой. Ведь на нем четко отпечаталась распластанная ладонь, причем та же, что на телефонной трубке и на столе.

Немного поразмыслив, Батурин сорвал с аппарата трубку, набрал номер Игошина и коротко произнес:

- Отпустите Ягуткина!
- Под подписку о невыезде?
- Без всякой подписки...

Батурина еще до разговора с водителя догадался, что Ягуткин к этой истории не имеет никакого отношения. Убийца молодой, высокий, и спортивный. Ягуткин, хоть и высокий, но абсолютно не спортивный. Вряд ли он с легкостью подтянется на руках с крыши пристройки на редакционный подоконник.

Итак, несмотря на отсутствие следов ног на подоконнике, картина, кажется, начинает проясняться: убийца влез в окно за час до прихода Вороновича. Мыло и веревка у него были с собой. Преступник позвонил будущей жертве домой с его же рабочего телефона. Тут сторож не ошибся. Он действительно слышал в отделе звуки набираемого номера. После чего, преступник не

спеша натер веревку мылом, сделал петлю, открыл кабинет, втащил в него стол, и при помощи него и стула накинул веревку на крюк. После чего стал нетерпеливо ждать.

Вот тут важный момент: веревка была накинута на крюк до прихода Вороновича. А стол, естественно, выставлен обратно в коридор. Что касается мыла, то преступник, скорее всего, положил его обратно в карман. О дальнейшем можно только догадываться.

Что у них произошло, почему Воронович безропотно позволил надеть на себя петлю — это загадка. Но факт остается фактом. Через пятнадцать минут после своего прихода заведующий отделом уже висел. После совершенного действия, убийца положил под него стул и удалился тем же путем через окно. Причем, сделал это без суеты, не спеша, аккуратно задернув за собой штору и плотно прикрыв рамы.

Следователь достал из папки заключение вскрытия и внимательно перечел. Никаких следов борьбы, никаких синяков, ссадин, только на шее над сонной артерией небольшая гематома. Батурин удивился тому, что не заметил эту деталь при первом прочтении. В ту же минуту он позвонил патологоанатому и спросил:

— Может, этот синяк на шее оставил чей-то палец?

— Почему нет? — ответил патологоанатом. — Но когда душат, обычно оказывают сопротивление. Что-то не похоже, чтобы жертва сопротивлялась.

«Вот-вот, — подумал следователь. — И медэксперт также думает». Итак, жертва не думает сопротивляться, когда ей пальцем перекрыли сонную артерию. Что это значит? Тут одно из двух: либо жертва была в шоке, либо удушение произошло слишком неожиданно. Также очевидно и то, что Воронович хорошо знал убийцу, поэтому не поднял шума. Тут сомнений никаких: преступник был частым гостем в редакции. Об этом свидетельствует и то, что Воронович, войдя в кабинет и увидев постороннего человека, не возопил, как жаждущий в пустыне, несмотря на то, что с потолка свисала петля. Хотя подобное не могло не насторожить. И, наконец, преступник хорошо знал двор. Он вылез из кабинета, не торопясь, а значит, не опасаясь, что его могут заметить из соседних окон. Вывод: он хорошо изучил распорядок

соседских контор, окна которых выходят во двор, а значит, знал, что рабочий день у большинства из них начинается с девяти. Он покинул двор самое большее двадцать минут девятого.

Теперь об убийце. Тут напрашивается естественный вопрос: кому, кроме Ягуткина, нужно убийство Вороновича? Разумеется, его жене. Такая мысль пришла следователю сразу после того, как он узнал, что Римма Герасимовна утаивает от любовника очень важный факт, который в один день мог кардинально поменять их жизнь. Это подозрение, что вдова не так проста, как хочет казаться, подтвердил и водитель, случайно увидевший, как она садилась в машину поэта Скатова. Однако ничего не происходит случайно!

— Так-так, — бормотал себе под нос Батурин, напрягаясь от нахлынувших догадок. — Значит, ей Ягуткин больше не нужен. Ей нужен орел! Ну-ну.

Старший следователь вызвал Игошина.

— Задача очень деликатная, — поднял палец Батурин. — Нужно сегодня же выяснить, действительно ли у мадам Воронович роман с поэтом Скатовым? Если это действительно так, вы должны каким-то образом добить его отпечатки пальцев. Задача ясна?

Игошин кивнул и удалился со счастливой улыбкой. Теперь самое время заняться юной любовницей покойного, уверявшей, что она знает убийцу. Это, конечно, не серьезно, но чем черт не шутит?

Следователь позвонил психологу, который после него беседовал с девушкой, и полюбопытствовал, можно ли доверять ее информации. Тот по поводу Инги сочувственно пощеккал языком:

— Боюсь, что девушке не только нельзя верить, но и ее нельзя допрашивать. У нее все признаки параноидального бреда. Я ей выписал направление на обследование.

— Неужели так плоха? — нахмурился следователь.

— У нее классическая шизофрения. Она утверждает, что переспала с Сатаной и теперь ждет от него ребенка. Как вам такие заявочки, Анатолий Семенович? Еще она уверяет, что из-за этого погибло трое ее друзей.

— Из-за того, что переспала?

— Ну да! У них такой Сатанинский закон. Чтобы зачать демона, нужно погубить три души. А чтобы нормально разродиться — нужно загубить девять.

— Сурово, — признал Батурин. — А что, она действительно беременна?

— Вот этого я не знаю. С ее слов, беременна. Во всяком случае, она рассказывала, что когда ходила в женскую консультацию, чтобы взять направление на аборт, на нее напали трое бандитов. Они, якобы, привязались за ней сразу, как только она вышла из женской консультации. Бандиты преследовали ее на «Вольво» от Макдональдса до театра на Бронной. Потом выскочили и поволокли ее в машину при всем честном народе. Если бы не какой-то мужчина, то ее бы уже не было в живых. Вот такие фантазии у этой девушки. А вы спрашиваете, верить ли ее информации?

— На Бронной, говорите, — не поверил ушам следователь. — А когда это было?

— Ну, конечно же, в пятницу тринадцатого, — засмеялся психолог. — Но это только цветочки, Анатолий Семенович. В этот же день, по ее словам, произошло еще несколько ужасных событий. Приехала она утром к своей знакомой, а у нее в доме два трупа. Тогда она поехала к своему знакомому, а он весит в петле. Тогда она бежит домой к маме, однако мамы дома нет, и покоя тоже нет. Не успела она присесть на диван, как приезжает милиция и тащит ее на допрос по поводу ее повешенного друга. После этого она отправляется в женскую консультацию, — куда же еще можно отправиться после допроса? — и вот тут на нее нападают бандиты. Просто фильм ужасов, Анатолий Семенович! Не находите?

Но следователю было не до смеха.

— Как вы думаете, с чем связана ее шизофрения? — спросил он озабочено.

— Думаю, она сильно чем-то напугана.

Еще на пороге, вежливо представив молодого человека, Инга поняла, что ее тревоги по поводу косых Юлькиных взглядов были напрасны. Юлька не выразила никакого недовольства по поводу их прихода. Гость с хозяйкой мило улыбнулись друг другу и сразу нашли общий язык. По всей видимости, знакомый подруги пришелся Юльке по душе. И такое обстоятельство не могло не насторожить Ингу.

Они светски проследовали в зал, сели за столик и принялись беседовать. Инга молча отправилась на кухню протирать бокалы и вскрывать овощные консервы. В голове роилось, что у него с Юлькой, пожалуй, больше точек соприкосновения, но все равно орудовать на кухне консервным ножом — не совсем женское занятие.

Каждый раз, когда она очаровательно вплывала в зал с тарелками в руках, собеседники, хоть и поднимали на нее глаза, однако беседы не прерывали, будто Инга не более чем служанка, будто не она закадрила и оболованила сегодняшнего гостя.

Девушка злилась на Юльку, злилась на себя, злилась на него, но внешне продолжала оставаться милой и хладнокровной. Наконец, когда все было откупорено, расставлено, налито и намазано на хлеб, они расселись вокруг стола и начали чопорно чокаться. Но и тогда милая парочка не оставила своего разговора:

— По-вашему, человеческую историю вершат отдельные личности? — произнесла иронично Юля, пригубив бокал и тем самым, дав понять, что их беседа еще далеко не завершена.

— Ну, а кто же! — с готовностью подхватил гость. — Также как и нацию из народности формируют отдельные личности, а не толпы. И их можно пересчитать по пальцам.

— А откуда берутся эти личности? Великие души спускаются на землю?

— Мне не нравится такая постановка вопроса, — поморщился гость. — Получается, что все великое и талантливое исходит из горных миров, а все что бездарно и обыденно — от человека. Где же вера в человеческий гений?

— Ах, вы верите в человеческий гений! — сузила глаза хозяйка. — Тогда скажите, почему в стране гениев,

больше всего бардака. Это такое свойство гениальности — произрастать в бардаке, как, скажем, свойство огурцов расти в навозе?

— Если вы имеете в виду Россию, то вы не правильно ставите вопрос, — разгорячился гость. — Россия нация молодая, неотесанная, можно даже сказать, дикая, по сравнению с Европой. Но Европа на определенном этапе была такой же. Так вот, именно потому, что Россия — страна дикая, в ней больше всего и рождается гениев, чтобы они обтесали нашу диковинную народность и привели ее в цивилизованный вид.

— Значит, гении все-таки сыплются с неба, — хитро сощурилась Юлька.

— Не всегда! — покачал головой гость. — Слияние кровей тоже очень много значит. Причем, не обязательно королевских...

И зачем Юлька затеяла это ненужный разговор? Инге скучно было их слушать. А им интересно было разглагольствовать на тему, в каком сочетании лучше всего производятся на свет гении. Это читалось в их глазах. В конце концов, они договорились до того, что тайна подобного сочетания известна только Всевышнему, а смертным ее знать ни к чему, как ни к чему несведущим знать сочетание сплавов ценных металлов.

У Инги от всего этого разболелась голова. К тому же она все больше чувствовала себя лишней. Настроение с каждой минутой портилось и очень хотелось курить. Не дождавшись тоста, она залпом опустошила второй бокал, затем третий, после чего с сигаретой во рту демонстративно ушла на кухню. Но ее кавалер, вопреки ожиданиям, не отправился следом. Расстроено драконя в форточку она с обидой в сердце слушала, как весело смеется хозяйка и как несет всю эту заумную чепуху ее Самарский чувачек. «Они с Юлькой шизанутые», — уныло заключила девушка и тяжело вздохнула.

Когда через некоторое время Инга вернулась в компанию, то девушке показалось, что ее отсутствия никто не заметил. Они развеселились, разумянились и теперь сыпали в тон друг другу идиотскими шутками.

— Если вы были египетской жрицей, значит знания добра и зла вашей сущности открыты. Значит, ваша

эволюция на Земле теоретически должна уже закончиться.

— Но возможно я здесь с определенной миссией.

— С определенной миссией приходят только святые и то в качестве жертвы.

— А меня в детстве пытались принести в жертву! — засмеялась Юлька, и Инга подумала, что у подруги окончательно съехала крыша. Это от долгого отсутствия мужа.

— Святые не живут мирской жизнью, — продолжал уверенно гость. — Потому что любая мирская жизнь тащит за собой новый клубок Кармы.

— Ташит-ташит! — захлопала в ладоши Инга, лукаво подмигнув подруге. — И ташит седьмой год, со дня замужества. Какая уж тут праведность, если в доме мужчина! (Вот так их надо ставить на место, зарвавшихся подруг!) Впрочем, — захлопала глазками Инга, — лично мне хранить целомудрие было бы не под силу.

Парочка замолчала, но не смущилась.

— А мне было бы нетрудно, — с понимающей улыбкой ответила Юля и почему-то погрустнела.

— Но может, вы родились для того, чтобы развязать узлы чьей-то Кармы? — ни к селу вмешался гость. — Может, вас спустили на землю совершить над кем-то возмездие?

— Чтобы потом провалить в ад?

— Не обязательно. Возмездие может совершиться вашими руками, но не вами. Читали у Бальзака «Невольный грех»?

За окном давно стемнело, и Инга понимала, что господина Оноре она уже не перенесет. К тому же ликера в бутылке осталось совсем чуть-чуть, а до развязки еще было далеко.

Но внезапно заболтавшаяся хозяйка взглянула на часы и мило присвистнула. Она виновато улыбнулась, извинилась и грациозно удалилась в спальню.

Сразу же сделалось тихо и неловко. Инга почувствовала, как насторожился гость, не знающий, что делать дальше: начать ли уже откланиваться или предложить еще ликера. «Никаких прощаний!» — твердо решила Инга.

Девушка томно вздохнула и меланхолично закурила. Затем, не спеша, поднялась с кресла и таинственно проследовала к окну. У окна она встала в такую позу, что у молодого человека перехватило дыхание. Сердце девушки слегка екнуло, когда она услышала сзади легкий скрип кресла. Он подошел совсем близко и горячо шепнул, коснувшись губами ее затылка:

— Мне уматывать, насколько я понял?

Искусительница, выдержала паузу, неторопливо швырнула сигарету в окно и вдруг жарко обняла его за шею.

15

23 июля 2001

Разговор с психологом оставил у следователя тяжелый осадок. Конечно, он заметил, что девушка несколько заговаривается, но заметил не сразу. В тот день он и подумать не мог, что свидетельница больна до такой степени.

После невеселых раздумий Анатолий Семенович набрал рабочий номер жены и спросил:

— Ты в пятницу мне рассказывала, как на Бронной какие-то бандиты напали на девушку. Ты помнишь?

— Ну, помню. Только это не бандиты, а дебилы-подростки. Точнее, переростки.

— Это не важно. Ты можешь описать девушку?

— Могу, — хмыкнула жена. — Натуральная блондинка, ноги от ушей, глаза голубые — словом, полный стандартный набор. Даже описывать скучно. Тебе зачем?

— Во что она была одета? — спросил Батурин, игнорируя ее любопытство.

— Короткая юбка, белые босоножки. Светлая блузка...

Сомнений не было. Это была она. По крайней мере, три события, произошедшие с ней в пятницу, не были большой фантазией: это смерть ее друга, допрос и нападение архаровцев. Несмотря на запрет психолога, следователь в тот же час позвонил Инге домой. Трубку взяла мама.

— Дочери нет дома, — произнесла она строго, после того, как Батурин перечислил все свои регалии.

— Если не секрет, где она?

— А почему это интересует милицию? — подозрительно спросила мамаша.

— Вы разве не в курсе? — опешил следователь. — Она же главный свидетель.

— Свидетель чего? — испугалась женщина.

— Смерти Наташи Вороновича.

— Что? — ужаснулись на том конце провода. — Он умер?

— Да! Повесился. У себя в редакции. Вы разве не знали?

— Слава богу! — облегченно выдохнула мамаша, после некоторой паузы. — Извините, я не то хотела сказать. О покойниках плохо не говорят, но он просто заморочил голову моей девочке. Странно, что она ничего мне не рассказала. Инге не до него. Она молчит уже третий день. Понимаете, ей сейчас не до разговоров. Ее друзья погибли. После похорон в воскресенье, она сама не своя.

— В воскресенье, говорите, — повторил следователь.

— Вы сказали, что в воскресенье она была на похоронах своих знакомых?

— Мы с ней вместе ходили. Она едва стояла на ножах. Потом я уехала. Мне нужно было на работу. А она осталась на поминки.

— Извините за нескромный вопрос: на каком кладбище и в котором часу вы хоронили своих знакомых?

— На Новогиреевском, в час дня.

Этот факт не то что удивил, а поразил видавшего вида полковника милиции. В один и тот же день на одном и том же кладбище девушка с разницей в час хоронит и своих друзей, и любовника. Значит, то, что в пятницу тринадцатого июля умерли двое ее знакомых, тоже было правдой. Как тут не тронуться умом?

— Извините, от чего умерли ее друзья?

— Глупее смерти не придумаешь! Они отравились грибами.

Следователь вздрогнул. Он ожидал услышать все что угодно, но только не такую нелепицу. Вот уж действительно, глупее не вообразишь.

— Скажите, а к кому ваша дочь ездила в Самару?

— Что? — удивилась женщина. — В какую Самару?

Кто вам сказал, что она ездила в Самару? Когда она ездила в Самару?

— Она мне сказала, что тринадцатого утром прибыла в Москву из Самары.

— Что за ерунда! — рассердилась женщина. — Вы, наверное, путаете. Она была у Юли, подруги. Ни в какую Самару моя дочь не ездила. Во всяком случае, я ничего об этом не слышала.

Вот, кажется, добрались и до первой фантазии, с удовлетворением отметил следователь и принялся тонко осведомляться об Ингином здоровье, намекая на ее пошатнувшуюся психику. Эти расспросы вызвали у женщины еще большее недоумение.

— Она, конечно, подавлена смертью своих друзей, но в целом чувствует себя как всегда. То есть нормально. Только зуб у нее сегодня разболелся.

— Хотите сказать, она в зубном? — скептично произнес следователь.

Вопрос вызвал у мамаши сразу два чувства: беспокойство и раздражение. Как и предполагал Батурин, маман оказалась не в курсе, что ее дочь беременна от Сатаны. Такая новость из уст представителя органов вызывала у женщины нервный смех. На этом разговор завершился.

Значит, беременность тоже была фантазией. «Это более чем странно», — подумал следователь. И еще подумал: не разыгрывает ли девушка спектакль? Если бы она действительно сдвинулась по фазе, то первая, кто это бы заметил, была несомненно мать.

Через полчаса в кабинет ворвался Игошин. Вид его был веселым, голос бодрым, в глазах сиял охотничий блеск.

— Все выяснил от соседей! — радостно воскликнул он. — У Риммы Герасимовны, кажется, действительно роман с молодым дарованием. Вчера он заехал за ней в девять утра на своем «Ауди» и привез ее к нам, в Управление. В половине двенадцатого соседи видели, как они подъехали к ее подъезду, а потом они вместе поднялись в квартиру.

— Отпечатки пальцев добыли? — спросил следователь

16

18 мая 2001
За 56 дней до этого

Все было здорово, но не так, как во сне. Во сне куда слаже. Во сне и Воронович орел, от одного вида которого у Инги мутится рассудок. Впрочем, и наяву королева упливает от одного его присутствия. А вот с Самарским чудаком все по-другому.

Открыв глаза, бедняжка в первую очередь увидела в окне свинцовые тучи, а во вторую — мятую груду окурков на подоконнике. Журнальный столик был залит вином, и на нем в безобразном беспорядке стояла грязная посуда. Сердце девушки сжалось. Она выскользнула из-под чужой руки и на цыпочках прокрались в прихожую. Дрожащими руками Инга набрала телефон Вороновича и после длинных гудков услышала его родной хрип. Видит Бог, она не произнесла ни слова, но он ее почувствовал, будто волк своим звериным чутьем.

— Инга, Это ты? Не молчи! Я знаю, что это ты. Куда ты пропала? Если бы ты знала, как я по тебе соскучился. Подъезжай сегодня вечером в журнал! Я буду ждать.

В его голосе она уловила дрожь. Ничего не оставалось, как пообещать приехать. Она водворила трубку на место, медленно сползла на пол и тихо заплакала. Совершенно ненужный ей мужчина отворил дверь и молча сел рядом. Она уткнулась мокрым носом в его грудь.

— Расскажи, не томи душу, — мягко прошептал он.

И Инга рассказала ему все, в мельчайших подробностях: как пришла она однажды в толстый журнал с шизанутыми стихами Гогина, и как увидела в отделе поэзии почтенного мэна, и как почтенный мэн задал ей свой коварный вопрос: «Что ею больше движет в жизни, порыв или меркантильность?»

Только о какой меркантильности может идти речь, когда за плечами всего семнадцать? И гость не мог не заметить, как приятен был девушке этот эпизод.

— Ты была еще несовершеннолетней? — спросил он, играя желваками.

— Ну, была. Ну, и что?

И она продолжала повествовать с туманным взором, не замечая, как все больше мрачнеет ее случайный друг.

— Он в тот же вечер завалил тебя на столе? — произнес гость не своим голосом.

Юная гел хотела сделать большие глаза, оскорбиться, вскочить на ноги, но вместо этого борзо кивнула и сумасшедше расхохоталась.

— Ну, завалил. Ну, и что? Я сама этого хотела.

— И тебе понравилось?

Девушка растерянно хлопнула ресницами и умолкла. Понравилось ли ей? О, только не это! После того вечера она испытала дикое отвращение к жизни. Но если бы только отвращение. В ее душе стало темно и вонюче, как в протухшей бочке. Она до того растерялась, что неделю не могла сообразить, как ей на это реагировать. Может, в журнально-писательской среде так принято? Раскованно и без всяких комплексов. Может, так естественно и без комплексов нужно поступать всегда?

На восьмой день, сама не зная зачем, скорее, для того, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, она позвонила Вороновичу на работу. И с того дня все понеслось, поехало, как в дешевом бульварном романе.

Он все больше морщился и прятал глаза, ее милый ирландский друг, и было заметно, что все сказанное парень принимал близко к сердцу. И это было приятно.

А еще было гнусно. Из темной прихожей наблюдалась весьма выразительные следы вчерашнего пиршества: грязный столик с немытой посудой, замызганный ковер, тапочки, прилипающие к полу. А в кухне на подоконнике груда пепла и впечатанные в блюдечко окурки. Словом, все всегда заканчивалось одинаково. Вдобавок Юлька с утра умчалась на работу, не разбудив. И перед ней было совестно. Как тяжело будет вечером глядеть ей в глаза и лепетать бессмысленные оправдания.

— Не ходи к нему больше, — произнес тихо гость.

— Что? — сощурила глаза девушка. — Ты мне будешь указывать?

— Я не указываю, а советую, потому что мне тебя жалко.

В его интонации действительно сквозила жалость. И еще какая-то боль. Боль за нее. Инга немного смягчилась.

— Я не могу без него. У нас так мало с ним осталось времени. Ему жить от силы полгода. У него рак печени. Понимаешь? Скоро его не будет.

— Тем более, не ходи! Неужели не чувствуешь, как он высасывает из тебя жизнь. Он тебя тащит за собой в могилу. Это вампир.

Боже мой, но то же самое говорила Юлька, и теми же самыми словами.

— Ну, и тащит. Ну, и пусть. Кому до этого дело?

— Мне есть дело, — с чувством произнес Володя и преданно взглянул в глаза.

Она потупила взор и заплакала. Все равно хоть в могилу, хоть в саму преисподнюю, хоть в вечное царство небытия — только бы он не оставлял ее одну на этом сером свете.

Володя взял ее руку и притянул к себе.

— Уйдем из этой квартиры. Она мне не нравится. Поедем ко мне. У меня шикарный номер в «Космосе», и сочетание цифр прекрасное — четыре один шесть. Четыреста шестнадцать — это очень сильное сочетание. Поверь мне.

— Нет! — вырвала руку Инга. — Ты не понял! Я люблю только его.

17

23 июля 2001

— Увы! — развел руками практикант. — Отпечатки я не добыл. Он вчера вечером вылетел в Стокгольм. Как мне удалось выяснить в его авиакомпании, Скатов вернется не раньше, чем через две недели.

— Он разве работает? — почесал затылок Батурин. — Мне почему-то казалось, что поэты не работают.

— Смотря какие, — расплылся в улыбке Игошин. — Наш, к примеру, — человек серьезный. Он работает на-

чальником прессслужбы авиакомпании Вест Лайн. Его отец, кстати, один из сопредседателей.

— Круто, — выпятил губы следователь. — Это настолько круто, что теоретически ему нет никакой необходимости убивать собственноручно. Если приспичит, он может позволить себе киллера.

— Но, возможно, тут спортивный интерес? — предположил Игошин. — У богатых свои причуды. Крутит же он роман с дамочкой бальзаковского возраста. Кстати, что если ее допросить.

— Ни в коем случае. Только после возвращения Ската. И только после того, как совпадут его отпечатки.

— Я думаю, совпадут, — хитро улыбнулся Игошин.

— Что вы узнали еще?

— Я выяснил от его жены, что утром тринадцатого июля Скатов вышел из дома без пятнадцати семь. Он живет на Кутузовском проспекте. Гараж сразу под домом. Пятнадцать минут вполне достаточно, чтобы доехать до Волкова переулка и влезть в окно редакции. И вот еще любопытный факт. Почти сразу после убийства Вороновича он улетает в командировку в Швецию.

— Ну, положим не сразу, а через четыре дня, — нахмурился следователь. — Но все равно, над этим стоит поразмыслять.

Практикант ушел, а следователь принял задумчивый вид. Но не успел он поразмыслять над тем, какой резон богатому Скатову убивать нищего Вороновича, как вошла секретарша и сообщила, что его вызывает генерал. Пришлось идти к начальнику на ковер.

— Ну, как, Анатолий Семенович, подозрения с Ягуткиным подтвердились? — спросил с порога генерал.

— Нет, — коротко ответил Батурина. — У него алиби.

— Сначала нужно было проверить алиби, а потом задерживать, — недовольно проворчал начальник. — Кто еще у вас на подозрении?

— Некий Скатов, поэт. В данный момент он в Швеции.

Батурин подробно рассказал о следах, найденных в кабинете Вороновича, которые свидетельствовали, что убийца был высокого роста и недюжинной силы, и что Скатов идеально вписывается в подозреваемые, тем

более что в день убийства он вышел из дома в половине седьмого утра.

— А мотив? — нахмурился начальник.

— С мотивом сложнее. Но есть предположение, что он любовник жены убитого. Их видели вместе. Сразу после похорон он приходил к вдове домой.

Мотив начальству не понравился. Генерал скривился и произнес:

— Что-то в своей практике я не припомню, чтобы в России мужики убивали мужей своих любовниц, — произнес начальник. — Все-таки не в Италии живем. Вот что, Анатолий Семенович, только что звонили из прокуратуры. На Малой Грузинской очень похожее убийство. Некий предприниматель Рашид Ахеев обнаружен в своей квартире висящим в петле. Он возглавлял частное бюро по трудоустройству. В основном формировал группы для работы за рубежом. Но я слышал, что он приторговывал и девочками. Поставлял русских девиц в публичные дома Турции. Это по неофициальным источникам.

— Он сам повесился, или помогли? — заволновался Батурин.

— Разумеется, помогли! Ознакомьтесь с протоколом, и подключайтесь к прокуратуре. Они вас приглашают в рабочую группу и намерены объединить дела в одно. Так что дальнейшее расследование будете вести совместно. Есть подозрение, что убийца один и тот же, хотя, в отличие от вашего удавленника, у Ахеева на теле следы отчаянного сопротивления. Но человек, который его повесил, видимо, был одержим. Он скрутил товарища довольно жестко, накинул на шею петлю и вздернул к потолку. И все в одиночку. И обратите внимание, у Ахеева черный пояс по тхэквондо.

Батурин схватил папку и вышел из кабинета. Он влетел к себе, раскрыл дело и начал жадно глотать страницу за страницей. Никаких отпечатков пальцев. Только на ковре слабые следы от ботинок ориентировочно сорок пятого размера. Смерть наступила от удушения веревкой между восьмью и восьмью тридцати вечера. Странно, но Вороновича повесили тоже в девятом часу. Правда, утра. Случайное совпадение? Но совпало и то, что жертву вздернули на руках через крючок,

за который была подвешена люстра. Конец веревки был привязан к ножке дивана.

Следователь по диагонали прочел заключение медицинского эксперта. «На теле жертвы многочисленные синяки. Лицо разбито, на шее следы пальцев рук».

Ага! Значит, Ахеева тоже пытались душить, но ему не понравилось. Это понятно. Процедура не самая приятная.

Батурин заказал машину и только в пути обратил внимание на номер дома на Малой Грузинский. А дом-то элитный! — удивился он. — А это означает, что в него без телефонного звонка не попадешь. Внизу сидит консьерж.

К тому времени, когда Батурин подъехал к месту происшествия, дежуривший вечером консьерж уже был не только доставлен, но и допрошен следователем прокуратуры. Он был немного бледен, но внешне выглядел спокойно. Еще не поднявшись в шестнадцатую квартиру, Батурин насыпал на него.

— Вы помните, кто вчера около восьми вечера приходил в шестнадцатую квартиру? — строго спросил он.

— Помню! — не задумавшись, ответил консьерж. — Девушка и парень. Я их лично впустил и лично выпустил. Дело было так. За полчаса до их прихода Рашид мне позвонил и сказал, что к нему должна прийти девушка, которую зовут Анной. Он мне велел пропустить ее. Через полчаса в дверь позвонили. Я открыл и увидел, что девушка не одна, а с парнем. Девушка сказала, что ее зовут Анной, и что Рашид в курсе, что он придет не одна. После того, как они сели в лифт, я позвонил Рашиду и предупредил, что девушка не одна, а с каким-то парнем. По-моему, Рашиду это не понравилось.

— Как это выразилось? — спросил Батурин.

— Он недовольно хмыкнул и спросил, что за парень? Я сказал, не знаю. Больше он ничего не сказал. А через полчаса эта пара прошла мимо меня. Я им отпер дверь.

— Как они выглядели?

— Обыкновенно выглядели. Девушка была в черных очках, джинсовой куртке и черных брюках. Парень тоже был в очках. На нем была светлая рубашка, джинсы, кроссовки.

— Парень какого роста?

— Высокого. Под метр девяносто. Девушка среднего роста. Их лиц я не разглядел. У меня на лица память слабая. К тому же, они оба были в бейсболках.

— Девушка блондинка или брюнетка?

— Не могу сказать. Ее волосы были под бейсболкой.

Больше никаких данных следователь из консьержа не вытянул. Он отправил его в прокуратуру для составления фоторобота, а сам поднялся наверх.

18

18 мая 2001
За 56 дней до этого

В то утро, выпроводив Самарского гостя, Инга приняла ванную, помыла посуду, пропылесосила ковер. И все равно времени до вечера было прорва. Она села в кресло и представила, как входит в кабинет Вороновича, как он, не веря глазам, кидается ей навстречу, нетерпеливо срывает с нее блузку, задирает юбку и валит на стол с пыльными папками. Инга зажмурила глаза и простонала от тяжести, которая начала снова вползать в ее сердце.

Нет! Она не пойдет к нему сегодня. Она вообще больше никогда не пойдет к этому человеку. Так подумала девушка, и не поверила себе самой. Как только Юлькины часы пробьют восемь, она как бешеная вскочит с кресла и голубем полетит в его проклятый журнал, и никакие силы не смогут воспрепятствовать этому, поскольку таких сил в природе не существует.

Однако, вопреки всему, вечером Инга не пошла к Вороновичу. Юлька прискакала с работы, одобрила уборку и отключила телефон. Затем сказала, что если сегодня она не воссоединится с семьей, то обольет себя бензином и совершил акт самосожжения. И не успела страдалица погрузиться в кресло и принять тоскующий вид, как в прихожей раздался звонок.

Юльку ветром снесло с места, и минуту спустя квартира заполнилась визгом и звонкими поцелуями. Сразу стало празднично и светло. Такой румянец на щеках у подруги Инга видела впервые. Она глядела на святое семейство и грустно думала, что совсем не знает хозяй-

ки этого дома. Что делать? Такова жизнь: счастливый несчастного не разумеет.

И хотя Инга понимала, что ей пора уже подниматься, выметаться и отправляться в свою скучную квартиру, именуемую родительским домом, однако еще больше часа проторчала она в Юлькином раю, поскольку никак не могла найти в себе силы вытащиться из этого уютного местечка. Ее не гнали и даже искренне заверяли, что она никому не мешает, но девушка чувствовала и знала, насколько она в данный момент инородное тело в этой компании.

Юлькин муж — чистое золото. Он высок, красив и интеллигентен. Ко всем мужским его прелестям добавлялись светлая бородка и царское великолдушие. Он не вписывался ни в одну категорию Ингиных мужчин, хотя в ее классификации женатые не были исключением. Но Юлькин муж был ломтем отрезанным. О нем юная куртизанка не могла даже помыслить, и не столько из уважения к подруге, сколько из-за уверенности, что от таких, как Юлька, мужчины не уходят. Почему? «Черт его знает?» — удивлялась Инга, трясясь в расхлябанном трамвае. Разве она красивее ее, или ноги у нее длинней, или ресницы шире? Да нет же! Здесь таилось нечто такое, о чем Инга даже не догадывалась. Может быть, дело в том, что Юлька — дама серьезная и верная. Верность у нее написана на лбу. А может, дело в другом, чего Инге понять не дано? Ведь наверняка хранительница огня предпочла бы остаться старой девой, если бы не встретила своего единственного и неповторимого. Ведь Юльке нужен либо такой, либо вообще никакой.

Инга вздыхала, вглядывалась в свое отражение в трамвайном стекле и думала, что абсолютно не знает Юльку, что она совсем из другой материи, нежели она, Инга, и что пора бы и женщин подразделить на высшие и низшие сорта. Такие, как Юлька, никогда не раскрываются до конца. Что у нее внутри: сонм демонов или такое целомудрие, что можно ослепнуть?

У Инги никакого целомудрия не было. Она с шестого класса мечтала отиться своему соседу по парте, вихрастому хулигану Лёлику. Он привлекал ее чисто мальчишескими качествами. Свою мечту она осуществила только в девятом классе, дома, в своей комнате. Было

хлопотно затащить его в постель, но когда это произошло, как назло, заявил отец. Что было дальше — страшно вспоминать. Родитель пришел в неописуемую ярость: Лёлика он спустил с лестницы, а ее отстегал солдатским ремнем. С тех пор с отцом она больше не разговаривает. К тому же, вскоре после этого он ушел к другой женщине. И, слава Богу, что ушел. Его не жалко. Лёлика жалко.

Где теперь, ее милый вихрастый одноклассник? Как назло, через полтора месяца после той злополучной постыди его родители эмигрировали в Израиль, и Лёлик совсем потерялся из виду. Так что их мимолетная связь не успела соеволюционировать во что-то более существенное. Судьба, как будто специально обрекала Ингу на одиночество, отторгая от нее милых людей. А может, ее влечение к Лёлику и называется любовью? Пес его знает, как это называется... Ее же влечение к Вороновичу назвать любовью можно только с сильного бодуна. Вот, собственно, и все ее познания в области любви. Правда, было еще кое-что, но об этом Инга вспоминает с омерзением.

Это случилось два года назад в мае на Волхонке за месяц до знакомства с Вороновичем. Она стояла под светофором, ожидая, когда загорится зеленый, как неожиданно около нее элегантно тормознула черная машина «Вольво». Троє фирмачей, одетых модно и даже изысканно, открыли дверцы и, отвесив комплименты, принялись наперебой упрашивать девушку провести с ними вечер в валютном ресторане. Инга не долго раздумывала, потому что по дурости подумала, что наступил ее звездный час обольщать мужчин первой категории. Улыбнувшись, она наивно села к ним в автомобиль. Чуваки действительно привезли ее в ресторан, но в нем было смертельно скучно и тревожно, хотя блеск слепил глаза. Все трое угрюмо пили и крутили головами в поисках еще двух девушек. Они как-то сразу после первых же рюмок потеряли элегантность и обаяние, и из них поперла уголовщина. Инга тоже посматривала по сторонам, чтобы улучшить момент и смыться. Это не удалось. Они подловили ее у выхода туалета и снова затащили в зал, уже насильно. К Ингиному несчастью, в тот вечер лишних девушек не нашлось, и кончилось

тем, что они после ресторана грубо изнасиловали ее на заднем сиденье машины.

Этот случай никак не повлиял на ее отношение к сильному полу. Просто не повезло. Бывает. И хотя архаровцы были отъявленными мерзавцами, все равно для девушки они оставались мужчинами первой категории.

Уже у подъезда своего дома Инга вяло подумала, что, пожалуй, пересмотрит на досуге все свои категории и всех этих блайзерованных дегенератов, чекушкиных и вороновичей свалит в одну кучу на самое что ни на есть дно.

При упоминании о Вороновиче снова невыносимо заныло в груди. Инга поднесла чип к кодовому замку, но в подъезд не вошла. Нет, не может она сейчас идти домой. Ее сердце просто разорвется от тоски. Девушка резко развернулась и побежала к метро.

19

23 июля 2001

Квартира была шикарной. Венецианские окна, огромные залы, высокие потолки. Чтобы добраться до люстры, пожалуй, стола и стула было маловато. По всей видимости, на стол сначала водрузили пуфик и на него уже поставили стул.

Эксперты, обследовав и то, и другое, согласились, что, скорее всего, так оно и было. На столе, пуфике и стуле частички уличной пыли. Но убийца, судя по всему, циркач. Устоять на стуле и на пуфике под силу не каждому молодому человеку. Однако ловкость убийцы, пожалуй, было единственным, что совпадало с убийством Вороновича. Во всем остальном — полная противоположность.

Если в редакции преступник не боялся оставить своих отпечатков пальцев, у Ахеева он орудовал в перчатках. Если на теле Вороновича не было найдено ни одного синяка, то в этом случае убийца, прежде чем вздернуть проклятого сутенера, хорошо его отдубасил. Если казнь Вороновича прошла совершенно спокойно, тонко и не спеша, то эта, судя по следам, второпях.

Батурин внимательно обследовал веревку, которую следственная группа прокуратуры оставила висеть посередине комнаты, и тоже увидел существенную разницу. Во-первых, веревка вдвое толще, во-вторых, не настята мылом, в-третьих, на ней не было никаких следов зубов и, наконец, она была завязана за ножку дивана совсем другим узлом. Более простым.

Следователь прокуратуры внимательно слушал Батурина и записывал в записную книжку все нестыковки обоих убийств. Вообще, у обоих сложилось впечатление, что это убийство было каким-то показательным. С одной стороны, оно явно имело иной почерк, а с другой — в обоих убийствах ощущалось неуловимое сходство. Какое? Батурин никак не мог понять.

Вернувшись в Управление, Батурин вызвал Игошину.

— Во сколько вчера улетел Скатов? — спросил он у практиканта.

— В восемь ноль-ноль, — ответил сотрудник.

Следователь внимательно вглядился в начинающего сыщика и неожиданно понял, что связывает оба этих убийства. Безусловно, Инга. Почему именно она? Батурин опять-таки не мог объяснить. То ли потому что все это попахивало мистикой, то ли потому, что бредни этой девушки весьма органично сочетались с обоими преступлениями. Пес его знает? Батурин снова набрал телефон Калининых.

— Еще не появлялась, — сообщила мама.

— Извините, за нескромный вопрос. Вчера вечером она была дома?

— Нет. Вчера вечером она гуляла с молодым человеком.

— В какое время, если не секрет?

— Приблизительно с семи, до десяти...

«Надо же!» — воскликнул про себя Батурин, ошеломленный невероятной догадкой. Он торопливо поблагодарил женщину, пообещав, что сегодня даст о себе знать, и позвонил в женскую консультацию на Бронной. К его удивлению, ему подтвердили, что девятнадцатилетняя Инга Калинина стоит у них на учете, и тринадцатого июля они ей дали направление на аборт.

— У нее беременность шесть недель, — пояснил гинеколог. — Как раз сегодня она должна лечь в больницу.

Тут уже было над чем задуматься. Подтвердился и этот факт, произошедший с ней в пятницу тринадцатого июля. Не фига, оказывается, мамаша не знает! Если еще и подтвердится, что она действительно ездила в Самару, то можно смело искать убийцу по тем приметам, которые она описала. Потому что, как подсказывал опыт, от фоторабота со слов консьержа никакого толка не будет.

Обзвонить кассы вокзалов следователь поручил практиканту. Через полчаса Игошин отрапортовал, что утром двенадцатого июля Инга Калинина действительно вылетела в Самару из аэропорта Быкова. Этого же числа она выехала из Самары в Москву ночным поездом. Тринадцатого июля в восемь тридцать утра она вышла на Казанском вокзале.

После этого начальнику отдела ничего не оставалось, как в третий раз позвонить Калининым. Однако его снова ждала неудача. Родительница с раздражением ответила, что ее дочери по-прежнему нет, и она не скоро вернется из зубной поликлиники.

«Черта с два она в зубной поликлинике», — усмехнулся про себя Батурина и прежде, чем положить трубку, настрого наказал перезвонить ему в ту же минуту, как она вернется.

Здесь чутье сыщика не подвело. Инга действительно не была ни в какой поликлинике. Девушка с утра сказала матери, что в полдень отправится к зубному врачу, и ровно в двенадцать действительно вышла из дома, одетая в джинсовый костюм. Ее бейсболка была надвинута на самые глаза, и половину лица закрывали черные очки. Было нетрудно догадаться, что красотка хотела выглядеть как можно незаметнее. В ее кармане лежало направление на аборт, но Инга направилась совсем в противоположную сторону.

Она села в метро и поехала до станции Печатники. Выйдя из перехода, девушка остановилась, вытащила из кармана записную книжку и еще раз перечитала адрес, который знала наизусть. Через пятнадцать минут девушка уже звонила в одну из квартир старого обшарпанного дома Стalinского типа. Когда дверь от-

крылась и Инга увидела эту неопрятную, седую старуху с сумасшедшими глазами, сердце ее замерло. Из полуоткрытой дверипряно тащило ладаном и восковыми свечами. Старуха взглянула на гостью не очень гостеприимно. Она оглядела ее с ног до головы и нахмурилась, так и ничего не произнеся.

— Вы бабушка Клава? — вежливо спросила Инга.

— Кто тебе дал мой адрес? — нахмурилась старушка.

— Моя подруга Юля. Юля Петрова. В девичестве Вишневская. Вы ее знали как Юлечку Вишневскую. Она мне сказала, что вы должны ее помнить.

В глазах старухи не мелькнуло ни малейшей искры. Никого она не помнила, и не собиралась ни о чем вспоминать.

— По какому делу, — грубо произнесла старуха, недовольно глядя на посетительницу.

Инга покосилась на двери соседей и произнесла с мольбой:

— Можно пройти? Я не могу здесь говорить.

Ни единый мускул не дрогнул на дряблом лице старухи. Она стояла, не шелохнувшись, отстранено глядя на посетительницу. Точнее, не на нее, а сквозь нее. Прошла целая тягостная минута, а может и две, прежде чем старуха распахнула дверь и впустила девушку в дом. Бабка воровато зыркнула глазами по площадке и заперла дверь на три замка. Только после этого бабуля взглянула на девушку по-человечески и выдавила из себя какое-то подобие улыбки. От этой улыбки у Инги по спине поползли мурашки.

Прихожая была завалена прелым тряпьем и темной мебелью. Старуха указала жестом на дверь комнаты. Инга прошла в такую же неаккуратную, заваленную хламом заду и присела на краешек стула, на который указала старуха. В комнате стоял комод, огромный кожаный диван, красивый дубовый стол, на котором горели три свечки. В углу над облупленным трельяжем громоздился иконостас, и под ним теплилась лампада. На стенах висели мешочки и пучки каких-то трав.

Бабка присела напротив и внимательно взгляделась в юное лицо гостьи.

— Говори, с чем пожаловала, — произнесла она грубо, но уже не так сердито.

Глаза Инги наполнились слезами.

— Если вы не поможете, я не знаю к кому мне больше обратиться. Я жду ребенка. И я очень боюсь.

— Я знаю, что ты ждешь ребенка, — не моргнув, произнесла бабка. — Что ты хочешь от меня?

— Научите, как мне от него избавиться? Я знаю, что это не просто. После того, как я сдала анализы на аборт, на меня напали бандиты. Я почувствовала, что это знак. Что мне делать аборт нельзя.

— Ты правильно почувствовала, — произнесла бабка и в глазах ее появилась усмешка. — АбORTы нельзя делать никогда, ни при каких обстоятельствах. Запомни, дочка.

— Даже если носишь в утробе семя Сатаны?

На это бабка ничего не ответила. Ни один мускул не дернулся на ее обвислых щеках. После некоторого молчания она произнесла:

— Я ничем не могу тебе помочь. Мои силы слишком малы по сравнению с теми, которые вертятся вокруг тебя. Уходи!

Инга вздрогнула.

— Куда уходить? — затряслась девушка. — Что же мне делать? Куда мне идти?

— Домой иди, доченька, — произнесла бабка, и глаза ее потеплели. — Все равно по-твоему не будет, а будет по-ихнему. Но помни, — голос бабки снизился до полу-шепота. — Куда направлены черные силы, туда направлены и светлые. Если одни силы несут тебе гибель, следом другие несут спасение. Будь внимательнее и слушайся своего сердца.

Перед тем как вытолкнуть Ингу за дверь, бабка прошептал ей в ухо:

— Под нож свое чрево не клади. Истечешь кровью...

Едва Инга переступила порог своего дома, к ней сразу же метнулась встревоженная мать.

— Звонили из милиции. Они сказали, что ты беременная? Это правда?

— Правда, — ответила Инга, спокойно глядя матери в глаза. — Ты не волнуйся. Я выходжу замуж. Мне вчера сделали предложение.

18 мая 2001
За 56 дней до этого

За квартал до журнала она замедлила шаг. Если сегодня она вернется к Вороновичу, то ей уже не спастись. Инга остановилась и растерянно осмотрелась по сторонам. Юлька говорила, что в гибельных ситуациях всегда есть выход, нужно только прислушаться к сердцу и внимательно осмотреться по сторонам. Господь не оставляет даже самых отъявленных грешников. Инга прислушалась к сердцу и не услышала ничего. При мысли о Вороновиче сердце замерло, значит на него надежд не было. Инга посмотрела по сторонам, и ее взгляд остановился на таксофоне. «Вот оно, спасение!» — радостно мелькнуло в голове. Девушка побежала к нему и набрала номер четыреста шестнадцатой комнаты гостиницы «Космос».

Через сорок минут она уже вошла в роскошный холл отеля, и Володя, обрадовано, ринулся ей навстречу. Они крепко обнялись, после чего поднялись на четвертый этаж, вошли в его комнату и не выходили из нее три дня, отключив телефон и зашторив окна. Только чувство голода заставило их вылезти утром четвертого дня. Влюбленная пара мило позавтракала в одном уютном ресторанчике, отделанном под средневековую харчевню. А вечером герой любовник, не попрощавшись, указал в свою Самару

Через две недели после его отъезда не пришли месячные, а через месяц уже было ясно, что она залетела. Ее реакция на столь нетипичное состояние была по меньшей мере странной. Беременность не пугала девушку, но и особо не радowała. Не радowała потому, что рожать она пока не планировала, а не пугала, потому что она теперь точно знала, что не бездетная. Так же девушка холодно рассудила, что если ей и предстоит произвести на свет дитя, то лучше это сделать от чувака из Самары, чем от кого бы то ни было.

В последние дни Инга почувствовала в себе перемены. Она стала спокойной, рассудительной, немногословной. На все звонки Вороновича строго отвечала, что все кончено и чтобы он больше не звонил. И если тот наме-

ревался приехать, то спокойно отправлялась в парк гулять, перепоручив с «товарищем» объясняться маме. Инга стала равнодушна и к тому, что Вороновичу осталось жить считанные дни и что она напоследок заставляет его так изуверски мучиться.

«Пусть мучается, — зло шептала девушка, когда накатывали слезы, — а я хочу жить!» Ведь ей еще, в принципе, так немного, а морально она уже старуха. Она даже смеялась по-человечески разучилась. Теперь зарождающаяся внутри жизнь наполняла ее пустые дни каким-то неведомым раньше смыслом. Нет-нет, никаких абортов. Лучше быть матерью одиночкой, чем вечной шлюхой Вороновича. Словом, жизнь стала не такой тошной, какой была до этого. Словом, все было чики-пики, как говорил Сигизмундович.

И только по ночам Инге продолжала сниться Ирландия: обветренные голые скалы, деревянная таверна, пьяные веселые матросы и конечно брат — этакое угрюмое неразговорчивое чудовище, глядящее на всех исподлобья и никогда не расстающееся со своим ножом. Снилось ей и Ирландское небо, то бесконечно хмурое, то необыкновенно ясное.

Но последний сон произвел на девушку потрясающее впечатление. Она стояла на скале и смотрела вслед кораблю, на котором уплывал англичанин. И хотя он маякал шляпой и весело смеялся, широко расставив ноги, девушка знала, что больше никогда не увидится с ним на этом свете. «Но почему же никогда? — удивлялась красавица. — Ведь он поклялся на обратном пути забрать ее в Ливерпуль. Разве он похож на болтуна или безмозглого пьяницу, до нитки проигравшегося в kostи?»

Да нет, тут дело было в другом: просто на обратном пути ненасытные волны Атлантики проглотят его корабль. И ее сердце сжалось от этой пророческой тоски, над которой некому было посмеяться. Знала она и то, что брат будет злорадствовать и доказывать рыбакам, что это Бог избавил его от необходимости марать об англичанина руки.

Под впечатлением этого сна девушка пробыла три дня, а на четвертый не выдержала и явилась к Юльке на работу.

— Ты знаешь, — сладко мурлыкала она за столиком в пустом буфете их института, — я, кажется, влюбилась, как ты хотела.

У Юльки было мрачное настроение. Она вздыхала, потягивала кофе и на интимные излияния подруги почти не реагировала.

— Ты знаешь, Инга, Я опять видела его, — прошептала она с туманным взором.

— Кого? — удивилась Инга.

— Это долгая история. Ты даже не поверишь. — Юлька с такой тоской взглянула на подругу, что та отшатнулась. — Это очень невероятная история, Инга. Понимаешь, я с детства вижу одного и того же человека. Какого-то бродяжку. Он всегда попадался мне на встречу в какой-то потасканной одежонке и в одних и тех же растоптанных ботинках. И главное не менялся. Годы шли, я росла, а он не менялся. Он просто проходил мимо и никогда не обращал на меня внимания. Где бы мы ни жили, а сначала мы жили на Сретенке, затем на Чистопрудном бульваре, затем на Шота Руставели, потом на Новой Басманной, сейчас я снова живу в родительской квартире на Чистопрудном, и он опять мне сегодня утром попался навстречу.

— И что? — удивилась Инга. — Мало ли в Москве бомжей. Они все на одну рожу.

— Ты права. Они все на одну рожу, — кивнула Юлька. — Поэтому я на него долго не обращала внимания, хотя и видела регулярно. Но это был точно тот бомж, который в детстве посмотрел на меня и как-то ужасно улыбнулся. Меня еще в пять лет поразило, что такой убогий человек имеет такие красивые глаза голубого цвета. После того, как он улыбнулся мне, меня украли сатанисты. Они хотели принести меня в жертву. Не веришь? И точно бы принесли, если бы не милиция. Сегодня он снова взглянул на меня своими голубыми глазами и снова так же ужасно улыбнулся.

Инга долго вглядывалась в испуганные глаза подруги, после чего мягко поднесла ладонь к ее лбу.

— Ты не заболела? Я никогда тебя такой не видела. А может, ты поругалась с мужем?

Юлька отрицательно покачала головой и меланхолично помешала кофе пластмассовой ложечкой. После этого подруги некоторое время сидели молча.

— Только не падай сразу: я жду ребенка, — неожиданно выпалила Инга.

Глаза Юльки медленно перекочевали на лицо подруги и сделались шальными.

— Что? — произнесла она с ужасом. — Ты ждешь ребенка? От кого?

— Ты разве не знаешь от кого? — удивилась Инга. — От него. От Володи. Не от Вороновича же, в самом деле...

Юлька побледнела и еле слышно прошептала:

— Боже мой! Так это он? Не может быть!

Она закрыла лицо ладонями и словно умерла. Понадобилась уйма времени и нервов, чтобы вернуть ее к жизни и потребовать, чтобы она объяснила, кто — это он?

— Это еще более невероятная история, — произнесла она с клацающими зубами. — А может, он твоё спасение? — воскликнула Юлька. — Обычно, если черные силы посыпают гибель, следом светлые — посыпают спасение. Здесь различить может только сердце.

— Кончай говорить загадками, Юлька! Ты меня пугаешь! — воскликнула Инга, чувствуя, как ее спина покрывается мурашками. — Объясни толком!

— Хорошо. Я тебе все объясню. Только не перебивай, и не пугайся. — Юлька тяжело вздохнула и строго посмотрела в глаза. — Ты помнишь, как мы с тобой познакомились?

— На кремлевской елке. Ты подошла ко мне спросила, как тебя зовут, девочка. Ты училась в десятом, а я в пятом...

— Я не случайно подошла к тебе, — строго перебила Юлька. — Перед этим выкрикнули твою фамилию, а твою фамилию я знаю с пяти лет. В пять лет меня похитили сатанисты для принесения в жертву. Я помню все до слова, о чем они говорили, перед тем как занесли надо мной нож. Они говорили, что с минуту на минуту в Преображенском роддоме родится девочка, которая через двадцать лет родит их человека. И это будет не простой человек. Это будет демон, который станет вла-

стелином мира. В две тысячи первом году из Сатанинского мира явится монстр в образе человека для того, чтобы оплодотворить эту девушку. Они даже называли день, когда он явится, но я его не запомнила. Так вот, та девочка, которая родилась той ночью в полночь в Преображенском роддоме, — это ты.

С минуту Инга ошарашено смотрела на Юльку, затем неожиданно рассмеялась.

— И монстр, как я поняла, Володя? Юлька я тебе серьезно говорю, завязывай перед сном смотреть ужаснички.

Честно говоря, египетская жрица всего ожидала от подруги, но только не такого скептицизма.

— Ты мне не веришь? — удивилась она.

— Я тебе, конечно, верю, — подмигнула Инга, пряча в рукав улыбку. — Но сама подумай, какой из Володи монстр. Так, простой Самарский чувачок, только не в меру начитанный.

— А ты думаешь, монстры, обязательно с рогами и копытами? — неуверенно произнесла Юлька. — Хотя я тоже подумала, что он не похож на гостя из преисподних. Да, чуть не забыла! Для того чтобы семя укоренилось в человеческой плоти, должно быть загублено три души, а для того, чтобы нормально разродиться — девять. Я это точно знаю. У нас по соседству жила колдунья баба Клава. Она меня учила отличать людей от монстров. Но я забыла. А может, все это ерунда, Инга?

Юлька распахнула умоляющие глаза на подругу и с улыбкой покачала головой.

— Конечно, ерунда! Что касается Володи, то я у него завтра спрошу, монстр он или не монстр.

— А разве он не уехал? — удивилась Юлька.

— В том-то и дело, что уехал. А я к нему завтра лечу в Самару.

— Ты с ума сошла! А вдруг он женат.

— Тем хуже для жены.

— Не надо! Не вздумай! — опять встревожилась Юлька. — У меня дурные предчувствия. Лучше забудь про него! Лучше поехали завтра с нами за грибами.

— А про ребенка тоже забыть? Или ты советуешь сделать мне аборт?

Юлька ничего не ответила на это. Она тихо вздохнула и потупила взор.

— Сумасшедшая! Хоть адрес знаешь?

— Нет! — засмеялась Инга. — Адрес придется высчитывать по таблице Пифагора.

После того, как Инга, чмокнув подружку, поднялась и ушла, жрица некоторое время сидела тихо, задумчиво глядя в пространство, затем встрепенулась и поспешила к лифту. Она спустилась на первый этаж, выбежала на крыльцо, но Инга словно канула. А Юлька хотела сказать подруге очень важную вещь, что у мужчин из сатанинских миров сперма настолько горячая, что женщины чувствуют внутри жжение. А некоторые даже умирают.

21

23 июля 2001

Вечерний звонок Инги явился для Батурина неожиданностью. Честно говоря, он не думал, что ее мать попросит вернувшуюся дочь позвонить в милицию.

— Вы хотели со мной поговорить? — спросила девушка вялым голосом.

— Да, если это возможно. И немедленно. Я пошлю за вами машину. Надеюсь, девять часов для вас еще не слишком позднее время.

— Присылайте.

И снова она сидела напротив него, и полковник, глядя в ее потускневшие глаза, удивлялся тому, почему он тогда решил, что эта девушка блудница по жизни? Теперь ее взгляд не был томным, и из открытой блузки не вываливалось ничего соблазнительного. Она была в закрытой футболке и джинсовой куртке, из нагрудного кармана которой торчали черные очки.

— Вы мне сказали на кладбище, что знаете, кто убил Вороновича. Вы назвали фамилию Новосельский. Правильно я понял?

— Да, — устало кивнула девушка.

— Это ваш знакомый? — спросил следователь.

— Был когда-то, — вздохнула Инга.

— Откуда вы его знаете?

— Мы с ним познакомились на Чистых прудах.

— Кто он такой?

— Не знаю. Мне представился агентом Самарской компьютерной фирмы «Интел Электроник»

— А что, такой фирмы в действительности не существует?

— Фирма существует. Его не существует. Во всяком случае, в нашем мире.

— Не понимаю. Поясните, — мягко попросил Батурин.

— А что тут понимать? Был человек. Жил в гостинице «Космос» в четыреста шестнадцатой комнате. Говорил, что приехал из Самары. А на самом деле, там никогда не был.

Следователь быстро записал на листе номер комнаты гостиницы, и девушка улыбнулась ему, как малому дитию.

— Итак, — деловито произнес Батурин, — он жил в «Космосе», а потом съехал. Куда съехал?

— Это даже Богу неизвестно, — покачала головой Инга.

Следователю такой ответ не понравился. Он сердито кашлянул и подозрительно сдвинул брови.

— Когда съехал?

— Приблизительно в конце мая. Вам вспомнить точно?

— Точно не обязательно. Он вам говорил, где потом собирается остановиться?

— Как он мог говорить, когда после этого мы с ним не встречались. Вы не совсем поняли. Он отбыл с концами.

— Из Москвы?

— Да-да из Москвы тоже, — вздохнула девушка, досадую на непонятливость следователя.

— Но потом он вернулся?

— Зачем? — вздрогнула девушка.

— Чтобы вздернуть вашего друга.

Девушка сердито взглянула на следователя и произнесла:

— Неужели вы думаете, что он собственоручно повесил Наташу? Вы не поняли! Он демон. Ему достаточно взглянуть на человека из параллельного пространства, и

человек сам себе накинет на шею петлю, или кинется с моста, или на полном ходу съедет с трассы и врежется в трактор «Беларусь».

— Так вы в аномальном смысле имели в виду, что знаете убийцу вашего друга? — мягко улыбнулся Батурин, наконец, сообразив, что теряет зря время (всегда-таки иной раз следует прислушиваться к психологам). — О нет, милая девушка, вашего друга повесили вполне конкретные люди без какого-либо вмешательства по-тусторонних сил. Ведь согласитесь, что демоны не оставляют отпечатков пальцев. А тот, который вздернул вашего друга к потолку, оставил их с дюжину.

Девушка изумленно вытаращила глаза и более минуты сидела не мигая.

— Натана вздернули? — пробормотала она. — Не может быть. Кто его повесил? Кому он понадобился?

— Вот это я и пытаюсь выяснить, — развел руками следователь. — Что ж, больше не смею вас задерживать. Я распоряжусь, чтобы вас отвезли домой.

Но ошеломленная новостью девушка не спешила завершить разговор.

— Какое варварство. Вздернуть живого человека. На это была способна только его жена, — сверкнула глазами Инга. — Она его ненавидела.

— Вы ее знали? — поинтересовался капитан.

— По рассказам Натана. А воочию видела только на кладбище. Змеюка еще та. Я оказалась на похоронах Натана случайно. Я в тот же день хоронила своих друзей.

По щекам Инги потекли слезы, и следователь с раздражением подумал, что еще не хватало истерики для полного счастья. Словом, про этого мифического Новосельского из сатанинского мира можно было забыть. Девушка действительно оказалось больной. И куда смотрит ее мамаша?

Однако разговор оказался не совсем бесплодным. Перед ее уходом Батурин поинтересовался, не рассказывал ли ей Воронович про поэта Скатова?

— Нет! — покачала головой Инга. — Я такого не знаю.

— Он был на кладбище. Это такой высокий. Ростом с твоего одноклассника.

- Который был с девушкой?
- Нет. Ту парочку, к сожалению, никто не знает.
- Вахтер знает, — возразила Инга. — Я видела, как девушка поздоровалась с вахтером.

22

*11 июля 2001
За 2 дня до этого*

Вычислить самарский адрес Володи по таблице Пифагора оказалось намного проще, чем она предполагала. Сначала Инга позвонила по ноль девять и, представившись спецкором «Коммерсанта», потребовала все телефоны официальных дилеров компании «Интел Электроник» в Москве. К ее удивлению телефонистка, вместо того, чтобы послать «спецкоршу» по назначению, продиктовали девять номеров. В шестой по счету фирме с названием «Спутник» ей неожиданно подтвердили, что действительно две недели назад они отправили в Самару крупную партию компьютеров. Следом добавили, что их фирма самая серьезная из всех имеющихся в стране, и что они были бы счастливы, если подобный факт «Коммерсант» отразит на своих страницах за определенную мзду. Что касается представителя самарской фирмы, то его фамилия Новосельский и проживает он в гостинице «Космос» в четыреста шестнадцатой комнате, хотя вполне возможно, что агент уже отбыл в Самару. Однако его самарский телефончик у них в картотеке имеется...

В Самару Инга дозвонилась также с первой попытки и, представившись двоюродной сестрой Володи Новосельского, проживающей в Мюнхене, потребовала его мобильный телефон и домашний адрес. После пятиминутного замешательства ей продиктовали адрес Новосельского, уверив, что его мобильного телефона они не знают. В следующую минуту плутовка уже звонила в справочное бюро аэропорта Быково.

...Самара оказалась ничего себе городком. Конечно, захолустным, но почище, чем столица. Конечно, не лоснится от жира, как Москва, зато люди чрезвычайно сердечные, поскольку останавливаются по первой

просьбе и с широкими жестами объясняют, как куда добраться. Словом, Московское шоссе, на котором проживал счастливый обладатель двоюродной сестры из Мюнхена, столичная гостья нашла без труда.

Вдобавок ко всему и погода в тот день была великолепной, и волжский ветерок нашептывал на ухо что-то бесконечно романтическое, и нужный троллейбус подкатил точно по взмаху волшебной палочки.

Инга с любопытством глазела по сторонам и думала, что Самара действительно симпатичный городишко и что она могла бы даже в нем жить. «А почему нет? — улыбалась будущая мама. — Малышу будет полезен волжский воздух».

Она быстро и без путаницы отыскала нужный дом и нужный подъезд, только входить в него не стала. Вдруг он вправду женат? Получится глупо. Девушка села на лавочку в тени палисадника, надела шпионские очки и засекла время. На часах было четверть шестого. По логике он должен находиться на полпути между работой и домом. Зря она из аэропорта не позвонила к нему в контору, а сейчас конечно поздно. Впрочем, это излишние хлопоты. Чем внезапнее, тем лучше.

Инга прождала два часа, но чудак не появился. За это время в подъезд вошли девять мужчин, но ни один не напоминал ее милого друга. Входили, кстати, и женщины. И гостья с замиранием сердца думала, что одна из них вполне могла быть его женой. Что только ни предумала девушка за эти два часа. Вот тут-то ей внезапно и пришло в голову, а вдруг то, о чем говорила Юлька в кафе, окажется правдой? Но нет. Такое бывает только в дешевых фантастических боевиках. Однако чем сильнее девушка отгоняла от себя эти мысли, тем назойливее они лезли в голову. Но нет! Такого не может быть. Да и родилась она не в полночь, а десять минут первого. А в полночь ее родительнице начали делать кесарево. Она слышала это от самой матери. Впрочем, нет. Об этом, кажется, говорила Юлька. Вот черт! Подробности ее рождения подруга знает больше, чем родная мать.

Инга резко поднялась и энергично прошлась по двору, чтобы выкинуть из головы всю эту галиматью. Однако ходьба не помогла. Тревога только возрастила.

Но, может, сегодня Володя не ходил на работу? Может, он в отгуле или болен? А может, московская гостья ошиблась адресом?

Инга трижды доставала записную книжку, чтобы свериться с номером дома, трижды заходила в подъезд, чтобы прочесть фамилии жильцов, но фамилии были стерты, и бедняжке ничего не оставалось, как обратиться к сидящей на скамейке старушке.

— Кто-кто? Новосельские? — переспросила бабка. — Они живут на третьем этаже в шестнадцатой квартире. Вона ихние окна с голубыми занавесками. Да сейчас только что Галя прошла. А вы им родственница?

Инга быстро кивнула, благодарно улыбнулась и зашла в подъезд. Больше ничего не оставалось, потому что бабуля давно за ней наблюдала.

Что ж, — решила про себя девушка, — если откроет жена, она извинится и скажет, что ошиблась квартирой, а если откроет Володя... то она знает как вести себя в подобных случаях. У нее имеется опыт общения с женатыми мужчинами...

Инга поднялась на четвертый этаж, подошла к двери с номером шестнадцать и усмехнулась. Просто мистика какая-то: в Москве он жил в четыреста шестнадцатом номере, и здесь на четвертом этаже в шестнадцатой квартире. Но только сейчас любая мистика было неуместна. Инга поднесла к звонку палец, и сердце ее оборвалось. За дверьми послышался детский визг. «Боже мой, что я делаю? — подумала она. — Может быть, я разрушаю чужую семью?»

Но отступать было поздно. Инга позвонила и тут же отпрянула назад. Еще не поздно драпануть на вокзал. Поезд на Москву через час. Но драпануть московская гостья не успела, потому что дверь незамедлительно распахнулась, и перед Ингой предстал незнакомый пузатый мужчина в вылинявшей футболке. Из-под его ноги выглядывали две детские головки.

— Здравствуйте. Позовите, пожалуйста, Володю, — тихо произнесла Инга, покосившись на детей.

— Я Володя! — ответил мужчина басом.

— Мне нужен... Володя Новосельский... — запинаясь, уточнила девушка.

— Так я и есть Володя Новосельский, — удивился мужчина. — Вы по какому делу?

Инга вытаращила глаза и растерянно пробормотала:

— Извините! Но мне нужен другой Новосельский, который работает в фирме «Интел Электроник». Он недавно был в командировке в Москве и закупил партию компьютеров.

— Ну, я в Москве закупил партию компьютеров, — произнес мужчина недоуменно и подозрительно сдвинул брови. — А вы откуда, из налоговой?

Инга взгляделась в его бесхитростную средневолжскую физиономию и побледнела.

— Скажите, вы останавливались в гостинице «Космос»?

— Да, я останавливался в гостинице «Космос», — ответил мужчина, пожав плечами. — В четыреста шестнадцатой комнате, если вам интересно. А в чем, собственно, дело?

В это время из кухни выглянула белокурая женщина в цветном фартуке с дымящимся половником в руке. Инга виновато попятилась и растерянно пролепетала:

— Извините, я, кажется, ошиблась квартирой...

— Может, какие-то сомнения с доверенностью? — беспокойно пробасил мужчина. — Я знаю, что партия поступила не в полном объеме...

Но девушка, развернувшись на каблучках, уже стремглав уносилась прочь.

Часть третья ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

1

13 июля 2001

Убаюкав дитя, Инга вышла из таверны и пристально всмотрелась в море. Оно было гладким, без единого пятнышка на горизонте. Слезы снова подступили к гор-

лу, но расплакаться красавица не успела. Сзади, словно вор, подкрался Чекушкин.

— Все ждешь своего англичанина? — ехидно произнес он.

Инга презрительно скосила глаза и не ответила.

— Жди-жди! — гнусно прохихикал Чекушкин. — Может, правда когда-нибудь дождешься. Уже сколько прошло? Два года? Ну-ну! Утопленники — народ неторопливый.

— Врешь! Он жив.

— Может и жив! Кто спорит? Я даже слышал от знакомого англичанина, что два года назад какого-то моряка прибило к датскому берегу. Его подобрала и выходила одна симпатичная вдовушка, и моряк в благодарность женился на ней. Вот каковы англичане.

— Опять врешь! Он не любит датчанок. У них нет талий.

Инга презрительно хмыкнула и не спеша направилась к морю, чувствуя шелковой блузкой, каким сладострастным взором впился в лопатки Чекушкин. В следующую минуту он подкрался сзади и страстно обласпал.

— Я усыновлю твоего ребенка! Дочка никогда не узнает, что ты родила без мужа, — задохнулся Чекушкин, но Инга с негодованием оттолкнула критика.

— Тогда я сожгу этот чертов кабак и пущу вас по миру! — крикнул исступленно Чекушкин, но Инга расхохоталась и ланью понеслась вниз.

На камнях она скинула с себя блузку и бархатную юбку (не заботясь о том, смотрит сверху Чекушкин, или нет) и бросила свое гибкое тело в эту зеркальную лазурь.

Вот он, риф. Главное, не проскочить мимо. Там, на морской границе бухты, где в ветреную погоду завихряются белые гребешки, нужно поднырнуть под волны и нащупать руками шершавую ракушку, после чего зацепиться за нее пятками, чтобы не унесло в открытое море и отдохнуть. Но сегодня в этом не было необходимости. Сегодня море на редкость спокойное и небо не-правдоподобно ясное. Но вправду ли оно ясное, или это только снится бедной девушке?

Купальщица перевернулась на спину и внимательно взгляделась в бездонную синеву. Небо действительно се-

годня необычное, без единого белого облачка и без какого-либо намека на обман. На всякий случай Инга щипнула себя за бедро и вскрикнула от боли. Она вполне ощущает тело: руки, ноги и мокрые сосульки волос. Она ощущает мышцы, колики в боку от быстрого плавания, но главное — замогильную тяжесть на сердце.

Все-таки спит она, или нет? Должно быть, не спит. Ведь пребывающие во сне не ощущают сердечной боли.

Пошел уже третий год, а от англичанина никаких известий. В поселке действительно говорили, что его корабль разнесло в щепки, и из команды не спасся никто. Но приезжие моряки утверждали, что в тот год какого-то моряка прибило к берегам Дании на обломке мачты. Правда, никто не видел, но слухи ходили, что именно его. И что его выходила одна симпатичная рыбачка. И теперь у них куча детей. Только все это ложь! После такой легконогой газели, как Инга, увлечься другой женщиной невозможно. Тем более датчанкой.

Но что это делается с небом? Его на глазах заволакивает грязными клубами. Инга снова щипает себя за бок и соображает, что это не тучи, а дым. Она ощущает едва уловимый запах горелого и в третий раз щиплет себя за бедро. Дым поднимается от скалы, где стоит их дом, и девушку охватывает ужас. Неужели вправду этот мерзкий пьяничка с лицом Чекушкина поджег их дом? Но ведь в колыбели дочь!

Беспомощно извиваясь в воде купальщица ринулась к берегу, чувствуя, как сердце проваливается в бездну. Она захлебнулась, закашлялась, но все равно продолжала молотить руками и ногами. Эта ненавистная тварь, которую в поселке никто не любит, домогается ее с десяти лет.

Инга выпрыгнула из воды, на ходу подобрав одежду, и в полуобморочном состоянии понеслась наверх. На скале она увидела, что дом их действительно горит, и снова усомнилась, а наяву ли все это происходит?

Возбужденная толпа избивала полудохлого Чекушкина, а таверна пылала, и никто не пытался тушить. Инга с диким визгом кинулась к горящему дому, но ее схватили несколько грубых рук и оттащили обратно.

— Там дочка, дочка, пустите! — надрывно закричала она и принялась что есть силы молотить по пьяным ры-

бацким рожам. Но ее продолжали держать, а дом продолжает пылать.

Но вот все ахают и в сильном смущении отступают назад. Это из толпы вышел брат и решительно направился к дому. Не раздумывая, он нырнул в огонь, и вокруг воцарилась тревожная тишина. Через некоторое время горящие балки с грохотом посыпались на землю, подняв в высь огромные столбы искр. Толпа охнула и отступила назад. Женщины начали креститься и трусливо прятать глаза. В то мгновение, когда Инга уже почти валилась без чувств, из огня вышло горящее чудовище с маленьким кулечком на руках. Сестра бросилась к нему, раскрыла рогожу и услышала сзади радостные голоса:

— Смотри-ка, живая!

Ребенок доверчиво протянул крохотные ручонки к матери, а мать подняла влажные глаза на брата. Она увидела, что голова его пробита в двух местах, и взгляд его подозрительно туманен. Инга поняла, что означает этот туман в глазах. Ведь точно такая же отрешенность была во взоре умирающего отца, которого они похоронили два месяца назад. Брат поднял ладони к голове и медленно опустился на землю. «Боже!» — надрывно прошептала Инга и проснулась.

Сердце колотилось, колеса стучали, соседи мирно спели. А за окном пыла луна. Девушка подождала, пока успокоится сердце, промокнула полотенцем лоб и перекрестилась. Значит, все-таки она спала? «Приснится же... черте что...» — прошептала она и крепко задумалась.

Что бы это означало? Вчера вечером, лежа на верхней полке и не мигая глядя в стену, Инга впервые испытала нужду в молитве. Ведь это Бог знает что? Чудак с Чистопрудного бульвара оказывается вовсе не чудак и никакой не командированный из Самары, а, должно быть, оборотень или инопланетянин. А может, исчадие ада? Воплотился в приличного человека, заделал ребеночка и исчез. Такое бывает. У Юльки любимая тема.

Конечно, недоразумение с самарским адресом еще можно было объяснить путаницей в компьютере, а фамилию — совпадением. Но ведь Инга лично жила у него

в «Космосе» в четыреста шестнадцатой комнате. Имен-но в ней они, кажется, и зачали ребенка...

А может, ей все пригрезилось: и молодой человек, и Ирландия, и веселая таверна на высокой скале безымянной бухты. А может, она тронулась умом? Такое тоже бывает.

Инга потрогала лоб, затем полезла под юбку и, нашупав слева от пупка крохотную мушку, вздрогнула. Она положила горячую ладонь на живот и подумала, что жизнь, бьющаяся сейчас под сердцем, и есть самое лучшее доказательство того, что она в здравом уме. Но лучше бы она действительно тронулась умом, чем такая явь. Еще она подумала, что от всего этого ужаса ее может спасти только многомудрая Юлька.

С вокзала Инга покатила к подруге. Полчаса звонила она в ее квартиру, искренне изумляясь, куда в такой час могло запропаститься святое семейство? Наконец на площадку выползла сердитая соседка.

— Вы напрасно звоните, — хмуро сказала она. — Их никого нет. Их ночью увезли в больницу.

— В больницу? — вытаращила глаза Инга. — Всех? Что с ними случилось.

— Они отравились грибами, — тяжело вздохнула старушка. — И отравились очень серьезно. Сынок скончался еще до приезда «скорой помощи». Муж тоже был на последнем вздохе. А Юля ничего. Спустилась в машину на своих двоих.

Словно гром разразился над Ингиной головой. Она выронила сумку и прислонилась к стене.

— Карма, — прошептала девушка. — Она связала их кармические узлы... Это возмездие за то, что они занимались ядами...

2

24 июля 2001

Утром в кабинет следователя влетел Игошин. Его лицо было взволнованным, глаза излучали охотничий блеск.

— Мне удалось выяснить, что рейс в Стокгольм в тот вечер был задержан на полтора часа. Позвонил какой-то шутник и сказал, что в самолете заложена бомба.

Батурин недоуменно поднял бровь.

— Скатов в аэропорт приехал на своей машине?

— Естественно. Она и сейчас стоит на стоянке. Это мне удалось узнать от охранников, поскольку у них вся информация в компьютере. А теперь самое интересное: как только объявили о задержке рейса, Скатов сел в машину и уехал. Приехал за десять минут до отлета самолета.

— Так-так! — забарабанил ручкой полковник. — Что еще выяснили? Его жене звонили?

— А как же! — расплылся в улыбке Максим. — Жена сказала, что не знала о задержке рейса. Узнала только на следующий день в утренних новостях. На работу он тоже не приезжал.

— Как он был одет? Выяснили?

— Одет был в серый костюм и белую рубашку...

— По времени он успевал на Малую Грузинскую?

— Вполне! На подобающей скорости от аэропорта до дома Ахеева от тридцати до сорока минут...

— Минус десять, — поднял палец Батурин. — Ведь он вернулся в аэропорт за десять минут до отлета. Сколько же остается на преступление? От десяти до двадцати минут? Не особо разгуляешься! Кроме того, из этого времени следует вычесть переодевание, приобретение веревки и церемонию встречи с девушкой...

— Но, я думаю, с девушкой он договорился заранее, — возразил практикант. — Веревку, я полагаю, они приобретали вместе. Заблаговременно. Что касается церемонии встречи... ну, наверное, Скатов просто подобрал ее на трассе в условленном месте. Девушка села за руль, а он в это время, пока они ехали, переодевался на заднем сиденье. Все тщательно продуманно и подготовлено. Вплоть до ложного сообщения о бомбе в самолете.

— Но если они все тщательно рассчитали, то почему так разгильдяйски действовали на месте? Открыто нарисовались перед консьержем, ввязались в драку с жертвой, и вздернули его второпях. Такое ощущение, как будто все произошло спонтанно.

— Потому и спонтанно, что спешили, — темпераментно отжестикуировал Игошин. — А пришли открыто потому, что у Скатова твердое алиби. Формально он в аэропорту. Кому придет в голову проверять, была задержка рейса, или не была? Кстати, я сам об этом узнал случайно.

Батурин задумался. Все настолько укладывалось в схему, что пальцы сами потянулись к телефону, чтобы проинформировать прокуратуру. Но он вовремя отдернул руку. По опыту следак знал, что когда все идеально срастается — жди подвоха. Впрочем, срасталось не все. Например, почерк. Во втором преступлении было сделано все в точности до наоборот.

— Ахеев поставлял девушки в Турцию. И Воронович пробовал себя в сутенерстве, — пробормотал задумчиво Батурин. — Допустим, Ахеев и есть тот самый турок, который купил у Вороновича поэтессу. Но причем здесь Скатов?

— Как причем? — всплеснул руками Игошин. — Он работает в солидной авиакомпании и, кажется, в ней не последний человек. Возможно, в его функцию входило транспортное обеспечение концессии. Но, как это всегда бывает, господа чего-то не поделили.

— Может, может, — скороговоркой пробормотал полковник и впал в прострацию. — Но если Скатов такой крутой, почему он осуществляет убийства лично, а не нанимает киллера? И для чего в этом случае он прибег к помощи девушки?

— Наверное, для того, чтобы беспрепятственно проникнуть в квартиру Ахеева. Видимо покойный опасался Скатова, а может, просто не хотел его видеть. А с девушкой, судя по всему, у Рашида были теплые отношения...

Не дослушав всезнающего практиканта, Батурин выскочил из кресла и принял энергично вышагивать по кабинету из угла в угол:

— Вот что нужно сделать в первую очередь, — наконец, произнес он, — обыскать машину Скатова, хотя вряд ли вы найдете в ней джинсы, или черные очки. Скорее всего, девушка их забрала с собой. Но чем черт не шутит! Главное, снимите с руля отпечатки для сличения. Если они не совпадут, то все это — пустое. Но на

всякий случай, пока будут возиться в лаборатории, найдите фотографию поэта и покажите ее консьержу. А теперь главное: вы должны ненавязчиво показать мадам Воронович контору Ахеева. Пускай посмотрит на сотрудников. Особое внимание пусть обратит на головорезов из службы охраны. Если она кого-то опознает, значит, Воронович имел дело с Ахеевом, а это означает, что убийства связаны на сто процентов. Единственное, чего не должна знать вдова, что нам известно об ее отношениях с юным дарованием.

После того, как Игошин ушел, вошла секретарь и доложила, что звонили из журнала.

— С вами хотел поговорить Арнольд Евсеевич. Сказал, что дело настолько важное, что любое промедление смерти подобно. Он оставил свой телефон.

Батурин уныло кивнул и, выпроводив секретаршу, набрал номер Чекушкина. Трубку подняли настолько молниеносно, что Батурин вздрогнул. И без того дребезжащий голос критика от волнения дрожал.

— Анатолий Семенович, нам сегодня обязательно нужно встретиться. Обязательно. Вот, что я вам скажу: — Чекушкин перешел на шепот, — Наташа не сам повесилась. Его повесили. И я, кажется, знаю, кто. И даже догадываюсь, за что?

— Кто? — дернулся следователь.

— Сейчас я вам сказать не могу. Здесь такая слышимость. Я лучше к вам подъеду. Сейчас! Хотя, нет, не сейчас. А через час. Мне нужно заскочить домой, чтобы захватить три расписки, для того, чтобы вы сразу въехали, из-за чего убили Наташу.

— Подождите, скажите фамилию убийцы, — строго произнес следователь.

— Фамилию я не знаю, — со свистом прошептал Чекушкин. — Я его видел только один раз на кладбище. Вы его тоже видели... а сейчас он здесь, в редакции...

На этом гудки оборвались. После этого Батурин еще трижды набирал редакционный телефон Чекушкина, но трубку упорно не брали. Пришлось позвонить на вахту, чтобы выяснить, в чем дело?

— Арнольд Евсеевич только что ушел домой, — ответил вахтер.

Инга сама не помнила, как вышла из Юлькиного подъезда, как добежала до метро, как доехала до какой-то станции, как вышла на улицу, затем побрела по каким-то закоулкам, дворикам, переходам. Она никого не замечала, только без конца шептала, как полоумная: «Ведь Юлька не вынесет. Боже мой! Бедная Юлька! Неважели Алешка умер!» Какие жестокие испытания Господь обрушивает на таких милых людей. Во имя чего? Почему с чекушинными и вороновичами ничего подобного не происходит?

Тут она встрепенулась и кинулась к таксофону. Бедняжка не помнила, как дозвонилась до института Склифосовского, как она вообще узнала, что нужно звонить именно в институт? Она даже не помнила, каким образом вышла на нужный номер? Но в ту минуту со второй попытки она попала именно туда, куда было нужно.

— Сегодня ночью к вам поступила семья Петровых. Они отравились грибами. Вы не можете сказать, как они себя чувствуют?

— Мы уже давали эту информацию в прессу, — ворчливо ответила тетенька с противным голосом. — Записывайте: женщину удалось спасти. Ее состояние удовлетворительное. В данный момент ее жизни ничто не угрожает. Мальчик скончался в два часа ночи от интоксикации яда бледной поганки. Его отец скончался сегодня в шесть часов утра...

Инга выронила трубку и без сил опустилась на корточки. Сколько она так просидела, в памяти не отпечаталось. Но запомнилось, что в какой-то момент неожиданная злость охватила девушку. Она вскочила на ноги, подняла кверху кулаки и крикнула на всю улицу:

— Пропадите вы все пропадом!

Прохожие шарахнулись, а Инга дико расхохоталась. Кому предназначалось это восклицание, девушка не помнит. Но в ту минуту, конечно, знала, кому. Также она чувствовала, что сейчас с ней начнется истерика.

Вне себя от страха Инга помчалась к недействующему фонтану. Не обращая внимания на окружающих, она умылась несвежей водой из бассейна и, наконец, огляделась. Это была Пушкинская площадь. Вокруг тьмы и тьмы народа, и все смотрят на нее с насмешливым любопытством. Нужно было собраться, поехать в больницу, отыскать Юльку и поплакать вместе с ней.

Она метнулась к переходу, но перед самым входом в метро почему-то раздумала ехать к Юльке. Подошла к таксофону и набрала номер Вороновича. Трубку долго не брали. Наконец, длинные гудки оборвались, и обаятельный женский голос произнес:

— Да, я слушаю.

Это был голос его жены. Инга его знала и боялась. Но в ту минуту она ему даже обрадовалась.

— Нельзя ли услышать Наташа Сигизмундовича, — произнесла девушка скороговоркой.

— Он на работе, — ответила женщина коротко и сразу положила трубку.

«Тем лучше», — подумала Инга и вошла в метро. Через пятнадцать минут она уже топталась на крыльце у дверей редакции журнала. Несмотря на то, что двери были не заперты (это она видела четко), девушка почему-то оробела. В другое время она бы нагло толкнула их и вошла в здание, как ни в чем не бывало. Однако на этот раз Инга позвонила и дождалась момента, когда вахтер сам распахнул перед ней дверь. Не успела гостья объяснить свой приход, как охранник, к ее недоумению, с готовностью выпалил:

— Ну, наконец-то! Сигизмундович уже повесился, вас ожидая.

Девушка прокочила мимо и подумала, что, вероятно, о ее визите Наташа предупредила жена. Она поднялась на второй этаж и пошла по пустому коридору. Было тихо и пусто. «Это очень удачно, что сейчас утренние часы и тихо», — подумала девушка.

Сейчас она бросится к нему в объятия и зароется в его могучих руках. Инга спрячется в них словно улитка в раковину, все расскажет, попросит прощения, и он поймет, и простит. И они больше никогда не расстанутся, ибо девушка в ту минуту знала, что ее спасением

был Воронович. Не рассорься тогда с ним, она бы никогда больше не встретилась с тем парнем из Самары...

У дверей завотделом поэзии почему-то пахло парфюмерией, как будто только что распечатали пахучее мыло. Она рванула на себя дверь и в ужасе застыла на пороге. У нее даже не было сил вскрикнуть. Первую минуту Инга думала, что ее обманывает зрение. Бедняжка изо всех сил зажмурилась и бешено тряхнула волосами. Нет, зрение ее не обманывает. Ее спасение висело под потолком, а под ногами валялся стул. Зачем же так, если ждал? — удивилась она, не в силах пошевелиться.

Его лицо было грустным и уже безвозвратно чужим. Он висел настолько беспомощно и одиноко, что страх начал перерастать в жалость. Внезапно Инга заметила, что из рукава покойного торчит листок. Он как бы специально предназначался для того, чтобы его заметили. «Предсмертная записка, — подумала Инга. — Возможно, адресована ей. А кому же еще, если вахтер сказал, что Наташа ее ждет».

Преодолев страх, Инга на цыпочках подошла к повешенному и коготками вытянула из рукава вчетверо свернутый лист бумаги. При этом она коснулась ладонью его холодных пальцев и вздрогнула. В ту же минуту, ей показалась, что Воронович едва заметно усмехнулся и приоткрыл один глаз. Инга в ужасе попятилась, впившись глазами в его лицо. Нет. Он не усмехался. И не открывал глаза. Девушка уперлась спиной в дверной косяк и замерла. Внезапно ей снова показалось, что Воронович пошевелил пальцами. Она метнула взгляд на его руки и снова впилась глазами в лицо. После чего, осторожно шагнула в коридор и вдруг, развернувшись, понеслась прочь.

Коридор был длинный и гулкий. Цоканье ее босоножек было по мозгам, и от этого было ощущение, что следом бегут и дышат в затылок. Только у самой лестницы Инга позволила себе оглянуться. Коридор просто убивал своей пустотой.

Инга стремительно спустилась с лестницы и выбежала во двор. В пустом дворе было еще страшнее. Девушка взглянула на окно кабинета завотделом поэзии, которое располагалось прямо над подвалом, и похолодела

от ужаса. Воронич смотрел на нее и хищно скалился. Инга с визгом рванула обратно в здание. Пробежав по коридору мимо калтерки вахтера, она вылетела на улицу. Потом на улице Инга сообразила, что это было не лицо Вороновича, а сбившаяся занавеска. Тем не менее, она неслась галопом по Волкову переулку до самой автобусной остановке. «Теперь домой! Только домой, к маме!» — тикало в мозгах.

В автобусе она развернула предсмертную записку Вороновича, и лицо ее вытянулось в изумлении. Это было не послание адресованное ей, а обыкновенное четверостишие нелепейшего содержания, отпечатанное на лазерном принтере.

— Тыфу! — с досадой произнесла Инга и, скомкав листок, бросила на пол.

Едва Инга переступила порог квартиры, мать тут же начала отчитывать за увядшие цветы на подоконнике и пыль на телевизоре. Она нервно собиралась в свою контору и в упор не замечала смертельной бледности на лице Инги. Родительница давно уже не чувствовала дочери. После того, как от них ушел отец, мать стала для нее хуже посторонней тетки. «Ничего ей не расскажу», — зло подумала девушка и, проскочив в свою комнату, заткнула уши.

После того, как мать ушла, Инга без сил повалилась на кровать, и новая волна ужаса охватила ее. Девушка вдруг совершенно четко услышала на лестнице кашель Вороновича и его тяжелые шаги. Инга вскочила с дивана и спряталась за шифоньер. Шаги замолкли. Видимо галлюцинации. Но не успела девушка закончить мысль по поводу галлюцинаций, как в прихожей раздался звонок. Инга схватилась за грудь и подумала, что сейчас у нее разорвется сердце. Она на цыпочках прокраилась в прихожую, взглянула в глазок и вздохнула с облегчением. Перед дверью стояли два милиционера.

4

24 июля 2001

После этого звонка Батурина охватило беспокойство. Он снова позвонил в редакцию, узнал адрес Чекушкина

и послал к нему оперуполномоченного. Сам же поехал в журнал. «Кто из присутствующих на похоронах мог сейчас находиться в редакции?» — недоумевал он. Это мог быть только один человек — поэт Гогин, поскольку Скатов в Швеции. Кроме него, больше никто из подозреваемых к журналу отношения не имеет. Но критик сказал, что на кладбище видел его впервые. Тогда это либо музыкант, либо тот незнакомец, который был с девушкой. Кстати, сразу после кладбища группа наружного наблюдения проследила за странной парой. Парень с девушкой доехала до Лужников, расплатились с водителем и растворились в толпе. Словом группа наружного наблюдения их проморгала. Как и предполагалось, водитель понятия не имел о тех, которых подрядился свозить на Новогиреевское кладбище. Словом, с парой полная неясность, как впрочем, и с музыкантом. А может, это Якушкин? Только что Якушкину делать в редакции?

К досаде Батурина ни редактор, ни сотрудники журнала не заметили в редакции посторонних. Гогин точно не приходил, о Якушкине и музыканте они не имели понятия, как, впрочем, и о юноше с девушкой, которые были на похоронах. Все отсыпали к охраннику. Но в том-то и дело, что и охранник куда-то запропастился.

— К семи точно будет, — успокоил редактор.

Батурин посмотрел на часы и сильно занервничал. За это время можно было дважды доехать до Управления. Однако секретарь не звонила. Значит Чекушин еще в пути. Молчал почему-то и оперуполномоченный.

Полковник несколько раз набирал домашний Чекушкина, но по нему не отвечали. Однако вскоре зазвонил сотовый. Это дал знать о себе Игошин. Его голос был унылым.

— Произвели обыск в машине Скатова. Ничего существенного не обнаружили. Сняли отпечатки с руля.

— Срочно отправьте на экспертизу!

— Отпечатки уже проверили на идентичность. Не совпадают. Консьержу показали фото Скатова. Утверждает, что не он.

— В этом я не сомневался. Римме Герасимовне звонили?

— Да. С ней мы договорились на завтра.

— Хорошо. Подъезжайте в контору. И прихватите фотоработы. Если появится Чекушкин, сразу дайте мне знать.

Полчаса спустя позвонил опер.

— Хозяина квартиры так и не появился. Мне продолжать ждать?

— Ждите. Как явится, сразу информируйте!

Батурина нервно посмотрел на часы. После звонка Чекушкина прошло два часа. А обещал появиться через час. Куда он исчез? За это время успели съездить домой к вахтеру. Но и там никого. Ничего не оставалось, как вернуться в Управление.

Когда по возвращении полковник взглянул на фотоработы, составленные со слов консьержа, у него дернулась щека. Кто из них мужчина, а кто женщина — понять было невозможно. Две одинаковые физиономии в одинаковых очках и одинаковых бейсболках невозмутимо смотрели на сыщика. Батурин покачал головой и подумал, что консьерж, ко всему прочему, еще и дальтоник.

В страшном напряжении прошло еще около часа. Наконец позвонил оперуполномоченный.

— Только что пришла хозяйка. Она мне сказала, что Чекушкин уже здесь не живет лет эдак двадцать.

Вот тут-то и выяснилось, что в редакции записан старый адрес завотделом критики. А новый они не знают. Пока нашли его адрес, прошло еще минут двадцать. К этому времени Батурина уже тряслось. Он позвонил следователю прокуратуры и вкратце обрисовал ситуацию.

— Все понял! Сейчас выезжаю! — произнес он коротко.

К дому Чекушкина они подъехали одновременно. Одновременно вышли из машин и пожали друг другу руки. Правоохранители поднялись на четвертый этаж и позвонили в квартиру. Но никто не ответил.

— Ну, что? Будем взламывать дверь, — радостно улыбнулся опер.

Полковник со следователем переглянулись.

— Сначала опросим соседей.

Молодой сосед слева по поводу литератора ничего разумительного не сказал, поскольку явился с работы

всего полчаса назад. Но за эти полчаса он ручался, что от соседа не донеслось ни единого звука. Соседка спрашивала, пенсионерка с недовольным лицом, сообщила, что полтора часа назад за стеной соседа слышалась какая-то возня и, кажется, пьяные хрипы.

— Такое ощущение, что дрался с собутыльником.

— Дрался, говорите? — нахмурил брови следователь прокуратуры. — И часто он дерется?

— Часто! — вздохнула соседка. — Особенно со своим товарищем из журнала, который приезжает к нему с молодой девкой.

— Вот теперь ломаем! — щелкнул пальцами Батурин.

— Вы берете на себя ответственность? — подозрительно сощурился прокурорский работник.

— Беру.

— Тогда нужно послать за слесарем.

Оба соседа с готовностью согласились быть понятыми. Мужчина вынес огромную отвертку, а женщина — никелированный топорик для рубки мяса. И то и другое не пригодилось, поскольку слесарь ДЭЗа явился со своим инструментом.

Когда вошли в прихожую, сразу пахнуло табаком и перегаром. Запах был настолько стойким, что женщина заткнула нос. Миновав довольно длинный коридор, пошли к дверям. Батурин вытащил пистолет и толкнул двери. То, что предстало перед ними, заставило содрогнуться. Понятые, как по команде, попятались.

Хозяин квартиры с окровавленным лицом висел под потолком на том же крюке, что и люстра. Конец веревки был привязан к тяжелой ножке комода. Еще не внимая в детали, можно было сказать, что это преступление как две капли воды напоминало убийство Ахеева. Жертву сначала вырубили, затем накинули на шею петлю и вздернули. Следователь прокуратуры поднес к уху телефон и сурово произнес:

— Срочно экспертную группу. Записывайте адрес...

После обработки места происшествия главный эксперт подошел к следователям и развел руками.

— Отпечатков пальцев нет. Убийцы орудовали в перчатках.

— Их было много?

— Двое. Мужчина и женщина. Это мы определили по следам обуви. У женщины нога тридцать шестого размера. Она была в кроссовках. У мужчины сорок пятый размер ноги. Он был в ботинках на каучуковой подошве. Судя по всему, хозяин сам открыл дверь. Возможно, он хотел выйти из квартиры, поскольку был обут. Но на пороге получил сильный удар в нос. От удара кулаком он отлетел на полтора метра. В этом месте полы залиты кровью. После чего злоумышленник, не дав опомниться, втащил его в зал и слегка придушил. Пока хозяин приходил в себя, неизвестный при помощи стула накинул веревку на крючок, после чего, надел петлю на шею и вздернул к потолку. Смерть наступила от удушения приблизительно в пятнадцать тридцать. Или около этого. Женщина, судя по всему, участия в убийстве не принимала. Она даже не прошла в комнату.

— На ваш взгляд, убийца тот же, что вздернул Ахеева? — поинтересовался следователь прокуратуры у Батурина.

— Вне всякого сомнения, — ответил полковник милиции. — Даже толщина веревок и узлы идентичны. Веревку, видимо, покупали в одном магазине с расчетом на несколько жертв...

— Да, вот еще! — вспомнил эксперт и протянул следователю три согнутых пополам листка. — Это найдено в кармане жертвы.

Следователь развернул один из листков и прочел: «Расписка. Я, Авдеева А.И., являющаяся единственной родственницей Авдеевой Людмилы Петровны, согласна с выездом моей племянницы на работу за рубеж и обязуюсь никаких претензий Международному агентству «Подиум» не предъявлять».

5

13 июля 2001

После допроса Инга поехала в институт Склифосовского, чтобы увидеться с Юлькой. Она не помнила, как ей удалось беспрепятственно проникнуть в лечебное заведение и разыскать покой, в которых лежала подруга. Но когда Инга зашла в палату, то в ужасе застыла.

На кровати сидела сгорбленная, седая старушка с седым лицом и отсутствующим взглядом. Это была Юлька, но, боже мой, что с нею стало... Ее глаза были как две черные воронки, а вид совершенно невменяем. Она была в палате одна, и на приход подруги не среагировала ни малейшим движением.

Было жутко приближаться к ней, однако посетительница, преодолев страх, подошла к ее кровати и села рядом. Юлька не шелохнулась. Инга коснулась ее руки и заплакала. Подруга была как каменная. В это время в покой вошла медсестра. Она вытаращила глаза, молча подошла к посетительнице и, взяв за руку, выволокла из палаты вон.

— Инга, — услышала девушка слабый Юлькин голос.
— Подожди...

Девушка оглянулась. Юлька сидела в той же позе, отрешенно глядя в пустоту.

— Возьми на себя ритуальные хлопоты, — произнесла она, не поворачивая головы. — Ключ у тебя есть. Деньги на верхней полке в шкафу.

Инга вырвалась из рук медсестры и бросилась к подруге.

— Да-да! Конечно! Я возьму! Я сделаю все, как скажешь! — залепетала Инга, горячо обнимая подругу.

Но та будто не слышала. Медсестра схватила посетительницу за шиворот и грубо вытолкнула в коридор. Юлька даже не подняла головы.

В тот день, носясь по погребальным салонам, Инга на время забыла о том ужасе, который случился с ней. Она вспомнила себя только после того, когда гробы с венками уже были заказаны и куплены места на Ново-Гиреевском кладбище. Все было оформлено: приглашен оркестр, заказан катафалк и назначены время и место отпевания.

Только после этого Инга вспомнила о чудовище, заившемся у нее под сердцем. «Сделать аборт и дело с концом», — сказала она себе и тут же направилась в женскую консультацию, которая находилась на Малой Бронной.

У дверей в поликлинику ее неожиданно охватил ужас, холодный пот пробил внезапно ослабевшее тело. В голове мелькнуло, что если потусторонние силы из-

брали ее чрево для рождения демона, то аборт ей сделять не позволят. А если позволят, то жестоко накажут.

Тем не менее, она без особых препятствий получила направление в стационар и, когда вышла на улицу, вздохнула с облегчением. Через три дня ей вычищут чрево, и через месяц она забудет об этом кошмаре.

Девушка побрела в сторону Пушкинского метро и вдруг почувствовала тошноту и головокружение, однако сразу взяла себя в руки и не позволила расплзаться рассудку по ближайшим переулкам. Инга осторожно развернулась и направилась в противоположную сторону. Тошнота начала понемногу уравновешиваться, но головокружение еще оставалось. Девушка инстинктивно почувствовала, что сейчас ей нужно быть там, где меньше всего народу. Несчастная медленно брела по пустынной Бронной, но ее сознание летало где-то над крышами зданий. «Это сейчас пройдет», — успокаивала себя несчастная. И действительно, через некоторое время она почувствовала себя лучше.

Однако полностью девушка очнулась только после того, как услышала, что сзади ее окликают. Она оглянулась на катившуюся за ней иномарку и затряслась от ужаса. В машине сидели те самые подонки, которые надругались над ней два года назад. Инга прибавила шаг и свернула к театру.

«Вольво», как ни в чем не бывало, завернула за ней. Фирмачи с дебильными лицами высунулись из окон и принялись наперебой приглашать ее в ресторан. Но Инга не отвечала. Девушка с ужасом вспомнила, что по коварному стечению обстоятельство, она и одета сегодня, как в тот день: в короткую темную юбочку и белую блузку с визжащим вырезом на груди. Ее опасения подтвердились. Один из них, кажется, вспомнил юную покорительницу мужчин первой категории. И в ту же минуту хамский хохот сотряс Малую Бронную. Инга почти перешла на бег, но в ту же минуту услышала, как сзади хлопнули дверцы. Двое из них догнали беглянку, преградили дорогу и уже менее деликатным тоном предложили остаток вечера провести в незабываемой компании. Инга послала их к черту и вырвала руку. Они грубо схватили за локти и захвачали.

Несчастная затряслась и подумала, что сейчас, наверное, следует кричать и звать милицию, но внутри все заиндейело. Прохожие трусливо прятали глаза и проходили мимо. Бедняжка умоляюще смотрела на встречных, но встречные не понимали ее вопиющего взгляда. Все кончились бы очень плачевно, если бы не мужчина, внимательно наблюдавший за этой сценой из-под козырька театра. Бандиты уже почти затолкали ее на заднее сиденье своей иномарки, как вдруг не хи-лого вида парнишка сошел с крыльца театра и быстрым шагом направился к ним. Орлы занервничали, однако девушку не отпустили.

— Все нормально, мужик! Иди своей дорогой, — загоготали они в три голоса.

Но мужик не пошел своей дорогой. Он молча приблизился к одному из них и со знанием дела вывернул ему руку. Второй трусливо попятился и психически защебетал:

— Сказано тебе, вали отсюда, козел!

В ту же секунду из машины с монтажкой в руках выскочил третий, но мужчина не сдвинулся с места. Освободившаяся девушка не замедлила спрятаться за его спину. Парни напирали, дико матерясь и угрожающе размахивая монтажкой, но мужчина и не подумал отступить. Он вынул из кармана нож, щелкнул кнопкой и, ни слова не говоря, поднес к горлу самому крикливо-му. Крикун тут же замолчал, а его товарищи отпрянули назад.

— Ладно, чувак! Стой здесь. Мы сейчас подъедем! — пригрозили ребятишки осипшими голосами и позорно прыгнули в машину.

После того, как они укатили, осыпав улицу грязными воплями и пустыми угрозами, мужчина спрятал нож и улыбнулся.

— Это ваши знакомые?

— Впервые вижу.

— Успокойтесь. Со мной вы в безопасности.

Инга вцепилась в его рукав и продолжала трястись до самого метро. Только в поезде она пришла в себя и украдкой присмотрелась к рыцарю. Ему было лет двадцать восемь, не больше. Лохмат, румян, могуч. В нем было что-то бычье и в то же время многое добродушного.

Но главное, он показался девушке знакомым до опупения.

У подъезда бык шумно вздохнул и как-то не по-мужски смущился.

— Таким красивым девушкам опасно ходить без телохранителя, — произнес он шутливо.

— Только где его взять? — улыбнулась она. — Кстати, мы с вами так и не познакомились. Как вас зовут?

— Марсель, — ответил мужчина.

6

24 июля 2001

На двух других листках были точно такие же расписки, адресованные международному агентству «Подиум». Одну написала тетка некой Анны Голубициной, другую родная мать какой-то Алены Кондратьевой. И та и другая не возражали, если их племянница и дочь будут работать за рубежом. И та и другая обещали не предъявлять никаких претензий к Международному агентству «Подиум».

— Завтра к полудню найдите мне это агентство, — приказал Батурин Игошину. — А сейчас поищите свидетелей.

Через полчаса свидетельница была найдена. Ею оказалась весьма разговорчивая пенсионерка со второго этажа. По ее уверению, эта парочка с самого начала показалась ей странной. А дело было так: в четвертом часу пенсионерка Майя Сорокина возвращалась из хлебного магазина домой. Подойдя к дому, она увидела, что у подъезда стоят двое: парень и девушка. Судя по всему, чужие. Они не знали кода и ждали, когда кто-нибудь из жильцов выйдет из подъезда. Пенсионерка открыла чипом дверь и впустила их в дом, несмотря на то, что они ей показались подозрительными.

— Оба в черных очках, козырьки надвинуты чуть ли не на нос, физиономии воротят. Хотя ребята культурные, вежливые. Сердечно поблагодарили, когда я им позволила войти в подъезд.

— Вы вместе с ними ехали в лифте? — спросил следователь.

— Я никогда не езжу в лифте! — поморщилась пенсионерка. — Я живу на втором этаже. Если бы я даже жила на четвертом, то все равно ходила бы пешком. Потому что это полезно для здоровья.

— То есть, после того, как вы вместе зашли в подъезд, вы отправились пешком, а они остались ждать лифт?

— Совершенно верно.

— Значит, вы их не особенно хорошо разглядели?

— Почему же? — обиделась Сорокина. — Как смогла, так и разглядела. Парень высокий, блондин, нос прямой, губы чайкой, на подбородке ямочка. Пользуется лосьоном «Менен», как мой зять. Одет в вельветовые джинсы и бежевую футболку. На плече черная сумка. Девушка на полторы головы ниже. Миловидная брюнетка, нос вздернутый, губы пухлые, над губой родинка. Одета в джинсовый костюм и белые кроссовки. Духи определить не удалось. Не успела. Извините!

Пенсионерка Сорокина развела руками и шумно вздохнула. Следователям ничего не оставалось, как переглянуться и временно потерять дар речи. Более полной информации не услышишь даже от специалистов из группы «ИН». Батурин вынул из кармана фотоработы и показал свидетельнице.

— Похожи? — спросил он, заранее не веря в то, что эти одинаковые физиономии могут быть на кого-то похожи.

— Да это они и есть! — всплеснула руками пенсионерка. — Один к одному...

Теперь никаких сомнений. Убийцы — те самые парень с девушкой, которые были на похоронах. Батурин хорошо разглядел их, когда они подошли к гробу. У девушки над губой была родинка, а у парня на подбородке ямочка.

В ту же минуту полковник посмотрел на часы и позвонил в редакцию журнала.

— Вахтер Васильев появился?

— А почему он должен появиться? — удивились на вахте. — Он отдежурил свою дневную смену. На ночь заступает Антонцев.

Пришлось снова звонить ему на домашний. На этот раз трубку взяли, но Батурин не произнес ни слова.

Главное убедиться, что Васильев дома. Буквально через двадцать минут Батурин со следователем прокуратуры звонили ему в квартиру. Когда хозяин открыл и окинул правоохранителей взглядом, то, казалось, даже не удивился. Он как-то затравленно улыбнулся и обречено покачал головой.

— Войти-то можно? — спросил Батурин, не сводя с охранника глаз.

— Да, конечно, — кивнул головой Васильев и безнадежно вздохнул.

Когда они сели за стол в маленькой кухоньке и посмотрели друг другу в глаза, хозяин квартиры скорчил обреченную физиономию и заговорил первым.

— Я догадываюсь, зачем вы пришли? Но я, ей Богу, не знаю где она? Так что извините! Помочь не могу.

— Вы о ком? — поинтересовался следователь.

— Об Анне Голубициной, — поднял брови хозяин. — Или вы по другому поводу?

— Нет, не по-другому, — сдвинул брови Батурин. — Вы еще не в курсе, что два часа назад вздернули второго сотрудника вашего журнала, Арнольда Евсеевича Чекушкина.

Васильев даже не испугался. Он перевел взгляд с Батурина на прокурорского следователя и произнес:

— Этого и следовало ожидать. Когда сегодня днем она пришла в журнал, то я так и понял, что Аннушка пришла по его душу.

— Потому что попросила у вас его адрес?

Хозяин утвердительно кивнул.

— Ну, что ж, мы вас слушаем, — подал голос следователь прокуратуры, устраиваясь поудобнее. — Рассказывайте все, что знаете об этой истории. Начните с Анны. Кто она? И что это за парень, который сопровождал ее на похоронах.

— Парня я не знаю, — поморщился Васильев. — Я его видел только единственный раз на кладбище.

— Разве он не приходил с Анной в журнал?

— Приходил. Но ко мне в дежурку не зашел. Он остался ждать в коридоре. — Хозяин немножко помолчал, затем, тяжело вздохнув, продолжил. — В общем, с Анной история банальная: отца нет, мать пьяница. Жили они в доме напротив. Как ни иду, бывало, с работы,

всегда ее вижу во дворе. Сидит на лавочке или в песочнице ковыряется. Все понятно: мамаша привела собутыльников. Когда у меня супруга была жива, мы часто ее к себе брали. Покормим, а то и спать уложим. Потом ее мамашу лишили родительских прав и выселили из квартиры. Анюта стала жить с теткой. Ничего так девочка стала, ухоженная, сытая, блеск в глазах появился. Подросла, стала стихи писать. Ну, я по дурости и привел ее к Вороновичу. Он тогда занимался с молодыми поэтами. Точнее, с поэтессами.

Васильев замолчал и угрюмо уткнулся в стол.

— Я виноват, — вздохнул он. — Мне и в голову прийти не могло, что он ее совратит. Я ведь не знал, что он портил молодых девушек. Мне об этом рассказали потом. Но уже было поздно. Анна так в него влюбилась, что было больно смотреть.

Сторож поднял глаза на следователя и прослезился.

— А ведь вы знаете, что пишут стихи только те, у кого надлом, или у кого жизнь наперекосяк, или от одиночества, как Анна. У всех поэтесс, которые ходили к нему, было в семьях неблагополучно. Вот он их неблагополучием и пользовался, потому что заступиться за них было некому. Словом, Анюту они потом на пару с Чекушкиным продали туркам.

— Откуда вам это известно? — встрепенулся Батурин.

— А вы думаете, они скрывали? Когда я спросил у Сигизмундовича, куда делась Анюта, он так мне прямо и ответил, со смехом: «Я продал ее Чекушкину». А Чекушкин мне сказал, что перепродал ее какому-то турку. Словом, видят, что у девушки никого нет, и пустили ее по рукам. Вот так! Ну, я думал все! Сгинула девка ни за что, как сгинули ее предшественницы Люда Авдеева и Алена Кондратьева, которых Чекушкин тоже сплавил за рубеж. Как вдруг Анна неожиданно объявилась. Жива и невредима. Да еще с женихом. Я очень за нее порадовался.

— Где живет ее тетка? — спросил следователь.

— Тетку вы тоже не найдете! — засмеялся сторож. — Она умерла полтора года назад. В ее квартиру въехали какие-то беженцы из Ташкента. А где остановилась Анюта, я не знаю.

16 июля 2001

Она была в черном и настолько отрешена от всего земного, что на нее смотрели со страхом. К вдове подходили выражать соболезнования, но ближе, чем на два метра приближаться не решались даже родственники. За все время похорон, Юлька не обронила ни единой слезинки и не произнесла ни звука. Только после того, как могилу засыпали землей, женщина в черном неестественно дернулась и ее понесло куда-то в сторону. Но упасть вдове не дали. Трое мужчин участливо подхватили женщину и вернули в вертикальное положение. Она высвободилась из их рук и пошла сама, хоть и не очень твердым шагом. Инга следовала сзади, чтобы в случае необходимости броситься ей на помощь. Вот тут-то навстречу и попалась другая похоронная процессия.

Первым, кого узнала Инга, был Чекушкин. Вслед за ним девушка заметила редактора журнала, вахтера, одноклассника Гогина, и только после этого решилась заглянуть в гроб. Инга вздрогнула. В гробу лежал Воронович. «Бывает же такое совпадение», — подумала она, и в эту минуту Юлька произнесла:

— Останься проститься с ним.

Вот таким образом девушка и попала на похороны к Вороновичу, на которые идти не планировала. Да, и не до Вороновича ей было в тот день. Сразу после поминок она хотела поехать к Юльке, но Юлька никого не хотела видеть. В тот день она отключила телефон, а без предварительного звонка подруга приехать не решилась. Телефон был отключен и с последующие два дня, и только на третий к вечеру Инге удалось дозвониться.

Когда она услышала Юлькин голос, внутри у девушки все сжалось. Голос был усталым и подавленным, хотя таким же спокойным.

— Ты как, Юлька? — прошептала Инга, давясь слезами. — Может, помочь чем-нибудь.

— Если хочешь, подъезжай, — слабо ответила Юлька и положила трубку.

Инга мигом влезла в босоножки и вылетела из дома. Через сорок минут она уже была на Чистопрудном бульваре. Юлька встретила подругу безрадостно. В ее квартире, несмотря на то, что внешне ничего не изменилось, было словно в склепе. Зеркала занавешены черным, ковры с пола убраны, на мебели слой пыли. Вглядевшись внимательней в хозяйку, Инга догадалась, что все это время Юлька ничего не ела. Когда гостья прошла на кухню, то опасения ее подтвердились. На столе — ни крошки, в хлебнице хлеб пятидневной давности, лежащая на рукомойнике тряпка превратилась в сухую щепку, что свидетельствовало о том, что посуда давно не мылась. К настойчивой просьбе подруги подкрепиться, Юлька отнеслась с отрешенным равнодушием. Открыв гостью дверь, хозяйка вернулась в комнату, погрузилась в кресло и закурила. Она была мертвенно бледной и высохшей, словно египетская мумия.

Инга подготовила чай и сделала бутерброды с колбасой. Она поставила поднос на столик перед хозяйкой, но та даже не взглянула. Юлька не обратила взора даже на Ингу, но спросила отрешенным голосом, глядя мимо нее.

— От чего умер Воронович?
— Повесился, — ответила Инга.
— В тот же день, что и мои?
— Да, в пятницу, тринадцатого июля... — произнесла Инга и вдруг осеклась.

Юлька долго молчала, попыхивая сигаретой. После чего загробным голосом произнесла.

— Три смерти в один день не могут быть случайными. Ты нашла его в Самаре?

Инга быстро сглотнула слюну и торопливо выдохнула:

— Нет! Его там нет, Юлька. С его фамилией и по его адресу проживает совсем другой дяденька. Что мне делать? Я умру от страха.

Юлька, наконец, перевела взгляд на Ингу, и глаза ее гневно вспыхнули. Это были очень страшные глаза. Когда хозяйка снова потупила взор, Инга вздохнула с облегчением. После тягостного молчания Юлька мрачно спросила:

— Что еще произошло в пятницу тринадцатого?

— Не знаю. Хотя нет. Я пошла брать направление на аборт и в тот же день на меня напали бандиты. Они меня чуть не увезли. Вмешался какой-то мужчина.

— Зря вмешался, — выдохнула Юлька. — Может, это и были действия светлых сил.

— Светлых сил? — ужаснулась Инга. — Если бы они втроем по мне прошлись и... ты это называешь действием светлых сил? — Инга неожиданно умолкла и вытаращила глаза. — Слушай, а после троих одновременно бывают выкидыши?

Юлька не ответила. Инга дрожащими руками вытащила из пачки сигарету и нервно закурила.

— Нет, — произнесла она, выдыхая дым. — Лучше аборт.

Юлька медленно повернула к ней голову и шепотом произнесла:

— Я дам тебе адрес одной бабушки в Печатниках. Она скажет, что тебе делать. Самостоятельно ничего не предпринимай.

Неожиданно слеза выкатилась на впалую щеку хозяйки, и она как-то сразу обмякла и согнулась. В следующую минуту Юлька уже рыдала в горячих объятиях подруги.

— Как жестока судьба, — восклицала женщина сквозь рыдания. — Она поиграла со мной! И с тобой сыграла шутку! Это наказание за то, что мы несерьезно относились к жизни. А жизнь в отместку несерьезно неслась к нам.

Юлька оторвалась от подруги и взглянула ей в глаза:

— Зачем мы читали эти дурацкую брошюрку о судьбах? Мы хотели поиграть, а в результате поиграли на-ми. А жизнь — не игра. Эта очень серьезный процесс. В ней имеет значение каждое слово, потому что любое слово само по себе значимо. Мы себе сами накликали беду своим же пустословием.

Инга оттолкнула Юльку и дрожащими руками потянулась к сигаретам:

— Моя мать в молодости вступила в секту сатанистов. Тоже хотела поиграть, — прошептала Юлька. — А как только поняла, что с жизнью играть нельзя и покинула секту, меня тут же украли те же сатанисты. Они хотели принести меня в жертву, но спасла милиция. А я

тоже хороша! Поверила в свою особую значимость и неприкосновенность. И вот провидение поставило меня на место...

8

25 июля 2001

На следующий день к полудню Игошин доложил начальнику, что международного агентства по трудоустройству с названием «Подиум» в Москве не существует. Во всяком случае, в департаменте труда и занятости никогда не слышали о такой конторе. Сообщение Батурина не удивило. Этого следовало ожидать. Однако в тот день Игошин сообщил патрону еще одну новость.

В фирме покойного Ахеева мадам Воронович узнала парня из службы охраны, который два года назад в компании двух архаровцев ворвался к ним в квартиру за дочерью. Он задержан. Но еще не начал давать показания.

— Ведите его ко мне, — приказал следователь.

— Это не все, — деловито произнес практикант. — Я поговорил с Риммой Герасимовной насчет Скатова. Она мне сказала, что с юношой знакома не была. Но на второй день после похорон он ей позвонил и попросил вернуть рукопись, которую дома редактировал ее покойный муж. Спешка была вызвана тем, что в тот день Скатов улетал в Стокгольм. Так что, никакой тайны тут нет. Он ее отвез на допрос. Она этого не отрицает. А после допроса они вместе рылись в архиве покойного, который он держал на дому. Вот, собственно, и все их отношения. Кстати, я заодно выяснил, куда ездил Скатов во время задержки рейса. В журнал «Литературная столица».

— Не плохо! — произнес начальник, удивляясь оперативности практиканта. — Теперь ведите задержанного.

Задержанный выглядел типичным головорезом: жеребячие мышцы, волосы ежиком, взгляд исподлобья. Внешность таких типов обманчива. Бесстрашные на вид, внутри они обычно нестойки и трусливы. Батурин это знал по опыту. Таких бесполезно запугивать тюрь-

мой, но угроза, что им попортят шкуру, бывает весьма эффективной.

— Фамилия! — грубо рявкнул следователь, не глядя на задержанного.

— Зайцев моя фамилия. Я что-то никак не врублюсь: за что меня загребли? Я эту тетку впервые вижу. Пусть докажет, что я к ней приходил. Не имеете права меня задерживать. Я буду жаловаться прокурору...

— А знаете ли вы, гражданин Зайцев, что следующим, кого вздернут на крюк, будете вы. Троих уже повесили, в том числе и вашего хозяина. Так что вы на очереди.

— А причем здесь я? — искренне изумился задержанный. — Я что ли их покупал? Их Рашид покупал. А я делал то, чего приказывали. Мне за это бабки платили. А дочку редактора никто не собирался увозить. Мы приехали только пугнуть папашу. Рашиду не надо девочек, у которых есть родители. Нужны ему лишние проблемы?

Через десять минут Зайцев с потрохами сдал все свое начальство. Он рассказал, что Рашид ежемесячно переправлял за границу по десять девиц. Особенно ценились несовершеннолетние. За них «отчехляли» большие бабки. Производство было накатано, механизм отлажен, главное, чтобы девушки не искали родные, поэтому предпочтение отдавалось малолеткам из детдомов. С родственников же брали расписки, что они не будут иметь претензии к агентству.

— Агентству «Подиум»? — уточнил следователь. — Это ваш филиал?

— Зачем филиал! — хмыкнул Зайцев. — Это подпольное название нашей фирмы.

Голубцову задержанный помнил хорошо. Это из-за нее вышел конфликт с литераторами из журнала. До этого они продали двух несовершеннолетних девиц, которых переправили за границу без особых хлопот. За третью литераторам дали крупный аванс, но девица наотрез отказалась ехать. Пришлось немного попугать. Это возымело эффект. Работники журнала уговорили девушку покинуть пределы родины, предварительно взяв расписку с ее тетки. Но больше Рашид решил с ними дела не иметь, хотя два месяца назад этот щуп-

ленький очкарик, которого повесили, снова приходил в их агентство.

— Зачем? — спросил следователь.

— Как зачем? — шевельнул бровями Зайцев. — К нам приходят с одной целью: продать девушку. Но его Рашид завернул. Хватит! Одну свинью очкарик нам уже подложил!

— Какую? — поинтересовался Батурин.

— Как какую? Голубицыну! Ее тетка нацарапала, что претензий иметь не будет, но у нее оказался парень в армии. Полгода назад он дембельнулся и наехал на Рашида. Разборка с ним была крутая... Рашид его, конечно, замочил. Но не до конца. Вот он и мутит воду...

— Где он живет? — перебил следователь.

— А я знаю? Если бы мы знали, где он живет, его бы давно уже не было в живых.

На этом допрос закончился. Теперь, кажется, все предельно ясно. Были известны убийцы и мотив убийств. Осталось только их найти. Была известна девушка, но неизвестно ее место нахождения. Про ее же друга не было известно ничего, кроме того, что полгода назад он уволился из вооруженных сил.

Поиск этой пары Батурин поручил Игошину, а сам начал готовить документы на возбуждение уголовного дела по факту торговли людьми. День был на редкость удачным, генерал необычайно говорчив, и, благодаря этому, ближе к полуночи в одном подпольном ресторане накрыли всю банду, как раз при передаче четырех девушек с Украины туркам.

На следующий день к вечеру Игошин задержал и убийц: Анну Голубицыну и ее друга Виталия Громова.

— Как вам удалось так быстро их взять? — удивился Батурин.

— Ловкость рук и никакой дедукции, — ответил довольно практикан. — Шучу. Все очень просто. Поскольку девушка прилетела из-за рубежа и, судя по всему, недавно, я запросил справочное «Аэрофлота». В справочном мне подтвердили, что Анна Голубицына действительно прилетела в Москву из Афин утром тринадцатого июля. Именно с этого дня начались массовые казни через повешенье. По двум последним убийствам я понял, что эта пара скоро сливает за кордон, потому

что она действовала слишком открыто, не опасаясь свидетелей. Я запросил то же агентство и снова не ошибся: Анна Голубицына должна была сегодня ночью вылететь в Афины. Остальное дело техники: сидеть в аэропорту и ждать. Не успели мы приехать в аэропорт, как сразу увидели их обоих. При задержании Громов оказал сопротивление. Сейчас у него берут отпечатки пальцев.

— Ведите сюда задержанного! — приказал Батурин и озабоченно посмотрел на часы.

Если начнет упираться, дело может затянуться до утра, — подумал следователь. — А завтра его нужно передавать прокуратуре.

Однако он ошибся. Молодой человек с открытым лицом, синими глазами и кучерявой шевелюрой не только не пытался отпираться, но с самого начала стал брать все на себя, активно выгораживая девушку.

— Это все я. Она здесь ни при чем! Не надо ее впутывать в это дерьмо. Она и так настрадалась с детства.

Его глаза были умаляющими искренними, как у ребенка. Батурин покосился на Игошина. Лицо Игошина излучало уважение.

— Прошу вычеркнуть из протокола, что при задержании он оказал сопротивление, — потребовал практикант.

— У вас вид на жительство в Греции? — спросил следователь.

— Да, я там живу. Полгода назад я выехал туда, чтобы разыскать Анну. Потом я пять месяцев работал в Турции, чтобы выкупить ее у турка. Сейчас у меня в Турции свое дело. Я открыл школу русского рукопашного боя.

Он посмотрел в глаза Батурину, после чего перевел взгляд на практиканта. Это не был взгляд убийцы. Это был взгляд отчаявшегося человека.

— Мы не хотели их убивать! — признался задержанный. — Я приехал продать свою квартиру, а Аннушка — повидать тетку. Она не знала, что тетка умерла. Тогда мы пошли в журнал к ее знакомому. Когда зашли, у нее подкосились ноги. Ну, думаю, сейчас встречу этого козла, который пустил ее по рукам, и убью. И тут узнаем от вахтера, что он утром сам повесился. С Анной ис-

терика. Сказала, что если бы она своими руками его повесила, было бы легче.

Парень тяжело вздохнул и приложился ладонью к собственному лбу. Батурин с Игошиным переглянулись.

— Вы хотите сказать, что Вороновича повесили не вы?

Парень устало оторвал ладонь.

— К сожалению, нет. Но Ахеева с Чекушкиным повесил я. Собственно ручно. Чтоб другим не повадно было. Это я заявляю официально. — Глаза парня сверкнули праведным огнем. — Также запишите, что я делал это сознательно, находясь в здравом уме, и что я в этом нисколько не раскаиваюсь. А Анна, запишите, никакого участия в этом не принимала.

Батурин с Игошиным снова переглянулись. Лицо полковника выражало досаду, лицо практиканта — сочувствие. Батурину это не нравилось.

— В котором часу прибыл ваш самолет из Афин? — спросил он.

— В пять утра, — ответил Громов.

В принципе время позволяло прилетевшей паре совершить возмездие и над Вороновичем. Но, скорее всего, Громов говорил правду. После того, как его увели, следователь позвонил в лабораторию.

— Отпечатки совпали?

— Увы! Отпечатки не те. Расслабьтесь, Анатолий Семенович. Сигизмундовича повесил кто-то другой.

Батурин положил трубку и подошел к окну. Уже стемнело. Все дела на сегодня были завершены. Можно со спокойной душой отправляться домой. Однако Батурин не двигался, тупо уставясь в окно. Что с литератором справился кто-то другой, в этом полковник не сомневался, но не было времени развить мысль в этом направлении. Кто еще имел зуб на Вороновича?

Перед глазами снова всплыл Ягуткин, у которого алиби. Вслед за ним возник Скатов, чьи отпечатки также не совпали. Римма Герасимовна тоже женщина не простая...

«Нет, не то! — тряхнул головой Батурин. — Тут скрыто что-то еще. Кажется, Инга говорила про какого-то парня из Самары. С одной стороны то, что лепила де-

вушка, отдавало паранойей, а с другой — все, о чем она говорила, оказалось действительностью».

Чем больше размышлял полковник милиции, тем яснее убеждался, что без девушки этого дела не распустить. Разгадка только в ней! Однако поразмысльте по поводу Инги снова не дали. Помешал Игошин.

Он влетел в кабинет без стука взъерошенный, красивый, и почему-то с разбитым лицом.

— Громов с Голубицыной сбежали!

— Что? — не поверил ушам Батурина. — Как это произошло?

— На трассе сломалась машина. Голубицына попротискалась в туалет. Я отпер и тут же получил удар в нос. Пока очухался, их и след простыл.

— Как это? — вытаращил глаза Батурин. — Тогда какого черта вы поехали ко мне? Нужно было гнать в аэропорт!

— В аэропорт поздно! — сокрушенно вздохнул Игошин. — Они уже в воздухе...

Батурин потерял дар речи. Он приглядился к кровоподтекам на лице Игошина и вдруг понял все.

— Так-так, — произнес он сквозь зубы. — В благородство играем. Да, знаешь ли ты, что этим поставил крест на своей карьере?

Игошин знал. Он криво усмехнулся и беспомощно развел руками. Батурину потребовались усилия, чтобы подавить в себе клокотания.

— Идите и пишите рапорт на имя генерала. В нем объясните, почему именно вы вызвались сопровождать преступников?

— Я попросил, чтобы меня добросили до дома. Нам по пути...

— Далее, почему вы отправились открывать, а не конвой?

— У него живот схватило...

— Молчать! Это объясните генералу, а не мне. Идите!

Игошин собрался выйти, но Батурин остановил.

— Водитель с конвойом ребята нормальные? — спросил он вполголоса.

— Мировые ребята, — подмигнул Игошин. — Молчание ягнят гарантирую...

— Тогда не указывайте в рапорте, что беглецы улетели в Афины. Объявите их просто в Федеральный розыск.

9

26 июля 2001

Несмотря надикую нехватку времени, следователь сумел выкроить полчаса на разговор с Ингой. Он приехал к ней домой в отсутствие матери. Больная была в мрачном расположении духа, но отвечать на вопросы не отказывалась. О своей встрече с незнакомцем из другого мира девушка рассказала настолько подробно, что Батурина диву дался, почему она до сих пор не в больнице. Паранойя явно прогрессировала. Если на первом допросе болезнь еще не была заметна, то этот разговор с девушкой оставил в душе милиционера тяжелый осадок.

— Ну, что ж, — через силу улыбнулся Батурина. — Если тот молодой человек объявитсѧ снова, позвоните мне.

— Вряд ли он объявитсѧ снова, — угрюмо ответила девушка. — Он сделал свое дело. А я выхожу замуж.

«Боже мой, — простонал про себя Батурина, садясь в машину. — Она еще собралась замуж. По ней психушка плачет, а она детей собралась рожать».

На всякий случай начальник отдела созвонился с Владимиром Новосельским из Самары. Он подтвердил, что вечером двенадцатого июля какая-то красотка действительно ломилась в его квартиру, требуя позвать однодомильца. Ничего толком не объяснив, незнакомка развернулась и как ошпаренная убежала.

— Мне показалось, что она была несколько не в себе, — робко предположил самарский агент.

— Возможно, — согласился Батурина.

По поводу Новосельского следователь сделал запрос. С одиннадцатого по двадцать восьмое мая он действительно был в командировке в Москве и подписал контракт с компьютерной фирмой «Спутник». Он действительно проживал в гостинице «Космос» в четыреста шестнадцатой комнате. Но тринадцатого июля он присут-

ствовал на работе, так что брать отпечатки у него не имело смысла. Конечно, было удивительно, что девушка знала о нем все, не зная самого главного — его самого. Но детально разбираться с этим не было времени. Того высокого, кучерявшего с серыми глазами, про которого говорила свидетельница, в природе, кажется, действительно не существовало, — заключил сыщик. — А если он и существовал, то только в большом воображении девушки. Однако следователь ошибался.

Через несколько дней после его звонка в Самару неожиданно домой к Инге явился милый ирландский друг в том самом первозданном виде, в каком впервые предстал перед ней. Когда девушка открыла дверь, то едва устояла на ногах от неожиданности. Он смотрел на нее веселыми, блестящими глазами и, по всей видимости, намеревался припасть к ее губам, но Инга в ужасе отшатнулась. В его глазах появилось удивление.

— Привет, Инга. Это я. Надеюсь, ты меня еще помнишь?

Инга побледнела и, слегкотнув слюну, попятилась в кухню.

— Еще, как видишь, помню, — пробормотала она. — Я бы рада забыть, да не могу...

Он широко улыбнулся.

— Пройти можно? Или мне подождать тебя здесь?

— Лучше подождать, — пробормотала она и быстро захлопнула дверь.

Переведя дух, девушка бросилась к телефону и мигом набрала номер Батурина.

— Анатолий Семенович, он явился! Тот самый англичанин из Самары... точнее, инопланетянин Володя, о котором я вам говорила... Что мне делать?

— Он у тебя дома? — осведомился следователь, деловито врубившись в суть вопроса. — Задержи его. Я сейчас подошу группу.

Девушка водворила трубку на место, на цыпочках прошла в прихожую и взглянула в глазок. Фантом по-прежнему топтался на площадке. Когда Инга открыла дверь и взгляделась в его смеющиеся глаза, то неожиданно поняла, что никакой он не оборотень и не инопланетянин, а такой же как все, слепленный по образу и подобию.

— Ладно, проходи, раз пришел, — произнесла она траурным голосом и провела в свою комнату.

Комната ее была совершенно крохотной, но уютной, с потертым диванчиком, туалетным столиком и множеством фотографий известных артистов на стене. Дома никого.

Нежданный гость нашел в ее облике удручающую перемену. В девушки не стало жеманства и высокомерного блеска. Она уже не сверкала коленками, не глядела обволакивающим взором, а пребывала в печальном расположении духа. На ней был темный до пола халат и шлепанцы на босу ногу.

Мрачное настроение передалось и гостю. Он сел на диванчик боком к столику и стал недоуменно наблюдать за хозяйкой, принявшейся суетливо расставлять кофейные чашки. Было заметно, что пришелец порывается обнять хозяйку за талию, но никак не может решиться из-за ее холодности.

— Что-нибудь случилось? — спросил он осторожно.

— Ты разве не знаешь? — произнесла она строго, и глаза ее тут повлажнели. — У Юли умерли муж и сын.

Гость из ниоткуда так смущился, что даже не посмел спросить, от чего умерли муж с сыном у такой чудесной женщины. Ему тут же захотелось покинуть эту квартиру и немедленно убраться туда, откуда он явился. Это Инга почувствовала спинным мозгом. Однако вместо этого молодой человек поднялся и робко обнял хозяйку.

— Не надо, — дернула плечами Инга. — К чему все это? И вообще... я выхожу замуж.

— Замуж? — изумился гость. — За кого? За того мужика на синем «Москвиче»?

Инга вздрогнула и медленно повернулась к гостю.

— Тот мужик на синем «Москвиче» повесился.

После этой новости пришлось вздрогнуть гостю.

— Боже, — пробормотал он растерянно. — Тогда за кого ты выходишь замуж?

— Ты считаешь, что больше не за кого? — искривила рот Инга. — Есть у меня один хороший парень. Ты его не знаешь, но, может быть, сегодня увидишь. Он должен придти с минуты на минуту.

Хозяйка бросила взгляд на стенные часы, и самарский гость беспокойно заерзal на стуле.

— Тогда зачем ты приезжала ко мне в Самару? — спросил он хмуро.

— Что? — удивилась Инга. — К тебе в Самару? Тебе известно, что я ездила в Самару?

— Извини! Я только вчера об этом узнал. Мне Новосельский не говорил, что ты приезжала. Он просто не знал, что ты искала меня. Он думал, это очередной фортель налоговой инспекции. А вчера ему позвонили из милиции и объяснили, что к нему приезжала шизофреничка из Москвы. Тогда он догадался, что она разыскивала меня. Ах, да, ты же ничего не знаешь. Я тебе сейчас все объясню.

И ирландский товарищ объяснил, почему Инга не нашла его на Московском шоссе. Да потому что он живет совсем в другом конце Самары. А на Московском шоссе живет его сослуживец, тезка, Володька Новосельский. Собственно, он и должен был лететь в Москву. На него была выписана командировка, доверенность и все остальные документы, а также заказаны билеты в оба конца и номер в гостинице. Но за два часа до отлета он попал в аварию, и ничего не оставалось, как лететь с его документами его сослуживцу.

— Значит, твоя фамилия не Новосельский, — сдвинула брови Инга.

— С чего ты взяла? — всплеснул руками Володя. — Я разве тебе говорил, что моя фамилия Новосельский? Моя фамилия Дворцов.

В ту же минуту Инга вспомнила, что он действительно никогда не называл своей фамилии. Про фамилию она узнала в фирме «Спутник». «Ну, и дура же я», — мелькнуло в голове.

Как она могла поверить во всю эту Юлькину белеберду. Кофейник в ее руках задрожал. Чтобы не расплескать кофе, Инга поставила его на столик и рухнула в соседнее кресло. Будто пелена спала с ее глаз. Инопланетяне, оборотни, демоны! Боже мой! И во все это верит образованная девушка двадцать первого века! Инга тяжело выдохнула и, наконец, взглянула в глаза гостя без всякой опаски.

— Скажи честно, ты все это придумал: — произнесла она серьезно, — про Ирландию, семнадцатый век и родинку на моем животе?

— Конечно! — вскинул брови гость. — Неужели ты все это приняла за чистую монету?

— Да нет... Конечно, нет, — засмеялась Инга, и глаза ее потускнели.

«Но как же так? Ведь родинка проявилась! Разве так бывает?» — подумала она и чуть не расплакалась. Однако расплакаться ей не пришлось. Сразу после этих слов в прихожей раздался звонок. Инга встрепенулась и побежала открывать.

После некоторой возни и невежливого щушканья за дверью в комнату вошел здоровый, румяный детина среднего роста, с которым гость уже, кажется, где-то встречался. Детина добродушно протянул руку и назвал свое имя. «Нет, никогда не встречался», — подумал Володя.

— Это мой жених, о котором я тебе говорила, — улыбнулась Инга из-за его спины.

В глазах жениха мелькнула едва заметная тень, но через мгновение он снова сделался душа человеком. Они еще мило посидели, попили кофе с печеньем, поговорили о погоде и еще о каких-то пустяках, и самарский гость все никак не мог понять: по любви выходит Инга замуж, или по каким-то соображениям? «Должно быть, по любви», — решил залетный кадр и со вздохом произнес, что ему пора на вокзал.

Володя нехотя поднялся, и парень простодушно вызвался проводить его до двери.

— Что ж, пока! Как говорится, до новых встреч в эфире, — улыбнулся Володя, протягивая Инге руку.

— О нет! Это наша последняя встреча, — грустно ответила Инга и спрятала руку за спину.

Жених вышел проводить Владимира на лестницу. Плотно прикрыв за собой дверь, он произнес приглушенным голосом:

— Она сказала тебе правду. Это ваша последняя встреча. С этой минуты забудь дорогу в этот дом. Больше не звони и не появляйся никогда. Понял?

Другу пришлось сокрушенно вздохнуть и недоуменно пожать плечами.

— Ты плечами не жми! — произнес здоровяк, хватая его за грудки. — И запомни, юноша, что ребенок, кото-

рого она носит, — это мой ребенок и больше ничей. Ферштейн?

Бедолаге ничего не оставалось, как открыть рот и театрально выкатить глаза, а будущий папа поднес к его горлу откуда-то взявшись нож:

— И все-таки жаль, что я тебя тогда не зарезал.

— Когда? — изумился гость.

— Когда ты прохлаждался у нас в таверне...

10

30 июля 2001

Что за чушь? Какая таверна? О чем вообще речь? «И где я, все-таки, мог видеть этого придурка?» — ломал голову Володя Дворцов, спускаясь на лифте. В довершении, когда он выходил из кабинки, его чуть не сбили с ног три милиционера, влетевшие в лифт с ревностью диких кабанов. «Кого-то накрыли», — счастливо улыбнулся молодой человек и вышел на улицу.

Погода была мерзопакостной, и на душе — словно кошки нагадили. «Да где же я мог видеть этого психа?» — морщился Дворцов, направляясь в сторону метро. Но до него дойти в тот день нашему герою было не суждено. Те же милиционеры, что вломились в лифт, выскочили из подъезда и запрыгнули в машину. «Облом», — ехидно подумал молодой человек, оглянувшись на них. Но милиционеры свою неудачу решили, видимо, выместить на прохожих. Милицейская машина догнала ни в чем не повинного парня, который только что расстался с Ингой, и, выскочившие из нее оперативники, потребовали у него документы. Торопливо пролистав паспорт, стражи сделали под козырек и вежливо попросили проехать с ними.

— А зачем? — удивился молодой человек.

— Нам нужно задать вам несколько вопросов.

К удивлению парня, милиционеры привезли его не в «клоповник», а в какое-то милицейское управление, где сразу сняли отпечатки пальцев и препроводили на второй этаж в кабинет с табличкой «Старший следователь А.С. Батурина».

— В чем дело? — повторил вопрос молодой человек, с тревогой вглядываясь в седого мужчину с внимательными глазами. В лице мужчины не читалось ни сочувствия, ни понимания. «Понятно, — сообразил гость из провинции. — Сейчас начнут «вешать» какой-нибудь теракт».

— Ваша цель приезда в Москву, — строго начал Батурин, рассматривая его паспорт.

— Я приехал к девушке, — мрачно ответил задержанный. — К любимой. Теперь это криминал?

— К какой девушке? — нагло напирал Старший следователь, не прояснив насчет криминала.

— Я же сказал: к любимой. А фамилию я у нее не спрашивал. Знаю только ее имя и адрес. Ее зовут Ингой. Мы с ней познакомились, когда я приезжал в командировку.

Полковник милиции метнул на парня подозрительный взгляд и едва заметно усмехнулся.

— Насколько мне известно, в командировке был некий Новосельский.

— Ах, вот оно что! — нервно засмеялся молодой человек. — Так бы и сказали, что вас интересует, почему вместо Новосельского приехал я? Как вы это просекли? А говорят, милиция плохо работает. Но понимаете, у нас ситуация в конторе была практически безвыходной: билеты уже куплены, номер забронирован, а Новосельский за два часа до самолета врезается в какой-то «Жигуль» и ломает два ребра.

Пришлось в подробностях изложить, почему нельзя было не лететь по этим билетам. Потому что налоговая одолела! Каждый день инспекция приходит в фирму и все чего-то вынюхивает, вынюхивает. Оформление командировки на одного человека, а потом переоформление на другого вызвало бы у налоговиков новый шквал подозрений, и они бы снова нашли, за что оштрафовать. Ведь им ни черта не докажешь. Легче по этим документам слетать другому...

Должностное лицо слушало очень внимательно. За все время откровений следователь не перебил ни разу. Он был настолько серьезен, что казался непробиваемым. Но в конце рассказа вдруг неожиданно рассмеялся:

— А вы хоть в курсе, что девушка приняла вас за оборотня?

— Что за чушь! — пожал плечами парень.

На этих словах позвонили из отдела экспертизы.

— Отпечатки пальцев не совпадают, — доложили оттуда.

Начальник отдела еще раз всмотрелся в напрасно сцепанного парня и на всякий случай спросил, хотя это было совершенно излишне:

— Где вы были утром тринадцатого июля?

— Если это были не выходные, то я был на работе...

«Что ж, молодого человека надо отпускать, — подумал следователь. — К убийству Вороновича он не имеет никакого отношения».

Батурина потянулся к ручке, чтобы подписать ему пропуск и пробормотал с добродушным укором:

— Эх вы, женатый человек, а клейте к молоденским девушкам, засоряете мозги, портите их, а потом исчезаете.

— Сам не знаю, как получилось? — мрачно вздохнул парень. — Как будто бес меня к ней толкнул... — Молодой человек поднял честные глаза на офицера и с провинциальным простодушием признался: — Я, собственно, не собирался снимать девочку. Вышел просто прогуляться, ну, в первый день, как прилетел в Москву. А тут натыкаюсь на поэтов. Они читали стихи под памятником Жукову. Такого наслушался — повеситься захотелось. Вот я и подумал, или сейчас повешусь, или сниму девушку.

— Лучше бы вы повесились? — подмигнул парню полковник.

— Я и сам так думаю. Вот послушайте, какой бред читал один из них. Я как-то сразу запомнил:

*Я душил молодые порывы души,
а потом продавался им сам за гроши,
но сказал мой товарищ: «Всему есть предел:
ты порывы душил, но висеть твой удел!»*

— Сильно! — похвалил Батурина, вручив парню пропуск. — И что же это, интересно, за поэт?

— Кажется Горин, или Гогин.

— Гогин? — удивился милиционер, и улыбка моментально слетела с его лица. — Гогин... хм... ну-ка еще раз прочтите.

После второго прочтения у Батурина на лбу выступила испарина. Он быстро выпроводил парня и вызвал Игошина.

— Максим, вот что вы должны сделать в первую очередь...

— Меня генерал отстранил до выяснения обстоятельств... — развел руками практикант.

— Вы мне этого не говорили, и еще не в курсе... — жестко перебил полковник. — Так вот, вы должны срочно добыть отпечатки пальцев поэта Гогина.

— Гогина, — удивился Игошин. — Вы думаете, это он? Но зачем?

11

13 июля 2001

А затем, что его никто никогда не любил. В первую очередь сына не любила мать, и не любили обе его тетки. Антон с раннего детства вызывал у них раздражение. Они все трое общались с ним исключительно на повышенных тонах, совершенно не боясь во внимание, что он всего лишь ребенок, а не их стервозный сослуживец. Что касается отца, то он умер от отравления алкоголем, когда мальчику было девять лет. Но и при жизни вечно поддатый папаша не обращал на своего отпрыска ни малейшего внимания, будто такого не существовало вообще.

Антона не любили в школе ни учителя, ни ученики. Честно говоря, любить его было не за что: вечно сонный, вечно помятый, неуклюжий, неулыбчивый, упрямый со злыми глазами волчонка. Он был пассивным, перебивался с двойки на тройки, опаздывал в школу, засыпал на уроках. Но другие тоже были пассивными, и тоже опаздывали и засыпали, но у них были друзья. Антон Гогин всегда был один. Его никогда не звали ни на какие школьные мероприятия, ему никогда не давали общественных поручений. Если складывалась ситуация

из разряда одно из двух: либо привлечь Гогина, либо вообще отменить мероприятие, предпочитали отменить.

Во дворе его тоже не считали за человека. Все общение с ним сводилось либо к битью, либо к словесным издевательствам. Гогин рано познал истину, что нелюбовь матери подобно снежному кому влечет за собой нелюбовь остального мира. Мальчик начал писать стихи от полного одиночества. Когда он впервые вылил на бумагу свою вселенскую обиду, то почувствовал неимоверное облегчение. С той поры у него появился друг. Это был невидимый, но внимательный и сочувствующий собеседник. Единственная условность, которая была необходима при общении с ним, к нему нужно обращаться через рифму.

Когда Антон впервые прочел свои стихи во дворе, товарищи уважительно присвистнули. С тех пор отношение к нему изменилось. Его начали уважать, но по-прежнему отказывались любить. Тем не менее, Антон сообразил, что с помощью стихов можно заслужить многое, в том числе и любовь.

Пацаны во дворе его действительно хвалили и уверяли, что никакие современные поэты не могут сравниться с ним, потому что все они пишут ради славы и денег, а он — выворачивает душу. И это была правда. Антон чувствовал, что его стихи несовершенны по технике, но они были пронзительно искренними. Гогин ни разу не покривил душой и не поступил ни одной рифмой ради лживой красоты слога. К этому времени первая красавица двора Инга Калинина вызывалась лично отнести его стихи в журнал. Сам поэт на это не решался и вовсе не из-за предчувствий, что его стихи сходу отвергнут, а из-за того, что они были невероятно откровенными, и поэтому не предназначеными для печати. Но лучше бы она не носила. Калинина вернулась из редакции с презрительной улыбкой на лице и, швырнув поэту его тетрадку, насмешливо произнесла:

— Извини, Гогин, но до поэтических высот тебе еще далеко.

Это была какая-то ошибка. Калинина что-то не так поняла, что-то напутала. Гогин не спал всю ночь. А на утро он вскочил ни свет, ни заря и написал поэму. Поэма получилась настолько гениальной, что автор сам

решил отнести ее в журнал. Если и про нее скажут, что она несовершена, то значит люди, работающие в журнале, не разбираются в поэзии.

Когда Натан Сигизмундович прочел его произведение и поднял на него глаза, Антон почувствовал, что этот человек понимает что к чему. Автор внимательно следил за ним во время чтения. В нужных местах лицо редактора вытягивалось, а в ненужных — его губы искашивались в насмешке.

— Не плохо, — произнес он, возвращая поэму автору. — Написано очень эмоционально. Но вы совершенно не владеете поэтической техникой. Вам нужно заниматься, тогда из вас выйдет толк.

«Наконец попался умный редактор, — подумал ранний посетитель. — В Москве — это большая редкость».

— Кому сейчас нужна поэтическая техника? — пожал плечами Антон. — В поэзии главное — правда.

Натан Сигизмундович внимательно посмотрел на молодого человека и, пожалуй, согласился. Однако в таком виде взять стихи для публикации категорически отказался.

— Наш журнал должен держать планку, — благородно объяснил он. — Но вижу, что вам очень хочется опубликоваться. Это нормальное желание. Иной раз необходимо посмотреть на себя со стороны. И, думаю, выход здесь найти можно.

Гогин радостно встрепенулся и подался все корпусом к редактору. «Не перевелись еще в России хорошие люди», — подумал он.

— Есть выход, есть! — ласково продолжал Натан Сигизмундович. — Мы можем издать ваши стихи в качестве приложения к журналу. Я поработаю над ними. Они стоят того, чтобы над ними поработать. Я доведу ваши стихи до соответствующего уровня, и мы с вами выпустим сборник. Разумеется, за свой счет. Есть у вас деньги?

— А сколько надо? — сразу сник молодой поэт.

— Две тысячи долларов.

— Что вы! — побледнел Гогин. — Откуда у меня такие деньги?

Лицо работника журнала резко переменилось. Улыбка моментально исчезла, и в глазах появилось презре-

ние. В них читалось, что ему крайне досадно, что он потерял время на этого бестолкового автора. Антону стало не по себе. Он вжался в стул и онемел от такой метаморфозы.

— Ну, а бесплатно возиться с этим вашим рифмованным мусором никто не собирается, — грубо произнес редактор.

— Как с мусором? — растерялся Гогин. — Вы же только что сказали, что неплохо.

Редактор недобро оскалился.

— Вы сами вникаете в смысл того, что пишите? Послушайте, как это звучит со стороны...

Второй раз пережить подобный разбор стихов поэт не согласился бы ни за какие деньги. Это можно сравнить с ковырянием булавкой в кровоточащей ране. Над Антоном много издавались в школе, во дворе, в семье, но все эти издевательства ничто по сравнению с издевательствами этого человека. В подобного рода садизме редактор был мастер. Этого Гогин не мог не оценить. Он знал, на что нажать и за какую струну дернуть, чтобы поэт взвыл от своей ничтожности. Все самое заветное, которое вырывалось из души и оформлялось в стихотворные размеры, за какие-то десять минут было раздавлено и втоптано в грязь этим человеком. А за что? Всего лишь за то, что у автора не нашлось две тысячи долларов. Но об этом он догадался потом.

А в тот день, возвратившись домой после эзекуции, Антон молча прошел в свою комнату, лег на кровать лицом к стене и лежал, не шевелясь, шесть дней. Жить больше не хотелось. Она потеряла последний и единственный смысл.

Антона спасла от смерти его равнодушная мать. Даже было удивительно, что она вызывала «скорую». Обычно родительница не входила в его комнату годами, совершенно не интересуясь, чем занимается ее единственный сын. А тут вошла, ахнула и побежала вызывать «неотложку».

Когда Гогина, полгода спустя, выпустили из психушки с клеймом «попытка суицида», ему ничего не оставалось, как устроиться на стройку ночных сторожем. Он стал еще более угрюмым и замкнутым. В восемнадцать лет бедняге казалось, что он прожил длинную, тяжелую

жизнь и теперь доживал последние дни. Однако от окончательного упадка его, как ни странно, снова спасли стихи. Он начал их кропать ночами во время дежурства, но на этот раз поклялся уже никому не показывать ни при каких условиях. Однако этому было сбыться не суждено.

На литературном фестивале, проходящем в большом зале МГУ, Антон познакомился с начинающим поэтом Максимом Скатовым. Молодые люди безошибочно выделили друг друга из толпы. У обоих был многозначительно угрюмый вид. У обоих на лице было написано, что пусти их на сцену и потолок зала МГУ рухнет от поэтического накала.

В тот день никому не известные стихотворцы продолжили вечер поэзии в маленькой сторожке Гогина. Они читали другу свои громокипящие строфы и единодушно материли фестиваль. Вот тут-то в процессе общения и выяснилось, что стихи Скатову обрабатывает лично Наташ Сигизмундович, который пророчил своему ученику великое будущее. В отличие от Гогина, у Ската нашлось две тысячи долларов, поэтому в великом будущем нового знакомого Антон не сомневался.

Страшная тоска охватила восемнадцатилетнего ночных сторожа. Он сник и впал в депрессию. Однако его новый друг, узнав о том, как жестоко обошелся Воронович с молодым талантом, был искренне потрясен:

— Оплевать такого поэта? За это вешать надо! Тот, кто сознательно затаптывает лучшие порывы души, истинный враг человечества.

Это было сказано так правдиво и горячо, что в душе у Гогина все перевернулось. Перед глазами предстал этот жирный ублюдок, беспомощно болтающийся в петле. С того дня только эта картина грела душу несчастного поэта.

Осуществление этого безумства подогревали и явные успехи Ската, который по поэтическому напору был гораздо слабее Гогина. Однако у него вышла большая подборка в журнале, и готовилась следующая. Нельзя сказать, что Антона терзала зависть. Ему было досадно, что собрат по перу теоретически считал Вороновича мерзавцем, а практически пользовался его услугами. А ведь оказалась тогда у Антона две тысячи баксов, тогда

бы в его душе не было так нагажено, и не было так беспросветно.

Когда у Скатова вышла вторая подборка, Гогину уже было невмоготу. В воскресенье тринадцатого мая Антон проснулся с крамольной мыслью, что если он не осуществит возмездие над искрогасителем, то уже никогда не выберется из депрессии. В тот день молодой поэт вышел на улицу со странной улыбкой на лице. Заводделом поэзии, висящий под потолком собственного кабинета, виделся так отчетливо, что Антон даже разглядел на его груди табличку с посмертными строками:

*Я душил молодые порывы души,
а потом продавался им сам за гроши,
но сказал мой товарищ: «Всему есть предел:
ты порывы душил, но висеть твой удел!»*

В тот же час Гогин набрел на поэтов-патриотов, всенародно горланящих свои призывы под памятником Жукову. Антон тоже попросил слово и прочел это четверостишие в микрофон. Оно вызвало в толпе смех и некоторое оживление. Поэт счел это добрым знаком.

С понедельника он начал готовиться к осуществлению своего плана. Купил в магазине капроновую веревку и кусок мыла. После чего пришел в журнал к Вороновичу и заявил, что у него есть две тысячи долларов. Боже мой, как преобразилось лицо Натана Сигизундовича, каким оно стало доброжелательным и любезным. Редактор принял льстить и восхищаться стихами молодого автора. «Иуда, — грустно подумал Гогин. — Твой удел, как и его, висеть в петле».

С того дня Антон стал ежедневно приносить Вороновичу стихи. Он носил их не ради того, чтобы услышать о них лживую лесть. Гогин осматривался. Осматривался и тянул с оплатой. Ничто не ушло от внимания поэта: ни массивный крючок на потолке, на котором висела люстра, ни пристройка под окном его кабинета, ни бестумбовый столик неподалеку от дверей. Собственно, этот столик и навел на мысль умыкнуть из каптерки ключ от кабинета Вороновича для снятия копии. Когда все было готово, Гогин подловил момент и открыл все шпингалеты на окне редакторского кабинета.

Утром тринадцатого июля в половине седьмого утра Гогин с бьющимся сердцем влез через окно в кабинет завотделом поэзии. За пазухой у него была веревка, в кармане нераспечатанное мыло и вчетверо сложенное четверостишие. Честно говоря, Антон до конца не верил, что способен в одиночку совершить возмездие над Вороновичем. Полчаса он сидел на его стуле, взвешивая за и против. Ровно в семь поэт встрепенулся. Нужно было поторапливаться. В девять двор начнет наполняться людьми.

В ту минуту, когда Гогин дрожащими пальцами набрал домашний телефон Вороновича, в коридоре раздались шаги сторожа. Пришлось на несколько минут затаиться и подождать, когда он спустится вниз. После его ухода Гогин позвонил во второй раз и, услышав дремучее «алло» редактора, коротко и деловито произнес:

— Наташ Сигизмундович, это Гогин. Деньги со мной. В восемь жду вас в редакции.

Воронович даже не поинтересовался, почему так рано. Его голос сразу приободрился и сделался обаятельный.

— В восемь буду, как штык, — ответил он весело.

До его прихода оставался еще целый час. Гогин отпер кабинет, бесшумно занес беспутбовый столик, поставил на него стул и, наконец, добрался до крюка, который присмотрел давно. Антон накинул на него веревку и вынес столик обратно.

Но даже после того, как намыленная петля эффектно свесилась с потолка, и тогда Гогин не верил, что будет способен затянуть ее на шею метра. На что он рассчитывал? На испуг. Оскорбленному в лучших чувствах поэту было достаточно одного испуга этого мерзавца.

Однако Воронович, войдя в восемь часов в собственный кабинет, не испугался. В его глазах было удивление, но не было никакого страха. Он настолько презирал этого юного автора, что висящая посреди комнаты петля не вызвала в нем никакого содрогания.

— Это еще что такое? — произнес он, нахмутившись.

— Это для вас, Наташ Сигизмундович, — счастливо улыбнулся Гогин. — Я вас приговорил к казни через повешение. Говорят, душа в человеке находится где-то в

районе сердца, а после смерти выходит через голову. Но петля на шее не выпустит вашу душу, и вы в полной мере узнаете, что такое пребывать в мертвом теле.

Если бы Воронович хоть на секунду поверил, что его действительно могут вздернуть, то продолжения бы не последовало. Но он и близко не допустил, что этот ничтожный графоман может причинить ему какой-то вред.

— Хватит мозги полоскать. Где деньги? — произнес он раздраженно.

Это было последней каплей. «Все равно презирает и всегда презирал, даже когда льстиво отзывался о стихах», — с отчаяньем мелькнуло в голове у юноши.

Поэт подошел к нему и вцепился пальцами в горло. Ну и тогда Воронович не принял этого всерьез и даже не подумал отстраниться. А Гогин, между прочим, знал, на какую точку следует нажать, чтобы через пять секунд человек отключился.

Когда редактор без чувств повалился на пол, все остальное произошло само собой. Словно на автомате Гогин накинул на шею отключившемуся мужчине петлю и без особых усилий вздернул его тяжелое тело под потолок. Подождав, когда оно оттрепыхается, безумец привязал веревку к ручке двери, после чего бесстрашно сунул четверостишие в его рукав, подложил под повышенного стул, чтобы это выглядело самоубийством, и только после этого полез назад через окно.

Полное осознание того, что было совершено, пришло к Гогину через полчаса в вагоне метро. И вот тогда он ужаснулся. Но ужаснулся не содеянному, а тому, что оставил кучу отпечатков пальцев.

12

30 июля 2001

Как только Марсель с Володей вышли за дверь, ужасная тоска охватила Ингу. Она бросилась к телефону и быстро набрала Юлькин номер. Услышав ее мрачное «да», девушки с жаром воскликнула:

— Юлька, он приходил ко мне! Он оказался совсем не тот, кто мы думали. Все это ерунда. Володя нормальный человек.

И девушка в одну минуту рассказала все, как было на самом деле.

— Слава богу, — равнодушно ответила Юлька. — Искренне за тебя рада.

— А я как рада! — подхватила Инга. — Какое счастье, что я ношу в себе нормального ребенка. Но я его выгнала, Юлька! А, кажется, мое сердце лежит к нему. Что мне делать?

— Я тебе больше не советчик, — с тяжелым вздохом ответила подруга и положила трубку.

Глаза девушки стали влажными. Она хотела разрыдаться, но не дал возвратившийся из подъезда Марсель. Он чутко уловил настроение девушки и, ни слова не говоря, прижал ее к себе. Объятия жениха были Инге приятны, но в этот раз ей захотелось его оттолкнуть. В следующую минуту в квартиру позвонили. «Володя вернулся!» — радостно встрепенулось в груди. Хозяйка с готовностью распахнула дверь, но вместо Володи, увидала трех милиционеров.

— Где он? — спросил один из них.

— Ой, я забыла. Он только что ушел. Наверное, вам навстречу попался.

Оперативники без лишних слов развернулись и пошли к лифту. Инга хотела им крикнуть, что его незачем задерживать, поскольку она с ним разобралась, но не успела. Они зашли в лифт, и дверь за ними поспешно захлопнулась. «Ничего. В милиции разберутся. Не дураки же?» — подумала она.

— Что твой друг натворил? — поинтересовался Марсель.

— Так, ерунда, — неопределенно ответила Инга и включила телевизор.

Она опустилась в кресло, и Марсель, пододвинув стул, деликатно присел рядом. Он очень тонкий и чувствительный. Еще он предупредительный, тактичный и ненавязчивый. Он действительно умеет быть ненавязчивым, но сегодня уж лучше бы ее оставил.

Они смотрели телевизор, о чем-то болтали, но все мысли Инги были заняты Володей. Она знала, что поезд

в Самару отходит в шесть вечера, и чем ближе стрелки часов подползали к шести, тем невыносимей становилось на душе. Если бы Марсель сейчас ушел, она позвонила бы Анатолию Семеновичу и спросила: отпустили они Володю, или нет? Хотя звонить не было необходимости. И козе было понятно, что к отходу поезда его обязательно отпустят. И тогда Инга поехала бы на вокзал.

Хозяйка нервно посмотрела на часы. Было уже пять. Она покосилась на своего гостя. Гость и не думал собираться. Как назло!

В пятнадцать минут шестого Инга не выдержала и выскочила из кресла. Марсель удивленно поднял голову. Девушка честно посмотрела ему в глаза и сказала:

— Марсель, извини. Но мне сейчас нужно на Казанский вокзал. Я хочу его проводить по-человечески.

Он внимательно взгляделся в ее зрачки и понял все. Грустная улыбка появилась на его простодушном лице.

— Понимаю, — произнес он тонко. — Я могу тебя подвести.

— Да нет, что ты. Тебе, наверное, некогда, — смущаясь Инга, нервно взглянув на часы. — Хотя я буду благодарна, если подвезешь.

Когда они садились в машину, взгляд девушки упал на заднее сиденье. В какую-то секунду ей показалось, что это тот самый «Вольво», в который ее затащили архаровцы. Самым странным было то, что она уже несколько раз ездила на нем с Марселеем, но почему такая чушь пришла ей в голову именно сейчас? «Перенервничала и устала», — подумала девушка и захлопнула за собой дверь.

Разумеется, в отношениях с Марселеем ничего не изменилось, но они почти всю дорогу молчали. И молчание было тягостным. Хотя нет, перед тем, как тронуться, пара перекинулась несколькими фразами.

— Ты хочешь снова встретиться с тем, кому два часа сказала: «Это наша последняя встреча»? — с тонкой ironией произнес он.

— Во-первых, не встретиться, а расстаться, — раздраженно ответила она, — расстаться по-человечески, а во-вторых... мало ли, что я сказала?

После этого Марсель погрустнел еще больше.

— Произнесенное вслух обещание программирует дальнейшую жизнь. Не выполнить его — все равно, что бросить вызов судьбе, — пробормотал он тихо.

Инга не обратила ни малейшего внимания на его слова. Она смотрела на часы и кусала губы. Как назло, на Садовом кольце их угораздило попасть в пробку. Когда они из нее вырвались, было уже без двадцати шесть. Посадку давно объявили, и Володя наверняка уже занял место в купе. Марсель все прибавлял и прибавлял скорость, виртуозно лавируя среди больших и малых машин. Он чудом увертывался от встречных иномарок, шныряя с полосы на полосу, однако на улице Маши Порываевой из-за поворота неожиданно вывернулся трактор «Беларусь». Он загородил поддороги, а тормозить уже было поздно. Летевшая под сто двадцать «Вольво» сначала метнулась влево, затем вправо, после чего, зацепив бортом трактор, полетела в кювет. Она перевернулась несколько раз, и осталась лежать на боку.

Инга очнулась оттого, что почувствовала под собой влагу. Бедняжка сунула ладонь под юбку и ощутила тепло собственной крови.

— Ты жива? — услышала она сверху спокойный голос Марселя.

— Жива, — ответила Инга, удивившись собственному спокойствию. — Только из меня льет, как из подстреленной утки.

— Без паники. К нам уже бегут люди. Сейчас они нас вытащат.

В ту минуту, когда пострадавшую клали на носилки, пробило ровно шесть часов. Перед тем, как отключиться, Инга еле слышно простонала:

— Прощай, Володечка! Мы действительно больше никогда не увидимся.

Именно в эту минуту с одним из пассажиров Самарского поезда стало плохо. Он побледнел, схватился за сердце и, покачиваясь, поплелся к выходу.

— Вы куда, пассажир! — заволновалась проводница.

— Мы уже тронулись.

— Я не еду! Я раздумал! — пробормотал парень и повалился без чувств.

Его откачали при помощи нашатырного спирта, дали валидола, напоили чаем, затем аккуратно забросили на вторую полку. Немного успокоившись, парень раскрыл какую-то бульварную газетенку и принялся читать. Не усвоив ни строчки, он снова начал размышлять о девушке, которую навсегда покидал. То обстоятельство, что она выходила замуж, очень волновало молодого человека. Волновал его странным образом и любопытный выбор Инги. У «женишки» было явно что-то не в порядке с головой. Какие-то ножи за поясом носит, какие-то телеги гонит, о том, что чуть не зарезал его в таверне. Такой зарежет. И глазом не моргнет. И чего в нем нашла такая красавица как Инга?

При имени Инга у Володи снова начинало ныть под ложечкой. Откуда ему было знать, что эта красивая девушка, случайно встретившаяся на улице, так серьезно отнесется к его безобидной белиберде. Да-да, он пошутил: и про Ирландию, и про таверну, и про родинку, и что они были знакомы три столетия назад. Почему именно про Ирландию и про родинку, он и сам не знает. Взбрело в голову первое попавшее. Мало ли что может взбрести человеку в голову. Но главное, он вообразить не мог, что во всю эту галиматью девица поверит всей душой. Он, между прочим, подумал, что девушка с юмором, что она подыгрывает его фантазиям, и даже удивлялся ее остроумию. Неужели правда она поверила, что и Ингин телефон Володя высчитал по таблице Пифагора? Молодой человек отыскал его через номерные знаки «Москвича» ее престарелого друга. Стоило позвонить в ГИБДД и представиться инспектором Уголовного розыска, как домашний телефон хозяина той колымаги уже был у него блокноте. Это был невероятный, но факт! Телефон же девушки продиктовал сам Воронович, когда командировочный представился режиссером театральной студии.

Нет, правда, жизнь не такая легкомысленная штука, как может показаться на первый взгляд. И зачем ему, женатому идиоту, до сих пор влюбленному в свою верную супругу, понадобилась эта пустоголовая, развратная девчонка? Ради нее он никогда бы не бросил жену с двумя детьми... Хотя, кто его знает?

Колеса стучали, глаза слипались. И вскоре, выронив из рук газету, самарский чудак незаметно уснул.

И снился ему удивительный сон, удивительный тем, что все это, приснившиеся во сне, с ним когда-то уже происходило. Он возвращался в Ливерпуль на каком-то шикарном паруснике и был в каком-то невообразимом камзоле и широкополой английской шляпе. А тяжелые волны без конца окатывали стонущую палубу. Мачты скрипели и скрипели трапы, и скрипело все, что только могло скрипеть на этой антикварной посудине. Он додгадывался, что это прескверный признак, что еще пару таких раскатов и корабль разнесет в щепки. Но корабль развалился после четвертого раската.

На волнах он мертвой хваткой вцепился в обломок мачты, понимая полную бесполезность деревяшки и удивляясь могучей силе инстинкта до последнего держаться за эту никчемную жизнь. Он знал, что сейчас утонет, но ему не было жаль ни себя, ни своей молодости, еще не сгоревшей дотла и не рассыпанной по крупицам, как песок. Ему не было жаль в этой жизни ничего, кроме крохотной безделицы, мотыльком порхающей среди бушующих волн, — это тонкого женского силуэта, стоящего на скале и машущего ему беленьким платочком.

Море свирепствовало. Руки не слушались. Тело будто налилось свинцом. Да и сам он смертельно устал бороться с этой вечно злобствующей стихией. Он заметил, что хлебает уже без меры и что дальнейшая его возня на обломке мачты не имеет не малейшего смысла ни для него самого, ни для этой суетной жизни. Он додгадывался, что следующая волна, бегущая на него, будет последней, а трогательная женская фигурка на скале одной маленькой ирландской бухты все махала и махала ему своим беленьким платочком.

ЭПИЛОГ

Свадьба была не очень шумной и не очень многолюдной. Она проходила в верхнем зале ресторана на Чистых прудах. Играла живая музыка, подавались изысканные блюда и дорогие вина. Все было чинно,тихо и

интеллигентно. Все было красиво, изысканно и элегантно. Невеста была такой тонкой и изящной, что жених на ее фоне выглядел типичным быком. Единственным черным пятном на этом торжестве был черный платок одной гостьи. Но гостья была недолго. После первого же тоста стройная женщина в траурном платье незаметно поднялась и удалилась.

Однако уйти по-английски ей не удалось. В холле эту женщину догнала сама невеста.

— Юля, ты уже уходишь? — воскликнула она, кидаясь ей в объятья.

— Да мне уже пора, — грустно улыбнулась женщина, прижимая к груди невесту. — Поздравляю тебя! Будь счастлива. Твой жених мне понравился.

— Он выглядит несколько простоватым, но это только внешне. На самом деле он очень тонкий и чувствительный, как женщина. Юлька, останься еще немного.

— Извини, не могу. Сегодня шестьдесят шестой день... — глаза женщины наполнились слезами. — Ой, я все о своем. Прости! Я лучше пойду...

— Постой, Юлька. У Вороновича тоже сегодня шестьдесят шестой день. А это что-то значит? Кстати, Вороновича, оказывается, вздернул мой одноклассник Гогин, за то, что он измывался над его стихами. Наташа любил произдеваться над молодыми поэтами. Это я знаю. Позавчера был суд. Гогина признали невменяемым. Сейчас он в психушке. Ой, я снова что-то не то говорю. Прости!

Женщина грустно посмотрела в глаза подруге и нежно погладила по щеке.

— Как ты себя чувствуешь после выкидыща?

— Нормально чувствую, — бодро ответила невеста.

— Уже можно жить полноценной жизнью. Так что за мою сегодняшнюю ночь можешь не переживать... Кстати, — вытаращила глаза невеста. — Чем это объяснить, как не мистикой? Мы врезались в тот же самый «Беларусь», в который до этого долбанулись бандиты, что напали на меня на Бронной. Но это еще не все. «Вольво», в котором мы ехали, принадлежала раньше тем уродам. Марсель ее купил после ремонта в каком-то автосалоне. Прикинь?

— Не бери в голову. Это просто совпадение, — устало отмахнулась Юлька.

На этом подруги расстались и невеста, наконец, вернулась к гостям. Она смеялась, танцевала, вальсировала с женихом, пила шампанское, улыбалась подругам. Она выглядела вполне счастливой и была заразительно веселой, но никто не знал, что у этой легкокрылой невесты на душе было темно, словно в склепе. «Должно быть, шестьдесят шесть дней все-таки что-то значат», — подумала она.

Марсель чувствовал ее состояние и делал все возможное, чтобы веселье в ресторане никому не было в тягость. «Он очень мил и очень предусмотрителен, — отмечала про себя Инга. — Жить с ним будет легко и спокойно». А ей уже больше ничего не надо, кроме покоя и семейного счастья. Только бы у них были дети.

Когда ближе к ночи торжество, наконец, закончилось и молодая пара переступила порог своей квартиры, Марсель взглянул в глаза своей возлюбленной и заботливо спросил:

— Ты устала?

— Устала, — призналась Инга. — Но не до такой степени, чтобы спать в разных постелях...

В постели Марсель был лучше самарского чудака, но хуже Вороновича. В целом невесте понравилось, что творил ее избранник в ту ночь. Только в кульминационный момент ей показалось, что в нее будто плеснули кипяток.

От неожиданности Инга вскрикнула.

— Что-то не так? — встревожился Марсель.

— В желудке какое-то жжение. Зря я ела этот корейский салат.

Но вскоре все прошло и успокоилось. Уже на стадии засыпания Марсель сонно произнес, что планирует в недалеком будущем отправиться на заработки за границу.

— Ты не против? — поинтересовался он у жены.

— Конечно, нет, — ответила она.

И не знала Инга, что Марсель был не из тех, кто откладывает свои решения в долгий ящик. Буквально через неделю он собрал чемодан и уехал за границу. И с тех пор больше не возвращался. А у Инги 13 июля 2002

года родился очаровательный малыш, которого она называла Володей.

— Володей, это в честь него, — спросила однажды Юлька, многозначительно поглядев на подругу.

— Почему в честь него? — ответила Инга, отведя глаза. — Мне просто нравится это имя. Владимир — это значит владеющий миром.